

ISSN 2499-9636

OECONOMIA ET IUS

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№ 3 2026

Научный журнал

Основан в июле 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор

Александров Андрей Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

Заместители главного редактора

Тасаков Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Кадышев Евгений Николаевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Редакционная коллегия

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Ульяновск)

Барабанова Светлана Васильевна, доктор юридических наук, доцент (Россия, Казань)

Галазова Светлана Сергеевна, доктор экономических наук, профессор (Россия, Владикавказ)

Голиченко Олег Георгиевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)

Гошуляк Виталий Владимирович, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор (Россия, Пенза)

Гришковец Алексей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Епихин Александр Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Казань)

Ефимцева Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, доцент (Россия, Оренбург)

Кванина Валентина Вячеславовна, доктор юридических наук, профессор (Россия, Челябинск)

Козаченко Иван Яковлевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Ларионова Нина Ивановна, доктор экономических наук, профессор (Россия, Йошкар-Ола)

Линьярес Эрик, PhD, доцент (Бразилия, Рорайма, Боа-Виста)

Мельник Александр Николаевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Казань)

Осинцев Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Петров Александр Геннадьевич, доктор юридических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

Подольный Николай Александрович, доктор юридических наук, доцент (Россия, Саранск)

Пятов Михаил Львович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Румянцев Федор Полиектович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Элиста)

Салиева Роза Наильевна, доктор юридических наук, профессор (Россия, Казань)

Терехин Владимир Вячеславович, доктор юридических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)

Туманов Сергей Николаевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Саратов)

Хавьер Фернандо Сезар Коста, PhD, доцент (Бразилия, Рорайма, Боа-Виста)

Харламов Андрей Викторович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Худойкина Татьяна Викторовна, доктор юридических наук, профессор (Россия, Саранск)

Хужин Альфир Мисхатович, доктор юридических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)

Шагиева Розалина Васильевна, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Шамин Анатолий Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Княгинино)

Шкодинский Сергей Всеволодович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15

Тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)

E-mail: vestnik210@mail.ru

<http://oecomia-et-jus.ru>

**ОПТИМИЗАЦИЯ РАЗМЕЩЕНИЯ ФИЛИАЛЬНОЙ СЕТИ
КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА**

Ключевые слова: геомаркетинг, месторасположение офисов банка, развитие филиальной сети, геоинформационные системы, социально-экономические показатели региона.

Банковский сектор оказывает существенное влияние на развитие региональных социально-экономических систем, обеспечивая их необходимыми финансовыми ресурсами. При этом наблюдаются высокая концентрация банковских ресурсов в центральных регионах России и ограниченный доступ к банковским ресурсам в отдельных регионах.

Цель исследования – анализ неравномерности территориального размещения банковских офисов и поиск возможностей устранения таких диспропорций.

Материалы и методы. Аналитическая модель для оптимизации размещения филиальной сети была построена с применением данных Банка России о задолженности по кредитам физических лиц, средствах клиентов, кредитах юридических лиц, а также данных Росстата о среднемесячной заработной плате работников, количестве активных предприятий, численности населения, индексе выпуска товаров и услуг. Геомаркетинговая модель реализована на языке Python с использованием библиотек Pandas, NumPy, Matplotlib, Scikit-learn (RobustScaler, LinearRegression, RandomForestRegressor, KMeans). Построенная ансамблевая модель объединяет 3 направления работы модели машинного обучения (потенциала рынка, эффективности (ROI), анализа разрыва (недопокрытия)). Для кластеризации регионов был применен алгоритм K-Means.

Результаты. Для определения наиболее перспективных регионов для открытия банковских офисов были построены модели потенциала рынка, эффективности на офис (ROI), модель разрыва (недопокрытия) и ансамблевая модель. Модель потенциала рынка выявляет наиболее перспективные регионы исходя из динамики показателей социально-экономического развития. Модель эффективности на офис (ROI) выделяет регионы с точки зрения эффективности существующей банковской сети. Модель разрыва (недопокрытия) основана на построении модели линейной регрессии для определения прогнозного количества офисов, а также поиска отклонения от фактического количества действующих офисов. На основе этих моделей построена ансамблевая модель, которая выводит общую оценку перспективности региона для развития сети отделений. Кроме того, был проведен кластерный анализ регионов, по итогам которого регионы были распределены по пяти кластерам: высокоразвитые регионы с высокой экономической активностью (кластер 0), регионы с низким уровнем развития (кластер 1), регионы со средним уровнем развития и потенциалом роста (кластер 2), регионы с неравномерной активностью (кластер 3), узкоспециализированные регионы с высокой активностью корпоративного сегмента (кластер 4). Построенная геомаркетинговая модель позволяет определить перспективные регионы для развития сети отделений и учитывает социально-экономическое положение региона, эффективность банковской деятельности в регионе, а также потребность региона в новых банковских офисах.

Выводы. В условиях цифровизации банковской деятельности особую значимость приобретают геомаркетинговые технологии, позволяющие определять оптимальное месторасположение отделений кредитных организаций для повышения эффективности деятельности банка и доступности банковских услуг для населения. Построенная геомаркетинговая модель сочетает в себе ансамблевую модель, которая оценивает потенциал развития самого региона, и кластерный анализ, учитывающий социально-экономические и географические особенности, характерные для кластера. Такой подход служит основой для разработки стратегии развития банковской сети, включающей определение основных направлений и оптимальных форматов банковского присутствия в регионе.

Введение. Развитие и эффективное функционирование предприятий, домашних хозяйств, а также территориальных систем различного уровня напрямую зависит от развития банковского сектора. Банки предоставляют экономическим субъектам финансовые ресурсы, необходимые для обеспечения их деятельности и решения социально-экономических проблем. Однако наблюдается тенденция высокой концентрации банковских ресурсов в одних субъектах при недостаточной обеспеченности отделениями в других, что приводит к ограниченному доступу к банковским услугам для населения и организаций регионов, отдаленных от центральной части России.

Причинами неравномерного территориального распределения банковских отделений в региональном разрезе являются как социально-экономические факторы, связанные с асимметрией развития субъектов, так и влияние внешних условий, способствующих усилению диспропорций в регионах по обеспеченности банковскими услугами. Таким образом, повышение доступности банковских услуг в регионах играет важную роль для социально-экономического развития региональных подсистем.

Цель исследования – анализ неравномерности территориального размещения банковских офисов и поиск возможностей устранения таких диспропорций. Задачей исследования является построение геомаркетинговой модели для определения перспективных регионов для открытия новых банковских офисов на основе сочетания геодемографических факторов.

Материалы и методы. Для построения моделей были использованы данные Банка России о задолженности по кредитам физических лиц, средствах клиентов, кредитах юридических лиц, а также данные Росстата о среднемесячной заработной плате работников, количестве активных предприятий, численности населения, индексе выпуска товаров и услуг. Модель была построена и визуализирована на языке Python с использованием библиотек Pandas, NumPy, Matplotlib, Scikit-learn. Стандартизация данных была выполнена с применением межквартильного размаха посредством инструмента RobustScaler. На основе социально-экономических показателей развития регионов, а также показателей об объемах банковских ресурсов были разработаны 3 модели машинного обучения: потенциала рынка, эффективности (ROI), анализа разрыва (недопокрытия), а также ансамблевая модель, которая объединяет все три подхода и дает итоговую (ансамблевую) оценку перспективности региона с точки зрения расширения банковской сети. Была проведена кластеризация регионов на основе алгоритма K-Means с 5 кластерами ($n_clusters = 5$), а также параметрами $random_state = 42$ и количеством запусков алгоритма $n_init = 10$. Количество кластеров определено на основе метода elbow. Для построения тепловой карты регионов для визуализации результатов кластерного анализа применены модули для работы с GeoJSON.

Результаты исследования. В условиях цифровой трансформации финансового сектора геомаркетинг развивается в рамках новой парадигмы: он рассматривается как стратегический механизм управления гибридной клиентской экосистемой. Современный геомаркетинг в банковской сфере представляет собой интегрированный подход к принятию решений о территориальном размещении

точек присутствия, основанный на многоуровневом анализе пространственных данных, демографических паттернов и цифровых следов клиентов. Его сущность заключается в пространственной оптимизации сети, а также в выявлении «точек касания» (touchpoints), где географическая локация клиента коррелирует с его потребностями в банковских продуктах и готовностью к использованию цифровых каналов.

Эволюция геомаркетинга в банковской деятельности обусловлена тремя ключевыми факторами. Во-первых, структурной трансформацией филиальных сетей: в условиях роста доли дистанционного обслуживания (свыше 80% розничных операций в крупных российских банках по итогам 2024 г.) физические офисы переориентируются с транзакционных функций на консультационные и премиальные сервисы, что требует пересмотра критериев их локации. Во-вторых, территориальной поляризацией спроса, которая проявляется в сохраняющейся неравномерности финансовой доступности в регионах России (коэффициент вариации обеспеченности офисами между Центральным и Северо-Кавказским федеральными округами превышает 25 раз). В связи с этим необходимо применять дифференцированный подход к размещению точек присутствия с учетом уровня цифровой зрелости населения. В-третьих, развитие технологий пространственного анализа больших данных позволяет моделировать текущую и потенциальную емкость локального рынка с учетом миграционных потоков и градостроительных планов. Для этого геоинформационные системы (ГИС) интегрируются с транзакционными данными, данными мобильной геолокации и инфраструктурными показателями.

Согласно результатам современных исследований [3, 16], наблюдается переход от статической модели «офис–население» к динамической концепции «геопропространственного клиентского пути» (geospatial customer journey). Данный подход предполагает, что решения о размещении точек принимаются на основе прогнозирования поведенческих паттернов целевых сегментов в контексте конкретной территориальной среды. Реализация концепции предусматривает синтез трех компонентов:

- макроэкономического – оценки общей привлекательности региона;
- микролокационного – изучения факторов непосредственного окружения оценки (транспортная доступность, уровень конкурентной насыщенности, инфраструктурная связанность территории);
- калибровки под каналы взаимодействия, что заключается в приоритетном размещении цифровых точек входа в регионах с высокой интернет-проницаемостью и сохранении физического присутствия на территориях с низкой цифровой зрелостью.

Применение такого подхода позволяет сохранять баланс между стратегией оптимизации операционных издержек на открытие новых отделений и социальной миссией банков по обеспечению доступности финансовых услуг для населения.

Геомаркетинг выступает прикладным инструментом анализа географических данных (координат, карт, демографических показателей) с применением ГИС-технологий. Ключевая задача геомаркетинга состоит в оптимизации размещения офисов, территориальной сегментации клиентов и оценке рыночной

емкости локаций. Пространственный маркетинг представляет собой более широкую теоретическую парадигму, рассматривающую пространство в качестве многослойной категории, включающей не только физико-географическое измерение, но и социально-экономические, демографические, культурные и институциональные характеристики территории, влияющие на потребительское поведение. Различие данных подходов состоит в том, что геомаркетинг фокусируется на вопросе «где?» – определение оптимальной локализации объектов и анализ пространственных потоков. Пространственный маркетинг отвечает на вопрос «почему?», исследуя механизмы влияния пространственных структур на формирование спроса и конкурентной среды. В банковской сфере геомаркетинг обеспечивает техническую основу для принятия решений о размещении банковских отделений, тогда как пространственный маркетинг формирует стратегическую концепцию территориального развития с учетом региональной специфики финансового поведения населения.

Анализ научной литературы позволяет выделить три основных подхода к геомаркетинговому моделированию в банковской сфере.

1. Институционально-пространственный подход [3–5] рассматривает размещение банковских офисов как результат взаимодействия институциональных факторов (регуляторная среда, государственная политика) и пространственных закономерностей, акцентирует внимание на территориальной неоднородности банковской системы: различиях в плотности отделений, уровне финансовой доступности и насыщенности услугами между регионами. Кроме того, учитываются региональные диспропорции при планировании расширения филиальной сети. А.В. Осиповская расширяет данный подход, дополняя его анализом роли государственных банков как инструмента выравнивания дисбалансов. В частности, она подчеркивает их значимость в обеспечении финансовой доступности в депрессивных и отдаленных регионах, где частные банки не видят коммерческой целесообразности для открытия отделений [6].

2. Потребительско-ориентированный подход [1, 8] предполагает интеграцию больших данных о поведении клиентов с геопространственными характеристиками. Ключевым достижением данного направления является переход от статического анализа демографических показателей (возраст, доход, семейное положение) к динамическому моделированию клиентских потоков. Для этого используются геолокационные данные мобильных устройств, цифровые следы потребителей (история онлайн-покупок, активность в приложениях, транзакции), данные о перемещении и поведении клиентов. Л.А. Первицкая демонстрирует применение открытых геоданных (OpenStreetMap) для оценки транспортной доступности и инфраструктурной насыщенности локаций [7].

3. Оптимизационно-алгоритмический подход, представленный в зарубежных исследованиях [16, 18], формирует отдельную парадигму в области геомаркетинга. Его ключевая особенность заключается в трактовке геомаркетинговых задач как проблем оптимизации территориальной сети с использованием методов машинного обучения и прогнозной аналитики. В зарубежных исследованиях особое внимание уделяется количественным моделям прогнозирования клиентского трафика и расчету точки безубыточности для новых

локаций. Характерной чертой западных работ выступает интеграция геомаркетинга в общую стратегию omnichannel-обслуживания. В рамках данного подхода физические офисы не рассматриваются изолированно, а выступают элементом единой гибридной экосистемы, включающей также цифровые каналы (мобильные приложения, онлайн-банкинг), партнерские сети, точки самообслуживания [17], что позволяет обеспечить бесшовный клиентский опыт и оптимизировать распределение ресурсов между офлайн- и онлайн-форматами.

Анализ существующей научной литературы выявляет ряд существенных ограничений:

1) отсутствие иерархической систематизации факторов, влияющих на эффективность банковских офисов по уровням агрегации (макро-, мезо-, микро-);

2) недостаточная проработка взаимосвязи между геодемографическими характеристиками региона и финансовыми результатами. В большинстве исследований не раскрыта количественная и качественная взаимосвязь между геодемографическими параметрами территории (плотность населения, возрастная структура, уровень доходов) и финансовыми показателями эффективности офисов (ROI);

3) игнорирование эффектов цифровой трансформации. Современные исследования часто не учитывают, что развитие цифровых каналов обслуживания может компенсировать недостаточную плотность физических отделений при оценке целесообразности открытия физических офисов в отдельных регионах.

Рассмотрим примеры применения технологий геомаркетинга в отечественной литературе:

1. Выбор локации новой торговой точки с использованием методов пространственного анализа данных. В исследовании Л.А. Первицкой [7] рассмотрены основные факторы, которые влияют на месторасположение торговой точки, среди которых плотность населения, конкурентная среда, транспортная доступность, расстояние до различных объектов инфраструктуры. На основе данных факторов была построена модель расположения новой торговой точки с применением методов пространственного анализа данных и географических данных, которые были получены на основе веб-картографического проекта бесплатной географической карты мира OpenStreetMap.

2. В работах Р.А. Долженко [2, 3] рассмотрены основные подходы и этапы геомаркетингового моделирования рационального размещения банковских отделений, а также предложены рекомендации по расчету мощности сети банковских офисов.

3. Геомаркетинговый анализ больших данных. В исследовании С.В. Шайтуры [8] рассмотрены методы геомаркетингового анализа больших данных на примере оценки привлекательности жилья, выбора оптимального расположения отделения банка, а также решение логистических задач медицинского обслуживания сотрудников.

4. В статье С.И. Дмитриевой и М.В. Захаровой [1] представлен методологический подход к интеграции технологий больших данных и методов пространственного анализа в геомаркетинговых исследованиях потребительского поведения в мегаполисах.

В международной литературе в области геомаркетинговых технологий и геоданных исследования проводятся по следующим основным направлениям:

1. Искусственный интеллект и геоданные для повышения осведомленности местных сообществ об устойчивом пространственном развитии [17].

2. Геомаркетинг в размещении организаций розничной торговли. В статье E. Kerzina et al. [18] представлены результаты сетевого анализа параметров размещения организаций розничной торговли, а также рассматривается программное обеспечение в области геомаркетинга.

3. Оптимизация сети филиалов банка с использованием методов машинного обучения. Предложенная в статье D. Ardan [16] модель машинного обучения для прогнозирования клиентского потока позволяет определить наиболее перспективные места для аренды офисных помещений.

Проведем анализ развития кредитных организаций в региональном разрезе (рис. 1).

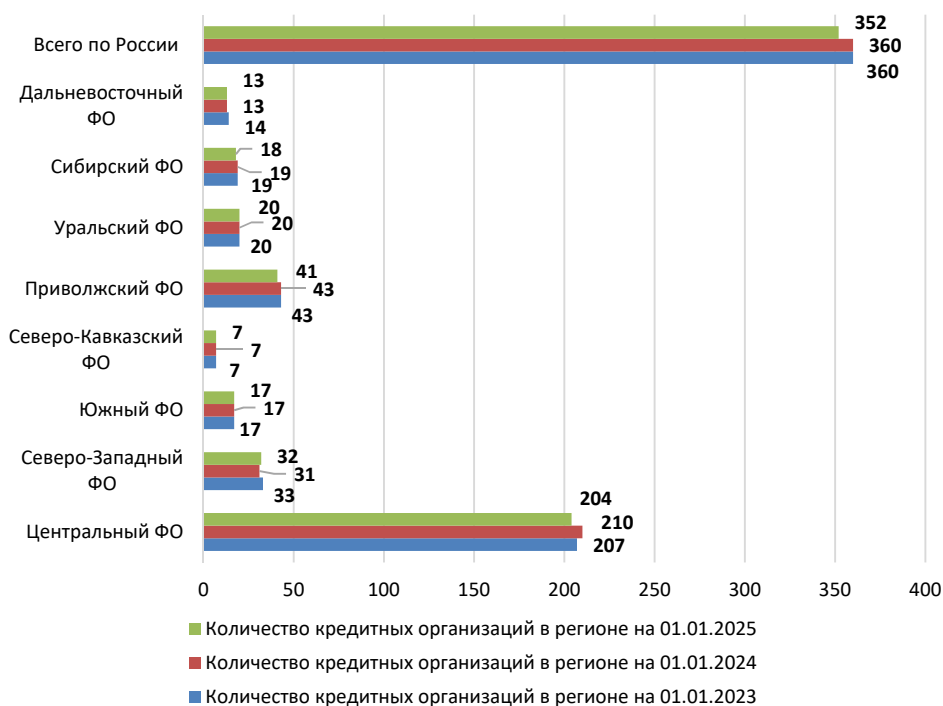

Рис. 1. Количество кредитных организаций в территориальном разрезе по федеральным округам (ФО) за период 01.01.2023–01.01.2025

На Центральный ФО приходится около 58% от всего количества кредитных организаций в России. При этом наибольший объем их активов сконцентрирован в данном округе, на 1 января 2025 г. его доля составила 79,3% от всего объема активов банковской системы. Также значительная часть активов банковской системы сосредоточена в Северо-Западном ФО, на 1 января 2025 г. она составила 18,2%. В других ФО доля активов не превышает 1% (рис. 2).

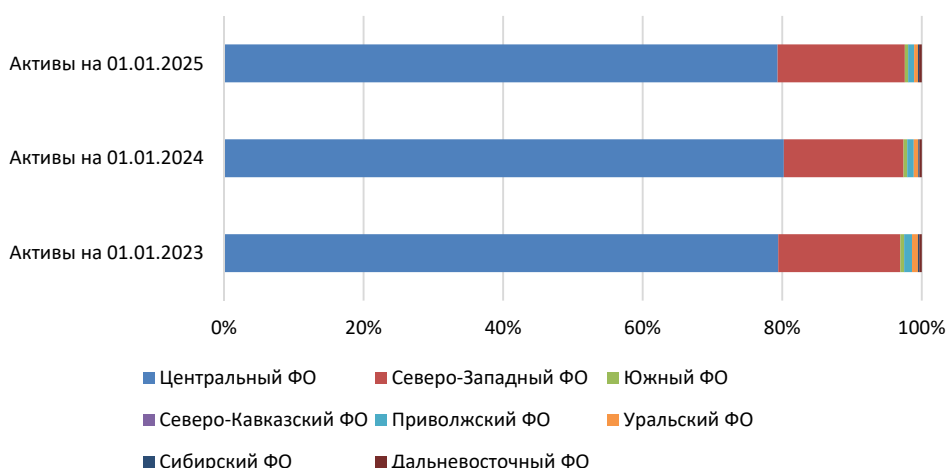

Рис. 2. Объем активов кредитных организаций в разрезе ФО за период 01.01.2023–01.01.2025, млрд руб.

За рассматриваемый период общий объем активов банковской системы увеличился в 2023 и 2024 гг. на 24,7% и 18,7%. Рост зафиксирован по всем ФО, за исключением Уральского.

Таким образом, наблюдаются неравномерность размещения кредитных организаций и концентрация их активов в разрезе ФО. Также имеет место тенденция сокращения количества кредитных организаций, что связано с цифровизацией банковских услуг и переходом их в дистанционный формат. В этих условиях банки оптимизируют свою филиальную сеть, закрывая неэффективные подразделения, а также открывая новые подразделения, расположение которых должно определяться с использованием современных геомаркетинговых технологий.

Геомаркетинговые исследования основаны на анализе пространственных данных с применением географических информационных систем, которые помогают определить экономическую целесообразность открытия нового офиса с учетом его месторасположения. Для этого используется система показателей, на которые обращают внимание при определении месторасположения отделений:

1. Социально-экономические показатели территории, к которым относятся:
 - численность населения и плотность населения на данной территории, его распределение по возрастным группам;
 - уровень доходов населения;
 - структура населения (соотношение работающих, пенсионеров, студентов, что определяет маркетинговую политику на данной территории и продвижение конкретных банковских продуктов, таких как зарплатные проекты, образовательные кредиты и т.д.);
 - показатели покупательной способности.

2. Уровень конкуренции. Оценивается наличие отделений других банков в рассматриваемом районе, а также их деятельность (количество офисов, предлагаемые банковские продукты). При высокой концентрации офисов банков-

конкурентов на данной территории рентабельность нового подразделения может быть незначительной.

3. Клиентские потоки. При размещении нового офиса необходимо учитывать движение клиентских потоков, т.е. близость офиса к торговым и бизнес-центрам, предприятиям городской инфраструктуры, станциям метро, остановкам общественного транспорта, крупным дорожным развязкам.

4. Доступность и удобство места размещения офиса. При развитии филиальной сети банки стремятся подобрать наиболее удобное для клиентов расположение своих подразделений. Они должны обеспечивать доступность офисов для потенциальных клиентов. Это достигается за счет удобных подъездов и парковочных мест, размещения отделения на первом этаже с отдельным входом. Также помещение должно быть доступно для различных категорий граждан, учитываются требования к пандусам, лифтам и эскалаторам, если офис располагается не на первом этаже.

5. Экономическая активность региона:

- количество организаций в субъекте. В регионах с высокой концентрацией предприятий пользуются спросом корпоративные банковские услуги;

- специализация района. В деловых и бизнес-центрах целесообразно открывать офисы, специализирующиеся на обслуживании юридических лиц, в жилых районах города – обслуживании физических лиц.

- уровень развития инфраструктуры (доступность остановок общественного транспорта, метро, наличие рядом торговых комплексов и бизнес-центров).

6. Финансовые показатели банка. При развитии филиальной сети важное значение имеет его финансовое положение. У крупных банков есть финансовые возможности арендовать помещения под офисы в центре города, небольшие банки стараются искать недорогие варианты.

7. Стратегия развития банка. Решение о развитии новых офисов прежде всего зависит от стратегии банка и того, в каком направлении он планирует развиваться: офлайн-обслуживание, дистанционное обслуживание, партнерство с местными организациями и т.д.

8. Потенциал развития региона. Оценивается перспектива развития района, в котором планируется открытие нового офиса, например, строительство новых жилых комплексов, бизнес-центров, торговых центров, что может обеспечить рост клиентской базы банка в будущем.

Таким образом, определение месторасположения банковского офиса основано на комплексном анализе как макроэкономических показателей региона, так и микрофакторов, связанных с конкретным местом размещения офиса, а также зависит от стратегии самого банка и потенциала рынка.

Авторами была построена геомаркетинговая модель для определения перспективных регионов для открытия новых банковских офисов на основе данных по количеству офисов кредитных организаций (головной офис, филиалы, представительства, дополнительные офисы) в региональном разрезе, а также социально-экономических показателей регионов, таких как численность населения, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, количество активных предприятий, задолженность по кредитам физических и юридических лиц,

средства клиентов, а также индекс выпуска товаров и услуг [9–15]. Стандартизация данных проведена методом RobustScaler. На рис. 3 представлена попарная корреляция изучаемых признаков.

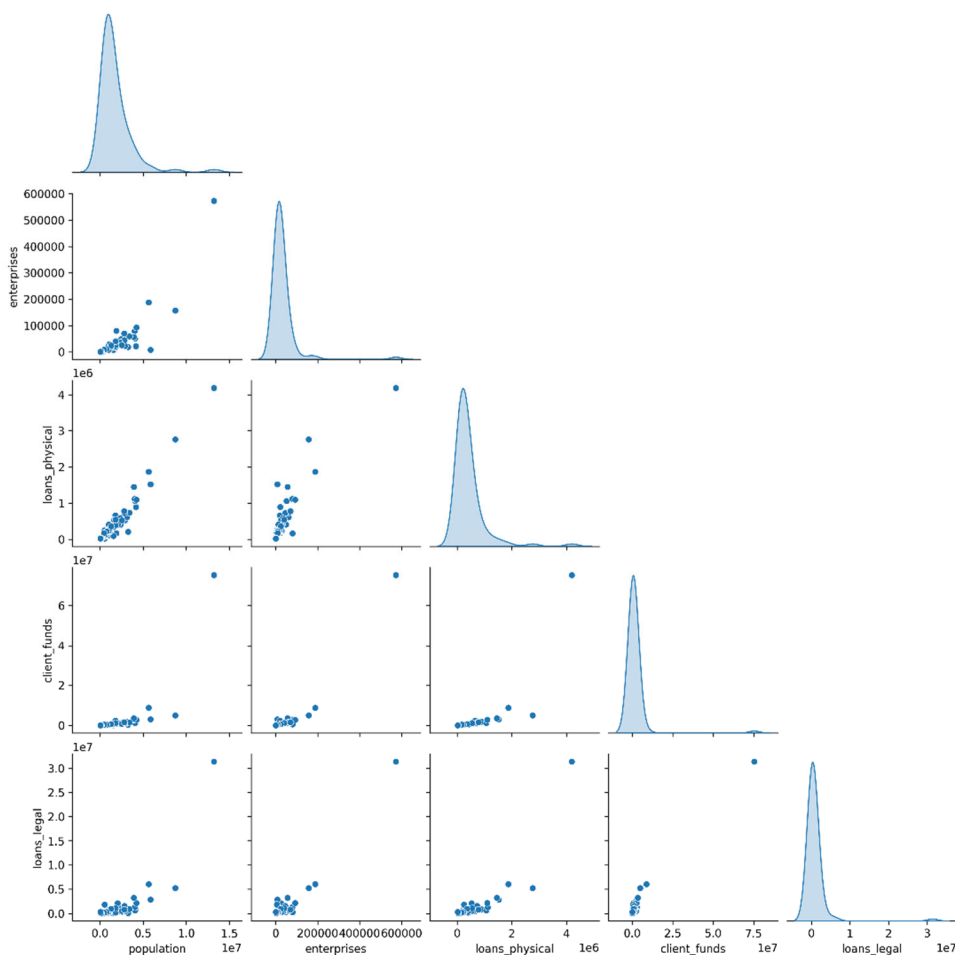

Рис. 3. Попарная корреляция признаков

Высокая корреляция между социально-экономическими и банковскими показателями ограничивает возможность прямой интерпретации коэффициентов линейной регрессии. В связи с этим регрессионная модель использовалась преимущественно как инструмент оценки прогнозного количества офисов и выявления регионального разрыва между фактическим и экономически ожидаемым уровнем банковского присутствия. Применение нескольких моделей позволило снизить чувствительность итоговой оценки к мультиколлинеарности отдельных факторов и обеспечить более устойчивую оценку перспективности региона. Для минимизации ограничений, связанных с мультиколлинеарностью факторов, в исследовании использовались алгоритмы ансамблевого машинного обучения (Random Forest), менее чувствительные к высокой корреляции

признаков по сравнению с классическими линейными моделями. Наличие высокой корреляции между признаками отражает существование устойчивых региональных социально-экономических профилей. Ввиду этого дополнительно был применен кластерный анализ, позволяющий выделить группы регионов со схожей структурой экономической активности и банковского спроса. Для региональных социально-экономических данных высокая корреляция признаков является не только статистическим эффектом, но и отражением объективной концентрации финансовой и деловой активности в крупнейших экономических центрах. Таким образом, мультиколлинеарность рассматривалась как характеристика структуры данных, а не исключительно как недостаток модели.

Модель потенциала рынка (вес 35%) анализирует социально-экономические показатели регионов и снижает оценку регионов с высоким текущим покрытием банковскими офисами. Наибольшим потенциалом рынка обладает Москва, что обусловлено большой численностью населения с высоким уровнем доходов, значительной плотностью предприятий и офисов, а также большими объемами банковских ресурсов. Московская область и Санкт-Петербург занимают второе место по потенциалу, так как характеризуются высоким уровнем доходов населения, развитой инфраструктурой, значительным количеством предприятий и офисов. Тюменская область и Свердловская область демонстрируют средний уровень потенциала. Эти регионы характеризуются развитой промышленностью и добывающим сектором, достаточно высоким уровнем доходов и умеренной плотностью организаций и банковских офисов. Республика Татарстан, Краснодарский край, Новосибирская область, Самарская область, Красноярский край имеют более низкий потенциал по сравнению с лидерами (рис. 4).

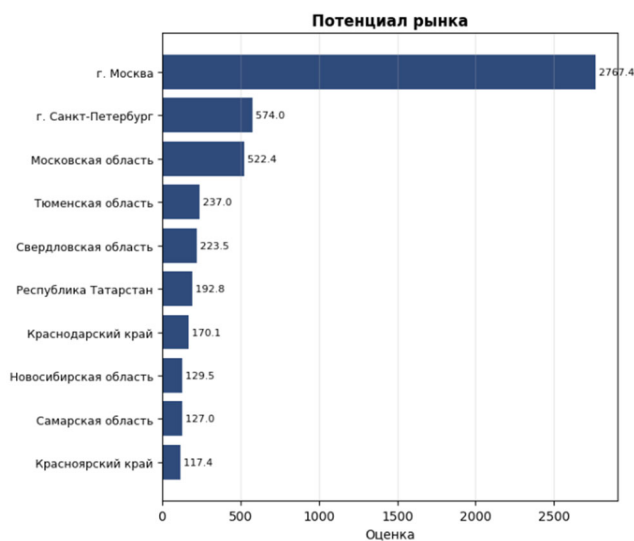

Рис. 4. Результаты применения модели потенциала рынка

Модель эффективности ROI (35% веса) рассчитывает эффективность существующих офисов, а также учитывает динамику роста рынка. Москва

демонстрирует наивысший уровень эффективности на офис, что связано с большой концентрацией организаций и банковских ресурсов, высоким уровнем заработной платы. Санкт-Петербург и Севастополь образуют вторую группу по эффективности. Чукотский автономный округ (АО) характеризуется значительным уровнем эффективности на офис, что объясняется высокой заработной платой и большим индексом выпуска товаров и услуг в 2024 г. при небольшой численности населения и малом количестве банковских офисов. Московская область и Чеченская Республика показывают средний уровень эффективности. Московская область имеет высокий уровень доходов населения, развитую инфраструктуру и достаточно большую концентрацию финансовых ресурсов. Чеченская Республика отличается низким уровнем доходов населения, но при этом демонстрирует рост деловой активности. Ленинградская область, Ямало-Ненецкий АО, Кабардино-Балкарская Республика и Новосибирская область имеют более низкую оценку эффективности, что связано с относительно небольшой плотностью предприятий и офисов, меньшими объемами финансовых ресурсов на офис, более низким индексом выпуска товаров и услуг, средним или низким уровнем заработной платы (рис. 5).

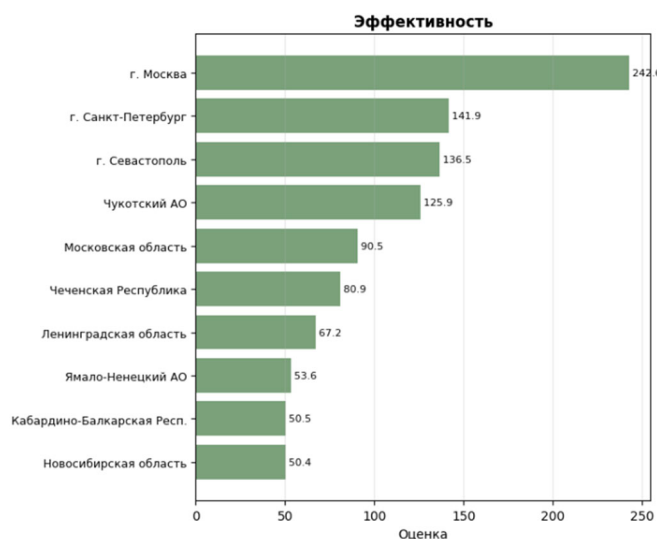

Рис. 5. Результаты применения модели эффективности на офис (ROI)

Модель анализа разрыва основана на построении модели линейной регрессии и поиска отклонения фактического количества офисов от прогнозного значения. Равенство весов модели потенциала и модели эффективности (по 35%) отражает современную стратегию банков: нельзя ориентироваться только на экономически развитые регионы без учета отдачи от уже размещенных офисов, но и нельзя опираться исключительно на прошлую эффективность, игнорируя растущие рынки. Относительное снижение веса модели разрыва (30%) обусловлено тем, что она чувствительна к выбросам (например, Чукотский АО), а снижение веса уменьшает влияние таких артефактов. Модель

выявляет регионы с недостаточным покрытием банковскими офисами и неудовлетворенным спросом на кредитно-депозитные услуги. Количество банковских офисов в i -м регионе ($Offices_i$) рассчитывается по следующей формуле:

$$Offices_i = \beta_0 + \beta_1 Population_i + \beta_2 Enterprises_i + \beta_3 Loans_Physical_i + \beta_4 Client_Funds_i + \beta_5 Loans_Legal_i, \quad (1)$$

где $Population$ – численность населения; $Enterprises$ – количество предприятий; $Loans_Physical$ – объем кредитов физическим лицам; $Client_Funds$ – средства клиентов; $Loans_Legal$ – объем кредитов юридическим лицам; β_j – коэффициенты модели ($j = 1, 2, \dots, 5$).

Алгоритм работы модели включает обучение на всей выборке регионов Российской Федерации, расчет прогнозного значения $Offices_i$ и вычисление разрыва

$$Gap_i = Offices_i - Offices_{i\text{факт}}. \quad (2)$$

Интерпретация разрыва основывается на следующих неравенствах:

$Gap_i > 0$ – регион недопокрыт офисами (прогноз больше факта, есть потенциал для открытия новых отделений).

$Gap_i < 0$ – регион перенасыщен офисами (факт превышает экономически обоснованный уровень – возможны оптимизация или закрытие существующих подразделений).

Для оценки перспективности с учетом разрыва используется не само значение Gap , а композитная оценка, где Gap нормируется и дополняется другими качественными показателями (уровень доходов населения, индекс выпуска товаров и услуг, объем кредитов физических лиц на душу населения, а также количество предприятий на 1 000 человек). Такое взвешивание позволяет сгладить регрессионные искажения (например, Чукотский АО с высоким Gap из-за малого числа офисов, но низкой плотностью населения) и дать более реалистичную оценку перспективам расширения банковской сети.

Можно сделать вывод о том, что с ростом численности населения и объема розничных кредитов потребность в офисах возрастает. Отрицательные коэффициенты регрессии показателей количества организаций и кредитов юридических лиц могут свидетельствовать о том, что юридические услуги и корпоративное обслуживание менее зависимы от физического присутствия офисов. Согласно результатам применения модели (табл. 1), наиболее недопокрытым банковскими офисами регионом является Республика Дагестан, в которой прогнозируемое количество офисов составляет 392 при фактическом количестве 85. Второй регион по недопокрытию – Московская область, т.е. имеется потенциал для развития филиальной сети. Регионы Северо-Кавказского ФО были отнесены к регионам с недостаточным покрытием банковскими офисами, что связано с особенностями социально-экономического развития регионов, а также географических особенностей, таких как низкий уровень доходов населения, наличие отдаленных поселений и горных районов, что затрудняет развитие филиальной сети. Тверская область и Брянская область показывают средний уровень недопокрытия (63 и 56 офисов соответственно) при достаточно большом количестве текущих офисов (141 и 129). Это свидетельствует о более равномерном покрытии, но с потенциалом для роста.

Таблица 1

ТОП-10 регионов по недопокрытию банковскими офисами

Регион	Разрыв	Количество офисов	Прогнозное значение
Республика Дагестан	307,0	85	392,0
Московская область	288,4	1042	1 330,4
Чеченская Республика	152,1	50	202,1
Республика Северная Осетия – Алания	76,1	53	129,1
Кабардино-Балкарская Республика	74,5	69	143,5
Республика Ингушетия	72,7	14	86,7
Карачаево-Черкесская Республика	70,5	26	96,5
Тверская область	63,4	141	204,4
Республика Тыва	62,4	43	105,4
Брянская область	56,3	129	185,3

Регионом с наибольшим значением разрыва является Чукотский АО, характеризующийся низким покрытием банковскими офисами (23 офиса), небольшой численностью населения, но при этом высоким уровнем заработной платы и индексом выпуска товаров и услуг (рис. 6). Вторым регионом по величине разрыва выступает Москва, где ключевыми факторами являются высокий индекс выпуска товаров и услуг, значительный объем кредитов на душу населения, высокая плотность населения и развитая деловая среда. Московская область, Санкт-Петербург и Севастополь характеризуются средним уровнем разрыва, так как демонстрируют сбалансированное развитие, но уступают Москве по масштабу экономической активности.

Рис. 6. Результаты использования модели анализа разрыва фактического количества банковских офисов от прогнозного значения

На основе моделей потенциала рынка (35% веса), эффективности на офис (35% веса) и модели разрыва (30% веса) была построена ансамблевая модель,

которая объединяет все три подхода для получения наиболее надежного и сбалансированного прогноза (рис. 7).

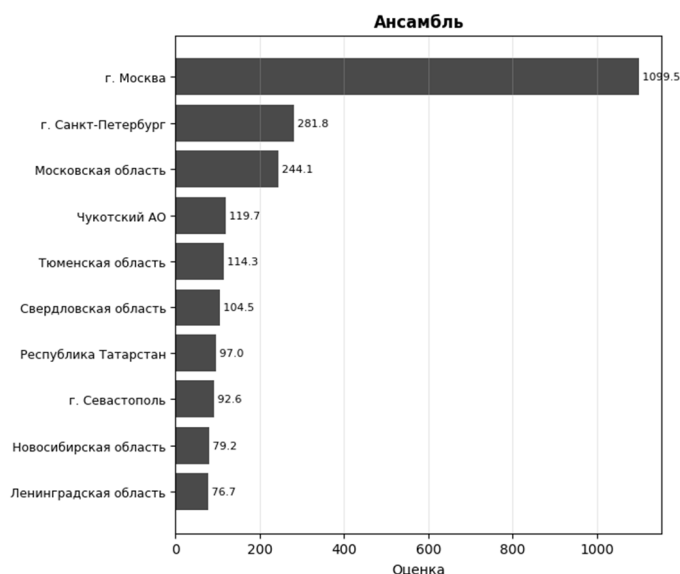

Рис. 7. Результаты использования ансамблевой модели оценки перспективности регионов для развития филиальной сети

Согласно ансамблевой модели наиболее перспективным для развития филиальной сети регионом является Москва, что объясняется высоким потенциалом рынка (численность населения, покупательная способность), эффективностью работы офисов (развитая инфраструктура, концентрация бизнеса), а также имеющимся разрывом между текущим и целевым количеством офисов. Таким образом, Москва выступает приоритетным регионом для расширения и оптимизации сети офисов. Московская область и Санкт-Петербург также являются ключевыми регионами для открытия новых банковских офисов, характеризуются значительным потенциалом рынка, эффективностью существующих офисов, а также возможностями для роста сети, так как имеется разрыв между фактическим и прогнозным значением офисов.

К перспективным регионам также относятся Тюменская и Свердловская области, в которых наблюдаются высокий уровень доходов населения и существенный разрыв между фактическим и прогнозируемым количеством офисов. В этом случае стратегия заключается в точечном открытии офисов в ключевых городах, имеющих наибольшую плотность населения и экономическую активность. Также стоит сфокусироваться на развитии корпоративного сегмента в связи с развитой промышленностью в регионах. Республика Татарстан также обладает потенциалом для развития банковской сети, так как характеризуется развитой промышленностью и высоким уровнем доходов населения. Перспективным для открытия банковских офисов является Севастополь с точки зрения

эффективности существующих офисов, а также имеющегося разрыва между фактическим и прогнозным количеством офисов. Новосибирская область имеет высокий потенциал по данным ансамблевой модели, так как отличается развитой промышленностью, деловой инфраструктурой и эффективностью существующих офисов. Ленинградская область является перспективным регионом для развития сети с акцентом на логистические и производственные банковские услуги – здесь отмечаются развитая промышленность и эффективность офисов, а также близость к Санкт-Петербургу и развитая логистическая инфраструктура.

Наиболее значимым признаком является объем кредитов юридическим лицам (`loans_legal`), что указывает на ключевую роль корпоративного сегмента в оценке потенциала региона (рис. 8).

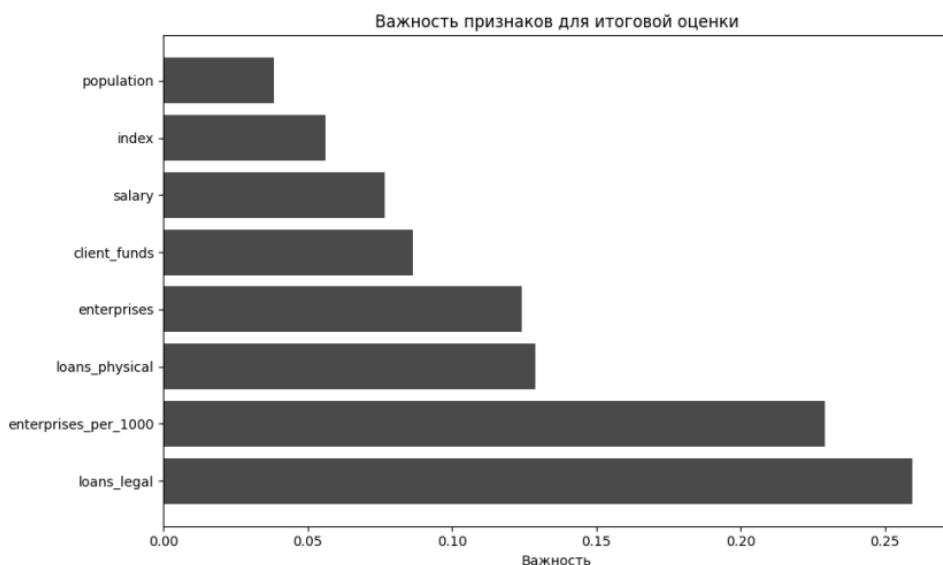

Рис. 8. Результаты оценки значимости признаков ансамблевой модели

Вторым по важности предиктором является количество предприятий на 1 000 человек (`enterprises_per_1000`). Кредиты физическим лицам – ключевой фактор, так как высокий уровень потребительских займов свидетельствует о спросе на банковские услуги со стороны населения. Умеренный вклад в модель вносят следующие признаки: количество предприятий (`enterprises`), средства клиентов (`client_funds`), уровень заработной платы (`salary`). К показателям с минимальной информативностью относятся индекс выпуска товаров и услуг (`index`) и численность населения (`population`). Модель показала, что абсолютные значения численности населения и количества предприятий имеют меньший вес по сравнению с плотностью бизнеса и финансовыми показателями.

Был построен график Scatter plot (рис. 9), сопоставляющий оценку перспективных регионов для открытия офисов с текущим покрытием.

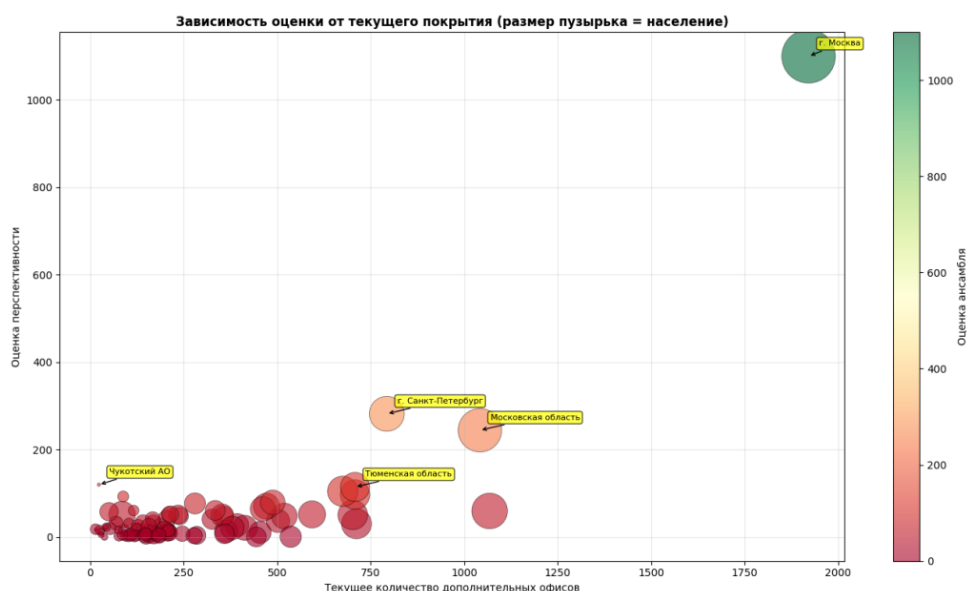

Рис. 9. Оценка перспективных регионов
для открытия офисов по сравнению с текущим покрытием

Москва лидирует по интегральной оценке перспективности и обеспеченности офисами. Размер пузыря (население) также максимальный. Сочетание высокой плотности офисов и большого рынка (населения) указывает на перспективность региона. Московская область и Санкт-Петербург располагают значительным числом офисов (800–1 000) при средней оценке 200–300 и многочисленном населении (размер пузыря), что свидетельствует об имеющемся потенциале роста рынка. Чукотский АО характеризуется средней оценкой перспективности (119,7), небольшим количеством офисов (около 50) и малой численностью населения, что ограничивает потенциал. Тюменская область расположена в средней части графика: оценка перспективности соответствует среднему уровню (114,3), а количество офисов – около 750, что указывает на сбалансированный, но не перенасыщенный рынок банковских услуг. Таким образом, Scatter plot демонстрирует взаимосвязь между количеством офисов, оценкой перспективности, численностью населения, выделяя ключевые регионы для экспансии и регионы с ограниченным потенциалом, и позволяет определить стратегию банка для расширения своей филиальной сети. Наиболее привлекательным регионом является Москва, которая сочетает в себе высокую оценку перспективности, значительную насыщенность офисов и большой размер рынка (население). Регионы со средней оценкой (100–200) и умеренной насыщенностью офисов (500–750) также имеют потенциал для экспансии. Для малонаселенных регионов (Чукотский АО) невысокая емкость рынка (низкая плотность населения) требует взвешенного подхода, например, развития дистанционного обслуживания вместо физических офисов. Был проведен кластерный анализ регионов по 8 признакам, перечисленным на рис. 7.

Для кластеризации используется алгоритм K-Means с 5 кластерами ($n_clusters = 5$, число кластеров определено методом elbow). В результате проведения кластерного анализа были получены следующие кластеры, средние характеристики которых представлены в табл. 2:

1) кластер 0 (10 регионов): Москва, Ненецкий АО, Мурманская область, Санкт-Петербург, Тюменская область, Ханты-Мансийский АО – Югра, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская область, Сахалинская область;

2) кластер 1 (6 регионов): Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика;

3) кластер 2 (56 регионов): Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Ивановская область, Калужская область, Костромская область, Курская область, Липецкая область, Московская область, Орловская область, Рязанская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Тульская область, Ярославская область, Архангельская область, Архангельская область без учета Ненецкого АО, Вологодская область, Калининградская область, Ленинградская область, Псковская область, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Республика Крым, Краснодарский край, Астраханская область, Волгоградская область, Ростовская область, Севастополь, Ставропольский Край, Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Нижегородская область, Самарская область, Саратовская область, Ульяновская область, Свердловская область, Тюменская область без учета Ханты-Мансийского АО – Югра и Ямало-Ненецкого АО, Челябинская область, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Хакасия, Красноярский край, Иркутская область, Кемеровская область – Кузбасс, Новосибирская область, Томская область, Республика Бурятия, Забайкальский край, Приморский край, Хабаровский край;

4) кластер 3 (13 регионов): Воронежская область, Республика Карелия, Республика Коми, Новгородская область, Пермский край, Кировская область, Оренбургская область, Пензенская область, Курганская область, Алтайский край, Омская область, Амурская область, Еврейская автономная область;

5) кластер 4 (2 региона): Ямало-Ненецкий АО, Чукотский АО.

Таблица 2

Средние характеристики кластеров

Показатель	Кластер 0	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4
Численность населения, чел.	2 709 943	1 232 629	1 779 806	1 254 503	283 718
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, руб.	131 599,68	45 037,57	68 858,10	68 749,56	176 219,75
Количество предприятий на 1 000 человек	20,22	7,32	14,87	13,14	11,20
Количество офисов на 1 000 человек	0,22	0,05	0,16	0,22	0,35
Средний объем кредитов физических лиц на душу населения, млн руб.	348 109,53	99 089,73	219 878,93	220 924,91	452 578,83

Окончание табл. 2

Показатель	Кластер 0	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4
Средний объем кредитов юридических лиц на душу населения, млн руб.	867 995,28	38 715,47	270 785,43	190 362,60	4 831 316,26
Средства клиентов на душу населения, млн руб.	1 384 652,43	83 905,86	392 670,14	356 095,60	639 127,86
Индекс выпуска товаров и услуг	99,79	107,27	103,77	103,48	127,05

Регионы, вошедшие в кластер 0 (средняя оценка перспективности – 170,1), характеризуются наибольшей численностью населения, преимущественно за счет включения в него Москвы и Санкт-Петербурга, а также высоким уровнем доходов населения (131 599 руб.), повышенной концентрацией предприятий, умеренной насыщенностью банковскими офисами, значительным масштабом розничного кредитования, существенной активностью корпоративного сектора, а также большим объемом средств клиентов на душу населения. Попадание в данный кластер таких регионов, как Мурманская область, Тюменская область, Ханты-Мансийский АО – Югра, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская область, Сахалинская область, объясняется высоким уровнем заработной платы в данных регионах. Таким образом, в рассматриваемую группу вошли как столичные регионы (Москва и Санкт-Петербург), так и территории Крайнего Севера и Дальнего Востока, которые сталкиваются с рядом вызовов (суровый климат, удаленность от центральных регионов, инфраструктурные ограничения), но при этом обладают большой ресурсной базой и специализацией на высокодоходных отраслях (добыча нефти и газа, алмазов, драгоценных металлов и других полезных ископаемых), высоким уровнем доходов населения, повышенной инвестиционной активностью.

Для регионов, относящихся к кластеру 0, оптимальной стратегией развития филиальной сети является комбинирование стационарных офисов в ключевых точках (высокая концентрация предприятий, транспортные узлы, административные центры), использование мобильных форматов (передвижные пункты для обслуживания малонаселенных территорий) и сотрудничество с местными организациями, почтовыми отделениями для предоставления базовых услуг для охвата отдаленных территорий, а также развитие цифровых сервисов. Такой подход позволит сбалансировать затраты, обеспечить доступность услуг и эффективно работать с корпоративным сектором, который является основой экономики регионов кластера 0.

К кластеру 1 относятся регионы Северо-Кавказского ФО (средняя оценка перспективности – 32,2), характеризующиеся небольшой численностью населения, невысоким уровнем доходов, что ограничивает спрос на банковские услуги, а также незначительной концентрацией предприятий (7,32 предприятий на 1 000 жителей), низкой насыщенностью банковскими офисами (0,05 на 1 000 жителей), что свидетельствует о недостаточной развитости финансовой инфраструктуры. Незначительный объем розничного кредитования связан с рисками невозврата выданных кредитов и недостаточной финансовой грамотностью населения.

Для регионов кластера 1 оптимальной является гибридная стратегия с преобладанием малозатратных форматов присутствия (мобильные офисы, партнерские точки, цифровые каналы) и постепенным развитием стационарных подразделений в ключевых локациях. Основными приоритетами стратегии являются экономическая целесообразность, минимизация затрат на открытие и содержание офисов, повышение финансовой грамотности населения и доступности базовых продуктов и услуг.

Оптимальными форматами банковского присутствия в регионах кластера 1 являются:

- мобильные офисы – передвижные пункты обслуживания для охвата отдаленных населенных пунктов;
- партнерские точки;
- стационарные офисы в административных центрах регионов и крупных городах;
- удаленные каналы обслуживания (мобильный банкинг, интернет-банк);
- POS-терминалы и банкоматы в ключевых локациях.

Такой подход позволит банку закрепиться с минимальными рисками, способствовать развитию финансовой инфраструктуры и постепенно наращивать клиентскую базу.

К кластеру 2 (средняя оценка перспективности – 33,5) относятся регионы с медианным уровнем развития, умеренной экономической активностью и потенциалом для роста. Регионы данного кластера характеризуются средней численностью населения, относительно невысоким уровнем заработной платы (68 858 руб.), достаточным для базовых услуг, умеренно развитой бизнес-средой, средней насыщенностью банковскими офисами, уровнем розничного кредитования и активностью корпоративного сектора.

Стратегия открытия офисов в регионах кластера 2 должна быть сбалансированной, т.е. учитывать умеренный потенциал роста, сочетать расширение сети с развитием цифровых каналов, фокусироваться на розничных клиентах, а также малом и среднем бизнесе. Целью данной стратегии является укрепление на рынке, наращивание клиентской базы, повышение доли рынка при контролируемых затратах. К ключевым принципам стратегии относятся поэтапное открытие офисов в перспективных локациях с последующим масштабированием, акцент на розничных продуктах (ипотека, потребительские кредиты, карты) и МСП (расчетно-кассовое обслуживание, кредиты, эквайринг, зарплатные проекты), а также предложение продуктов, соответствующих уровню доходов и потребностям клиентов.

Оптимальными форматами банковского присутствия в регионах кластера 2 являются:

- полнофункциональные офисы с широким перечнем предоставляемых услуг в региональных центрах с высокой деловой активностью и численностью населения;
- операционные офисы с базовыми услугами в районах с умеренной деловой активностью, города с населением 50–100 тыс. человек;
- компактные офисы с ограниченным набором услуг в малых городах и крупных поселках;

– сотрудничество с почтовыми отделениями, торговыми центрами, МФЦ для предоставления базовых услуг (платежи, переводы, выдача карт) в мало-населенных пунктах;

– банкоматы и терминалы в местах с высоким пешеходным трафиком.

Стратегия позволит банку эффективно использовать умеренный потенциал регионов кластера 2, закрепиться в них и нарастить клиентскую базу с минимальными рисками.

К кластеру 3 относятся регионы с неоднородным развитием (средняя оценка перспективности – 8,4), характеризующиеся неравномерностью распределения населения, при которой основная часть жителей сосредоточена в региональных центрах и крупных городах, и высокой дифференциацией доходов. В структуре экономики данного кластера наблюдается дисбаланс: концентрация промышленного производства в отдельных районах с зависимостью экономики от 1-2 крупных предприятий или отраслей. Отличительными чертами для него являются неравномерное покрытие банковскими услугами (высокая насыщенность офисами в областных центрах и дефицит отделений в малых городах и сельской местности), а также умеренная активность корпоративного сектора, сконцентрированная в отдельных отраслях (металлургия, сельское хозяйство, лесозаготовка). К особенностям территориального развития относятся развитая сеть автомобильных и железнодорожных дорог в промышленных районах, слабая транспортная доступность сельских территорий, особенно в северных регионах (Карелия, Коми), а также сезонные ограничения доступа в отдельные регионы в связи с погодными условиями.

Для регионов кластера 3 оптимальной стратегией является риск-ориентированный подход, направленный на минимизацию рисков и точечное присутствие в наиболее перспективных локациях. Принципы данной стратегии – открытие офисов в точках с подтвержденной экономической активностью, сочетание ограниченного числа физических офисов с интенсивным развитием цифровых сервисов, предложение базовых услуг с низким риском.

К оптимальным форматам банковского присутствия относятся:

– компактные офисы с базовым набором услуг в областных центрах (Воронеж, Петрозаводск, Сыктывкар и т.д.);

– операционные офисы, ориентированные на обслуживание предприятий и зарплатных проектов, в районах с концентрацией промышленности и крупных предприятий;

– мобильные офисы для охвата сельских территорий и малых городов с низкой плотностью населения;

– сотрудничество с почтовыми отделениями, торговыми сетями, МФЦ для предоставления базовых услуг (платежи, переводы) в малых населенных пунктах, районах с низкой насыщенностью банковскими услугами;

– установка банкоматов и терминалов в местах с высоким пешеходным трафиком (торговые и бизнес-центры, транспортные узлы).

Такая стратегия позволяет увеличивать присутствие банка в регионах кластера 3 с учетом дисбалансов в экономике и неравномерного распределения ресурсов.

К кластеру 4 (средняя оценка – 90,1) относятся узкоспециализированные регионы с высокой активностью в корпоративном сегменте (Ямало-Ненецкий АО,

Чукотский АО). Данные регионы характеризуются небольшой численностью населения, но высоким уровнем доходов, связанных как с работой в добывающих отраслях, так и с компенсационными выплатами за неблагоприятный климат. Большая часть предприятий кластера сконцентрирована в добывающей промышленности. Отмечаются экстремально высокая активность корпоративного сегмента, связанная с реализацией крупных добывающих проектов, а также повышенный индекс выпуска товаров и услуг. Особенности банковской деятельности в данных регионах являются обслуживание преимущественно крупных добывающих компаний, ограниченный розничный рынок из-за малой численности населения, высокая зависимость от конъюнктуры сырьевых рынков. В корпоративном сегменте наблюдается высокий потенциал для банковской экспансии, очень низкий – для розничного сегмента.

Стратегия банка для регионов кластера 4 должна быть корпоративно-ориентированной с акцентом на обслуживание добывающих компаний и их сотрудников. Основные принципы стратегии – открытие офисов только в ключевых локациях с концентрацией деловой активности, предложение продуктов и услуг, адаптированных под потребности добывающей отрасли (проектное финансирование крупных добывающих проектов, расчетно-кассовое обслуживание с индивидуальным тарифом, зарплатные проекты).

Тепловая карта (рис. 10) представляет собой инструмент сегментации рынка для целенаправленного планирования сети банковских офисов с учетом экономических, демографических и инфраструктурных особенностей регионов.

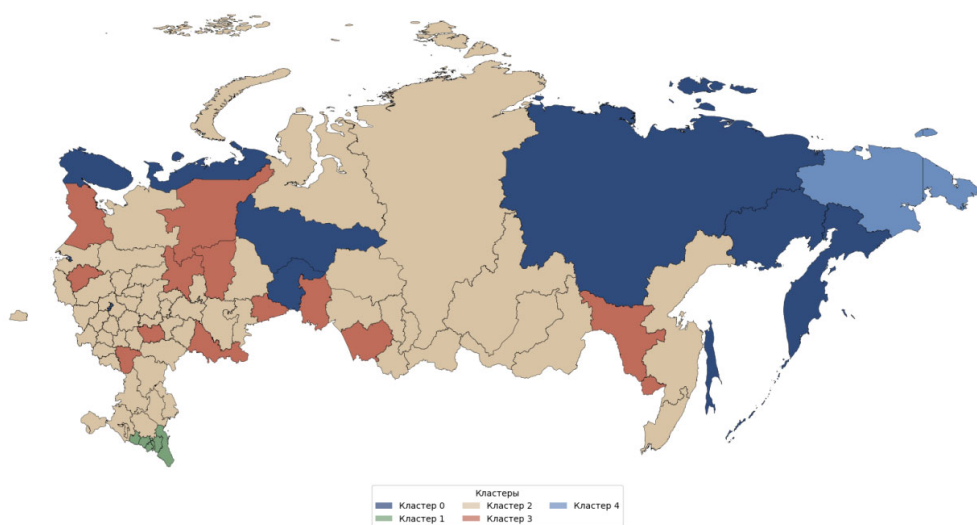

Рис. 10. Результаты кластеризации регионов России для открытия банковских офисов

Регионы кластера 0 локализованы преимущественно на севере и северо-западе европейской части России, а также на Дальнем Востоке. Кластер 1 является наименьшим по охвату территории; входящие в него регионы сосредоточены на Северном Кавказе. Кластер 2 отличается низкой финансовой

активностью, но занимает обширную территорию, включает большинство центральных, южных и сибирских регионов и является зоной с умеренным потенциалом. Кластер 3 распределен по разным регионам: Центральная Россия, Северо-Запад, Урал, Сибирь, Дальний Восток. Кластер 4 представлен только 2 регионами: Чукотским АО и Ямало-Ненецким АО.

Основные выводы для открытия банковских офисов:

1) для каждого кластера требуется применение своей стратегии развития сети (от широкого присутствия до точечного открытия офисов в районах с высокой концентрацией деловой активности);

2) важно использование гибридного подхода, включающего в себя совмещение стандартных офисов, партнерских точек и цифровых сервисов для наиболее полного охвата территории;

3) в кластере 4 приоритетными являются обслуживание добывающих компаний и проектное финансирование;

4) в кластере 1 стратегия должна быть направлена на минимизацию затрат на открытие офисов;

5) могут наблюдаться существенные различия в рамках одного кластера (например, в кластере 3).

Сочетание ансамблевой модели и кластерного анализа позволяет банкам разрабатывать сбалансированную стратегию расширения сети отделений с учетом как общего потенциала региона, так и их специфических особенностей (рис. 11).

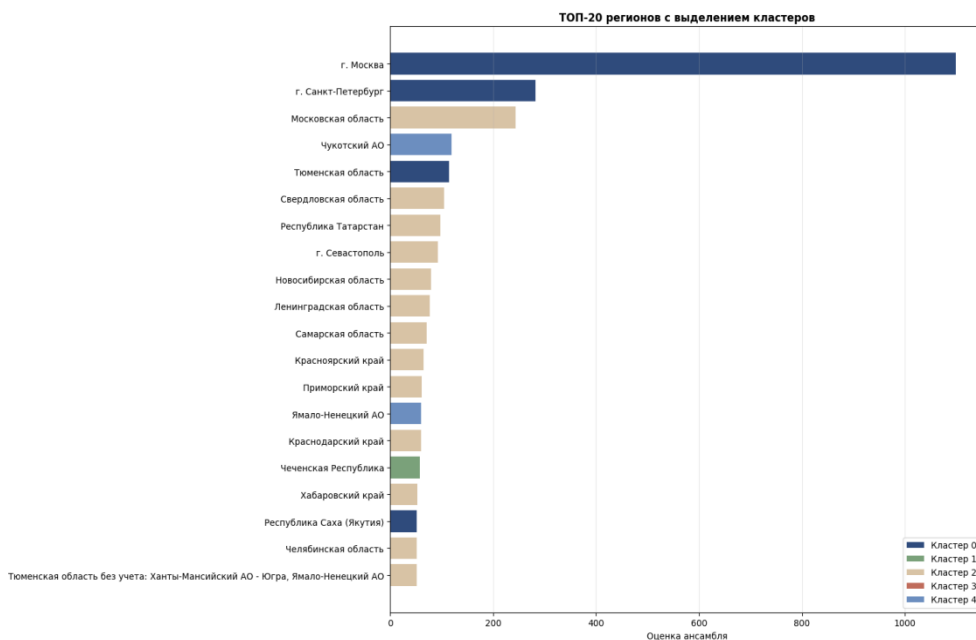

Рис. 11. Рейтинг 20 наиболее перспективных регионов по оценке ансамблевой модели с распределением по кластерам

Ансамблевая модель дает количественную оценку перспективности для каждого региона. Кластерный анализ дополняет ансамблевую модель, группируя регионы в кластеры со схожими характеристиками:

- высокоразвитые регионы с высокой экономической активностью (кластер 0);
- регионы с низким уровнем развития (кластер 1);
- регионы со средним уровнем развития и потенциалом роста (кластер 2);
- регионы с неравномерной активностью (кластер 3);
- узкоспециализированные регионы с высокой активностью в корпоративном сегменте (кластер 4).

Ансамблевая модель может не улавливать различия между регионами с близким рейтингом, но разной структурой экономики. Кластерный анализ выявляет эти различия, группируя регионы по плотности населения, уровню доходов, насыщенности банковскими офисами и отраслевой специализации. Данный подход позволяет выделить следующие группы регионов:

1) наиболее перспективные регионы (кластер 0):

– Москва является приоритетным регионом для экспансии банков как в розничном, так и корпоративном сегменте, так как обладает самой высокой оценкой ансамбля, связанной с высокой концентрацией капитала, корпоративного сектора и платежеспособного населения;

– Санкт-Петербург также принадлежит к кластеру 0, но с меньшей оценкой, чем Москва. Является перспективным в корпоративном и розничном сегменте, так как характеризуется развитой инфраструктурой и высоким уровнем доходов населения;

– Тюменская область, Республика Саха (Якутия) интересны для обслуживания крупных предприятий, так как обладают ресурсной базой (нефть, газ, алмазы) и высокой активностью корпоративного сектора;

2) регионы со средней перспективностью (кластер 2). Большая часть наиболее перспективных регионов относится к кластеру 2. Это свидетельствует о стабильном уровне развития, потенциале для планомерного развития преимущественно в розничном сегменте и малом и среднем бизнесе. К таким регионам относятся:

– Московская область – близкое расположение к Москве, развитая логистика, высокий спрос на банковские услуги;

– Свердловская и Новосибирская область – ключевые промышленные и логистические центры Урала и Сибири;

– Республика Татарстан характеризуется диверсифицированной экономикой и развитой инфраструктурой;

3) регионы с низкой оценкой (кластер 1). Чеченская Республика является единственным регионом из кластера 1, попавшего в рейтинг 20 наиболее перспективных регионов. Регион характеризуется относительно низким уровнем финансовой активности, необходимостью повышения финансовой грамотности населения, а также потенциалом роста при целенаправленной поддержке (государственной и частной);

4) высокоспециализированные регионы (кластер 4), представленные Чукотским АО и Ямало-Ненецким АО, отличаются концентрацией на добывающей промышленности, малой численностью населения, ограничивающей потенциал розничного обслуживания, а также концентрацией крупных предприятий, требующих специализированного банковского обслуживания.

Выводы. По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о существенных диспропорциях в размещении банковских ресурсов в региональном разрезе, а также о недостаточной обеспеченности банковскими услугами отдельных регионов. В условиях сокращения количества отделений кредитных организаций вследствие цифровизации банковской деятельности особую значимость приобретают геомаркетинговые технологии, позволяющие на основе социально-экономических и пространственных данных определять оптимальное расположение отделений кредитных организаций для повышения эффективности деятельности банка и доступности банковских услуг для населения. Разделение регионов на кластеры позволяет определять оптимальную стратегию развития банковской сети для каждой группы с учетом территориальных и экономических особенностей данных регионов, их отраслевой специализации. Стратегия может предусматривать как широкий охват региона банковскими офисами, так и точечное присутствие в районах с наибольшей концентрацией деловой активности, а также применение гибридного подхода, включающего открытие стандартных банковских офисов, сотрудничество с другими организациями и развитие цифровых сервисов. Сочетание ансамблевой модели и кластерного анализа позволяет учитывать как оценку потенциала развития самого региона, так и социально-экономические, территориальные особенности, свойственные конкретному кластеру. Таким образом, для каждого региона рассчитывается оценка перспективности открытия банковских офисов, а также определяется кластер, к которому он относится, что позволяет разрабатывать комплексную стратегию развития банковской сети с учетом социально-экономических, географических, отраслевых, инфраструктурных особенностей данного кластера, а также определять основные приоритеты и оптимальные форматы банковского присутствия в регионе. Дальнейшее совершенствование предложенной геомаркетинговой модели может быть связано с расширением системы используемых показателей за счет учета транспортной доступности, уровня цифровизации банковских услуг, клиентских потоков, плотности конкурирующих банковских офисов, а также динамики жилищного и инфраструктурного развития регионов.

Литература

1. Дмитриева С.И., Захарова М.В. Интеграция больших данных и пространственного анализа в геомаркетинговых исследованиях: методологический подход к оценке потребительского поведения в мегаполисах // Экономика и предпринимательство. 2025. № 4(177). С. 1409–1417. DOI: 10.34925/EIP.2025.177.4.249.
2. Долженко Р.А. Методика оценки мощности филиальной сети банка для целей геомаркетингового моделирования // Вестник Омского университета. Сер. Экономика. 2017. № 3. С. 107–117. DOI: 10.25513/1812-3988.2017.3.107-117.
3. Долженко Р.А. Подходы к геомаркетингу расположения офисов обслуживания физических и юридических лиц коммерческого банка // Бизнес-информатика. 2017. № 3(41). С. 41–55. DOI: 10.17323/1998-0663.2017.3.41.55.

4. Епифанова С.О. Использование геомаркетинга в банковском секторе // Современные тенденции развития теории и практики управления в России и за рубежом: материалы VIII Международ. науч.-практ. конф., Тамбов, 23–24 ноября 2017 г. Тамбов: Тамбов. гос. ун-т имени Г.Р. Державина, 2017. С. 87–97.

5. Наумов И.В. Исследование и моделирование пространственной локализации и перемещения банковского капитала // Экономика. Налоги. Право. 2021. Т. 14, № 6. С. 41–51. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-6-41-51.

6. Осиповская А.В. Банковская система России: региональный аспект // Вестник РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. 2021. № 4. С. 111–122. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-111-122.

7. Первицкая Л.А. Выбор локации новой торговой точки с использованием методов пространственного анализа данных // Шаг в науку. 2023. № 4. С. 118–122.

8. Шайтура С.В., Галкин Д.А. Геомаркетинговый анализ больших данных // Информационные технологии. 2021. Т. 27, № 4. С. 180–187. DOI: 10.17587/it.27.180-187.

9. Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности по субъектам Российской Федерации и федеральным округам [Электронный ресурс] // Росстат: офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/IVBO_sub_RF_08-2025.xlsx.

10. Количество активных предприятий [Электронный ресурс] // Росстат: офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demb-2024.xlsx>.

11. Кредиты, предоставленные физическим лицам – резидентам (региональный разрез) [Электронный ресурс] // Банк России: офиц. сайт. URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/BankSector/Mortgage/02_05_Debt_ind.xlsx.

12. Кредиты, предоставленные юридическим лицам – резидентам и индивидуальным предпринимателям (региональный разрез) [Электронный ресурс] // Банк России: офиц. сайт. URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/BankSector/Loans_to_corporations/01_03_Loans_corp_20250101.xlsx.

13. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в целом по экономике по субъектам Российской Федерации за 2000–2024 гг. [Электронный ресурс] // Росстат: офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab4-zpl_2024.xlsx.

14. Статистика территориального присутствия действующих кредитных организаций и их подразделений [Электронный ресурс] // Банк России: офиц. сайт. URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/bank_system/DivisionsPerRegion_010125.xlsx.

15. Численность населения субъекта Российской Федерации в среднем за 2024 год [Электронный ресурс] // Росстат: офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pok_monitor_2024_68.rar.

16. Ardan D. Optimization of the bank's Branch Network Using Machine Learning Methods. In: Arai K., eds. Intelligent Systems and Applications. IntelliSys 2022. Lecture Notes in Networks and Systems. Springer, Cham, 2023, vol. 542. DOI: 10.1007/978-3-031-16072-1_38.

17. Hernik J., Linke H.J., Krol K. et al. Artificial Intelligence and Geodata for Local Community Sensibilization to Sustainable Spatial Development. In: Soliman K.S., eds. Artificial intelligence and Machine Learning. IBIMA-AI 2023. Communications in Computer and Information Science, 2024, vol. 2101. DOI: 10.1007/978-3-031-62843-6_4.

18. Kerzina E., Antineskul E., Patrusheva L. Geomarketing in the Placement of Retail in the Development of a Million-Plus City (on the Example of a Regional Retail in Russia, Perm). In: Isaeva E., Rocha Á. eds. Science and Global Challenges of the 21st Century – Innovations and Technologies in Interdisciplinary Applications. Perm Forum 2022. Lecture Notes in Networks and Systems. Springer, Cham, 2023, vol 622. DOI: 10.1007/978-3-031-28086-3_68.

АРКАДЬЕВА ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, кредита и экономической безопасности, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (knedlix@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4868-2365>).

ПЕТРОВА МАРИЯ АНДРЕЕВНА – старший риск-аналитик Центра андеррайтинга в г. Чебоксары, Банк ВТБ (ПАО), Россия, Чебоксары (mashapetrova2002@gmail.com).

Olga G. ARKADEVA, Mariya A. PETROVA

OPTIMIZING THE PLACEMENT OF A COMMERCIAL BANK'S BRANCH NETWORK

Key words: geomarketing, location of the bank's offices, development of the branch network, geoinformation systems, socio-economic indicators of the region.

The banking sector has a significant impact on the development of regional socio-economic systems, providing them with necessary financial resources. At this, there is a high concentration of banking resources in the central regions of Russia and limited access to banking resources in certain regions.

The purpose of the study is to analyze unevenness of the territorial distribution of bank offices and to find ways to eliminate such imbalances.

Materials and methods. The analytical model for optimizing the location of the branch network was built using data from the Bank of Russia on loans owed by individuals, customer funds, loans from legal entities, as well as Rosstat data on the average monthly salary of employees, the number of active enterprises, population and the index of output of goods and services. The geomarketing model is implemented in Python using Pandas, NumPy, Matplotlib, and Scikit-learn libraries (RobustScaler, LinearRegression, RandomForestRegressor, and KMeans). The constructed ensemble model combines 3 areas of the machine learning model (market potential, efficiency (ROI), gap analysis (under-coverage)). The K-Means algorithm was applied to cluster the regions.

Results. To identify the most promising regions for opening bank offices, models of market potential, efficiency per office (ROI), a gap model (under-coverage) and an ensemble model were built. The market potential model identifies the most promising regions based on the dynamics of socio-economic development indicators. The Office Efficiency Model (Office ROI) determines the regions in terms of the existing banking network's effectiveness. The gap (under-coverage) model is based on constructing a linear regression model to determine the projected number of offices, as well as to find deviations from the actual number of existing offices. Based on these models, an ensemble model was built that provides an overall assessment of the region's prospects for the development of a branch network. In addition, a cluster analysis of the regions was conducted, according to the results of which the regions were divided into five clusters: highly developed regions with a high economic activity (cluster 0), regions with a low level of development (cluster 1), regions with an average level of development and growth potential (cluster 2), regions with uneven activity (cluster 3), highly specialized regions with high activity of the corporate segment (cluster 4). The constructed geomarketing model makes it possible to identify promising regions for the development of a branch network and takes into account the socio-economic situation of the region, the effectiveness of banking activities in the region, as well as the region's need for new banking offices.

Conclusions. In the context of banking digitalization, geomarketing technologies are becoming particularly important, enabling to determine the optimal location of credit institutions' branches in order to increase the efficiency of the bank's activities and availability of banking services to the public. The constructed geomarketing model combines an ensemble model that evaluates the development potential of the region itself, and a cluster analysis that takes into account the socio-economic and geographical features characteristic of the cluster. This approach serves as the basis for developing a strategy for the development of the banking network, including determining the main directions and optimal formats of banking presence in the region.

References

1. Dmitriyeva S.I., Zakharova M.V. *Integratsiya bol'shikh dannykh i prostranstvennogo analiza v geomarketingovykh issledovaniyakh: metodologicheskiy podkhod k otsenke potrebitel'skogo povedeniya v megapolisakh* [Integration of big data and spatial analysis in geomarketing research: a methodological approach to assessing consumer behavior in megacities]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, 2025, no. 4(177), pp. 1409–1417. DOI: 10.34925/EIP.2025.177.4.249.
2. Dolzhenko R.A. *Metodika otsenki moshchnosti filial'noy seti banka dlya tseley geomarketingovogo modelirovaniya* [Methodology for assessing the capacity of a bank's branch network for the purposes of geomarketing modeling]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*, 2017, no. 3, pp. 107–117. DOI: 10.25513/1812-3988.2017.3.107-117.

3. Dolzhenko R.A. *Podkhody k geomarketingu raspolzheniya ofisov obsluzhivaniya fizicheskikh i yuridicheskikh lits kommercheskogo banka* [Approaches to geomarketing for the location of service offices for individuals and legal entities of a commercial bank]. *Biznes-informatika*, 2017, no. 3(41), pp. 41–55. DOI: 10.17323/1998-0663.2017.3.41.55.
4. Yepifanova S.O. *Ispol'zovaniye geomarketinga v bankovskom sektore* [The use of geomarketing in the banking sector]. In: *Sovremennyye tendentsii razvitiya teorii i praktiki upravleniya v Rossii i za rubezhom: materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Tambov, 23–24 noyabrya 2017 goda* [Proc. of the 8th Int. Sci. and Pract. Conf. “Current Trends in the Development of Management Theory and Practice in Russia and Abroad”]. Tambov, 2017, pp. 87–97.
5. Naumov I.V. *Issledovaniye i modelirovaniye prostranstvennoy lokalizatsii i peremeshcheniya bankovskogo kapitala* [Research and modeling of spatial localization and movement of banking capital]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2021, vol. 14, no. 6, pp. 41–51. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-6-41-51.
6. Osipovskaya A.V. *Bankovskaya sistema Rossii: regional'nyy aspekt* [Banking system of Russia: regional aspect]. *Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravleniye. Pravo»*, 2021, no. 4, pp. 111–122. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-111-122.
7. Pervitskaya L.A. *Vybor lokatsii novoy trgovoy tochki s ispol'zovaniyem metodov prostranstvennogo analiza dannykh* [Selecting the location of a new retail outlet using methods of spatial data analysis]. *Shag v nauku*, 2023, no. 4, pp. 118–122.
8. Shaytura S.V., Galkin D.A. *Geomarketingovyy analiz bol'shikh dannykh* [Geomarketing analysis of big data]. *Informatsionnyye tekhnologii*, 2021, vol. 27, no. 4, pp. 180–187. DOI: 10.17-587/it.27.180-187.
9. *Indeks vypuska tovarov i uslug po bazovym vidam ekonomicheskoy deyatel'nosti po sub"ektam Rossiyskoy Federatsii i federal'nykh okrugam* [Index of output of goods and services by basic types of economic activity by constituent entities of the Russian Federation and federal districts]. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/IVBO_sub_RF_08-2025.xlsx.
10. *Kolichestvo aktivnykh predpriyatiy* [Number of active enterprises]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demb-2024.xlsx>.
11. *Kredity, predostavlenkiye fizicheskim litsam – rezidentam (regional'nyy razrez)* [Loans provided to resident individuals (regional breakdown)]. Available at: https://cbr.ru/vfs/statistics/-BankSector/Mortgage/02_05_Debt_ind.xlsx.
12. *Kredity, predostavlenkiye yuridicheskim litsam – rezidentam i individual'nykh predprinimatel'nykh (regional'nyy razrez)* [Loans provided to resident legal entities and individual entrepreneurs (regional breakdown)]. Available at: https://cbr.ru/vfs/statistics/BankSector/Loans_to_corporations/-01_03_Loans_corp_20250101.xlsx.
13. *Srednemesyachnaya nominal'naya nachislennaya zarabotnaya plata rabotnikov v tselom po ekonomike po sub"yektam Rossiyskoy Federatsii za 2000–2024 gg.* [Average monthly nominal accrued wages of workers in the economy as a whole by constituent entities of the Russian Federation for 2000–2024]. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab4-zpl_2024.xlsx.
14. *Statistika territorial'nogo prisutstviya deystvuyushchikh kreditnykh organizatsiy i ikh podrazdeleniy* [Statistics of the territorial presence of existing credit institutions and their divisions]. Available at: https://cbr.ru/vfs/statistics/bank_system/DivisionsPerRegion_010125.xlsx.
15. *Chislennost' naseleniya sub"yekta Rossiyskoy Federatsii v srednem za 2024 god* [Average population of a constituent entity of the Russian Federation for 2024]. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pok_monitor_2024_68.rar.
16. Ardan D. Optimization of the BANK's Branch Network Using Machine Learning Methods. In: Arai, K. (eds) *Intelligent Systems and Applications. IntelliSys 2022. Lecture Notes in Networks and Systems*. Springer, Cham, 2023, vol 542. DOI: 10.1007/978-3-031-16072-1_38.
17. Hernik J., Linke H.J., Krol K. et al. Artificial Intelligence and Geodata for Local Community Sensibilization to Sustainable Spatial Development. In: Soliman K.S., eds. *Artificial intelligence and Machine Learning. IBIMA-AI 2023. Communications in Computer and Information Science*, 2024, vol. 2101. DOI: 10.1007/978-3-031-62843-6_4.
18. Kerzina E., Antineskul E., Patrusheva L. Geomarketing in the Placement of Retail in the Development of a Million-Plus City (on the Example of a Regional Retail in Russia, Perm). In:

Isaeva E., Rocha Á., eds. Science and Global Challenges of the 21st Century – Innovations and Technologies in Interdisciplinary Applications. Perm Forum 2022. Lecture Notes in Networks and Systems. Springer, Cham, 2023, vol 622. DOI: 10.1007/978-3-031-28086-3_68.

OLGA G. ARKADEVA – Candidate of Economics Sciences, Associate Professor, Department of Finance, Credit and Economic Security, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (knedlix@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4868-2365>).

MARIYA A. PETROVA – Senior Risk Analyst, Underwriting Center in Cheboksary, VTB Bank (JSPC), Russia, Cheboksary (mashapetrova2002@gmail.com).

Формат цитирования: Аркадьева О.Г., Петрова М.А. Оптимизация размещения филиальной сети коммерческого банка [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus.* 2026. № 3. С. 1–28. URL: <https://oecomia-et-jus.ru/single/2026/3/1>. DOI: 10.47026/2499-9636-2026-3-1-28.

Г.М. ЗИНЧУК, А.В. ОКАНОВ

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ АДАПТАЦИИ

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, высшее образование, цифровизация, цифровая инфраструктура, концессии.

В условиях цифровой трансформации перед высшими учебными заведениями стоят задачи не только обновления материальной базы, но и развития цифровой инфраструктуры, внедрения онлайн-платформ, повышения цифровых компетенций. При этом бюджетное финансирование высшего образования направляется преимущественно на текущие расходы, а потребность в крупных инновационных проектах остается неудовлетворенной. Государственно-частное партнерство рассматривается как инструмент восполнения этого разрыва, однако существующие механизмы такого взаимодействия в России исторически сложились как инструменты инфраструктурных концессий. Степень пригодности действующей нормативной базы для адаптации государственно-частного партнерства к задачам цифрового развития университетов за пределами строительства кампусов до настоящего времени системно не оценивалась.

Цель исследования – выявление специфики реализации механизмов государственно-частного партнерства в сфере высшего образования в условиях цифровой трансформации.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составил комплексный подход, сочетающий в себе анализ нормативно-правовой базы и эмпирическую оценку практики реализации механизмов государственно-частного партнерства. В работе использовались следующие методы: сравнительно-правовой анализ, статистический анализ, сравнительный анализ, обобщение и синтез. Эмпирическую базу исследования образовали нормативно-правовые акты Российской Федерации, официальные статистические материалы Минэкономразвития России, региональные рейтинги развития государственно-частного партнерства, а также научные труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные вопросам финансового обеспечения и инновационного развития высшего образования.

Результаты. На основе сравнительно-правового анализа федеральных законов «О концессионных соглашениях» от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ и «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ установлено, что последний из перечисленных является более гибкой нормативной базой для реализации государственно-частного партнерства в высшем образовании в условиях цифровизации, поскольку в рамках этого нормативного документа возможна работа с нематериальными активами и разнообразными формами проектной деятельности. Сформулирован следующий перечень задач цифровой адаптации вузов: создание и модернизация цифровой инфраструктуры, внедрение цифровых образовательных платформ, интеграция инновационных технологий, повышение цифровых компетенций кадров, расширение доступности образования. Анализ динамики рынка государственно-частного партнерства в России подтверждает высокую концентрацию региональных инвестиций при преобладании транспортной сферы над социальной. При обобщении данных реестра концессионных проектов в сфере высшего образования (общей стоимостью более 211 млрд руб.) выявлено системное противоречие между потенциалом цифровой трансформации и текущим доминированием инфраструктурных проектов, реализуемых преимущественно в рамках федерального закона № 115-ФЗ от 21 июля 2005 г.

Выводы. Для перехода от традиционных инфраструктурных решений к модели цифровой адаптации в сфере высшего образования необходимо использование более гибкой нормативной базы (федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ). Однако фактическое доминирование концессионных соглашений (Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ) приводит к ограничению потенциала цифровой трансформации университетов. Преимущества федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ (работа с нематериальными активами, процедуры оценки эффективности) не используются. В дальнейшем необходима нормативная и методологическая адаптация механизмов государственно-частного партнерства для интеграции частных ресурсов непосредственно в научно-образовательный процесс, а не только в инфраструктурную составляющую.

Введение. В современных условиях развития общества, характеризующихся высокой скоростью изменений, стремительным развитием технологий и повышением требований к профессиональной квалификации людей, значительно возрастает роль высшего образования как одного из основных институтов государства. С его функционированием напрямую связаны достижение национальных целей развития России до 2030 г., реализация национального проекта «Молодежь и дети», а также государственной программы «Развитие образования» до 2030 г. [9, 14, 19]. В связи с этим не теряют актуальности поиск новых механизмов и развитие уже существующих форм сотрудничества высших учебных заведений и частного сектора, поскольку их совместная работа обеспечивает осуществление крупных инновационных проектов [3, 4, 6]. Исторический опыт реализации моделей смешанной экономики подтверждает эффективность государственного регулирования через партнерства в периоды структурных трансформаций [11]. Привлечение же частного капитала в цифровую среду вузов целесообразно рассматривать в контексте импакт-инвестирования, обеспечивающего «двойной итог» в виде прибыли и измеримого социального эффекта [8].

Несмотря на стабильный рост финансирования сферы высшего образования, значительная часть выделенных средств не позволяет в полной мере отвечать требованиям инновационного развития, а лишь обеспечивает текущие расходы образовательных учреждений [14]. Следствием этого факта является неполное раскрытие потенциала данного института. В сложившихся условиях логически верным решением является как использование привлеченных ресурсов со стороны частного сектора, так и адаптация уже имеющихся компетенций частных партнеров под запросы образовательных учреждений [14].

Потребность в дополнительных ресурсах в сфере высшего образования связана с необходимыми изменениями, среди которых можно выделить следующие: переход к новой системе высшего образования (уход от Болонской системы), цифровизацию высшего образования (затраты на цифровые инфраструктурные изменения, переход на цифровые платформы, разработка цифровых образовательных материалов и т.д.), развитие инфраструктуры университетов (обновление фонда, строительство и модернизация и т.д.). Это подтверждает необходимость привлечения частных партнеров для решения возникающих в данных условиях задач [2].

Цель исследования – выявление специфики реализации механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП) в сфере высшего образования в условиях цифровой трансформации.

Научная новизна исследования заключается в выделении факторов, определяющих указанную специфику, к которым относятся: высокая доля интеллектуальной составляющей в используемых ресурсах и получаемом продукте; значительная длительность образовательного процесса, которая существенно увеличивает сроки окупаемости инвестиций; непрерывная трансформация образовательных технологий под влиянием цифровизации.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составил комплексный подход, сочетающий в себе анализ нормативно-правовой базы и эмпирическую оценку практики реализации механизмов ГЧП. В работе использовались следующие методы: сравнительно-правовой анализ, статистический анализ, сравнительный анализ, обобщение и синтез.

Эмпирическую базу исследования образовали нормативно-правовые акты Российской Федерации, официальные статистические материалы Минэкономразвития России, региональные рейтинги развития ГЧП, а также научные труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные вопросам финансового обеспечения и инновационного развития высшего образования.

Результаты исследования. Одним из основных инструментов взаимодействия частного сектора и государственных учреждений высшего образования является ГЧП. Данное определение закреплено в Федеральном законе «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ (далее – 224-ФЗ)¹, определение одного из видов партнерства – в Федеральном законе «О концессионных соглашениях» от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ (далее – 115-ФЗ)².

Данные нормативные акты предполагают различные подходы к пониманию сущности партнерства. В рамках 224-ФЗ определение имеет более институциональный и процессный характер, который не ограничивается конкретными формами, допуская применение правовых механизмов в различных секторах экономики. В то же время в рамках 115-ФЗ рассматривается конкретная форма взаимодействия государства и частного партнера, которая подразумевает создание или реконструкцию определенного объекта инфраструктуры с последующим сохранением права собственности за государственными институтами; этот документ ориентирован прежде всего на материальную составляющую, что ограничивает, на наш взгляд, возможности его применения в сфере высшего образования в условиях цифровизации.

Таким образом, в рамках 224-ФЗ формируется более универсальное определение для применения механизмов ГЧП в сфере высшего образования в условиях цифровизации, позволяя учитывать особенности инновационного

¹ О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Фед. закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ (с изм. и доп.) // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/71129190/> (дата обращения: 24.12.2025).

² О концессионных соглашениях: Фед. закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ (с изм. и доп.) // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/12141176/> (дата обращения: 24.12.2025).

развития и цифровых трансформаций. В свою очередь, определение из 115-ФЗ в значительной мере применимо к реализации инфраструктурных решений, которые не всегда имеют прямое отношение к деятельности высших учебных заведений в условиях цифровизации. Это обуславливает необходимость теоретического уточнения и адаптации понятия ГЧП при исследовании механизмов его развития в процессе цифровой трансформации.

При рассмотрении нормативных актов необходимо учесть фундаментальные различия для механизмов ГЧП, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ 115-ФЗ и 224-ФЗ

Признак	115-ФЗ	224-ФЗ
Право собственности на объект по окончании	Публичная собственность	Возможна частная или публичная собственность
Оценка эффективности и сравнительное преимущество	Нет (вводится)	Обязательный элемент, встроенный в процедуру
Верификация ВЭБ.РФ для крупных проектов	Пока не обязательна	Обязательна для крупных проектов
Объекты соглашения (перечни, отрасли)	Совпадение объектов – примерно 70–80%; расхождение – 20–30%	
Конкурсные процедуры, основания заключения	Фактически идентичны	
Платежная модель и возврат инвестиций	Фактически идентичны	
Подзаконные акты, методики, реестры	Своя инфраструктура	Своя инфраструктура
Правоприменительная практика и инерция рынка	Масштабная, особенно в регионах	Менее масштабная

Примечание. Табл. 1 составлена авторами на основе данных, представленных в [7].

115-ФЗ имеет инфраструктурную направленность с точки зрения реализации проектов. Основными условиями в рамках данного закона являются сохранение права собственности на инфраструктурные объекты, а также отсутствие комплексной системы оценки эффективности. Этот нормативный акт инструментально удобен, но методически ограничен. В нем предъявляются пониженные требования к контролю проектов со стороны публичного партнера. В отличие от него, в 224-ФЗ предусмотрена более сложная модель, подразумевающая вариативность прав собственности, наличие обязательных процедур оценки эффективности, а также необходимость верификации особо крупных проектов через ВЭБ.РФ. Так, законодатель предпринимает попытку «встроить» ГЧП в систему стратегического управления, что существенно расширяет возможности его применения.

Таким образом, механизмы 224-ФЗ представляют собой универсальную правовую основу, поскольку допускают работу с нематериальными объектами, цифровыми системами и сервисами, а также институциональными формами взаимодействия, которые требуют более тщательной оценки и контроля со стороны государства. В рамках 115-ФЗ предусмотрены более узкоспециализированные и менее подконтрольные на определенных этапах инфраструктурные проекты,

не отражающие в полной мере специфики цифровой трансформации института высшего образования. Это подтверждает необходимость дальнейшего изучения адаптации механизмов ГЧП к особенностям цифровой среды.

В отличие от традиционных моделей взаимодействия государства и сферы высшего образования, ГЧП в данной сфере подразумевает под собой более тесное взаимодействие научного и образовательного потенциала учреждений с ресурсами частного сектора. В рамках реализации проектов ГЧП в сфере высшего образования можно выделить следующие направления:

1. Управление имуществом высших учебных заведений и инвестиционная деятельность: строительство инфраструктурных объектов, модернизация и обновление имеющегося материального фонда [14].

2. Экономическая поддержка сферы высшего образования: создание фондов целевого капитала, грантовые программы, льготные системы кредитования, финансирование текущих расходов [14].

3. Реализация образовательного процесса: разработка образовательных программ и стандартов, подготовка педагогических кадров, организация работы центров карьеры [14].

4. Научно-исследовательская деятельность: финансирование совместных научно-исследовательских проектов, создание технопарков, исследовательских центров, малых инновационных предприятий [14].

Данный тип партнерства базируется на совместном функционировании и объединении ресурсов для достижения общественно-значимых задач, основными из которых являются:

- повышение имущественного, технологического и финансового потенциала высшего образования;
- улучшение материально-технической базы высших учебных заведений и создание технологической инфраструктуры;
- улучшение качества реализации образовательных программ, а также повышение их конкурентоспособности;
- создание условий для стимулирования взаимодействия фундаментальных и прикладных компонентов высшего образования;
- снижение финансовой нагрузки на бюджеты высших учебных заведений, а также повышение бюджетного эффекта;
- развитие технологий для подготовки преподавательских кадров и студентов высших учебных заведений [14].

С учетом специфики цифровизации сферы высшего образования необходима формулировка дополнительного перечня задач, направленного на решение вопросов в этой сфере [16]. Среди них можно выделить:

- создание и модернизацию цифровой инфраструктуры вузов;
- внедрение и развитие цифровых образовательных платформ;
- интеграцию в образовательный процесс инновационных технологий [17];
- повышение уровня цифровых компетенций кадров;
- повышение доступности высшего образования посредством инновационных технологий.

Решение этих задач может способствовать переходу от стандартного восполнения бюджетного дефицита к формированию цифровой экосистемы высших учебных заведений [18]. Ключевое значение при этом приобретает расширение предмета соглашений ГЧП, где роль нематериальных активов возрастает. Это становится основой для становления ГЧП как механизма интеграции потенциала высших учебных заведений и ресурсов частного сектора, позволяя успешно реализовывать не только инновационные инфраструктурные объекты, но и адаптировать цифровые технологии для развития и повышения конкурентоспособности образовательной экосистемы.

За 20 лет существования было запущено около 4,5 тыс. проектов в рамках концессий и соглашений о ГЧП. Около 20% данных проектов были завершены в связи с истечением срока давности договоров. На текущий момент в статусе реализации находятся около 3,7 тыс. проектов по всей территории страны [15].

С экономической точки зрения, рынок ГЧП демонстрирует значительное увеличение объемов, показывая троекратный рост в течение последних пяти лет. Одними из основных субъектов рыночных отношений в этой сфере являются холдинги, связывающие свою деятельность с инфраструктурными проектами, в которых они имеют около половины доли. Эти компании получают государственную поддержку в виде бюджетных средств, льгот и особых налоговых режимов.

Согласно последним данным, число концессий и проектов ГЧП в стадии реализации, эксплуатации или успешного завершения составляет около 4,5 тыс. на общую сумму около 7,5 трлн руб. Значительная часть вложений – порядка 5,5 трлн руб. (примерно 3/4) – привлечена из частного сектора. Основные сферы реализации проектов: транспортная (65% инвестиций), ЖКХ (18% инвестиций), социальная сфера (15% инвестиций) [5]. За 2025 г. заключено около 200 новых соглашений на 500 млрд руб. [10].

По прогнозам, к 2040 г. ежегодные объемы коммерческих закрытий проектов ГЧП и концессий будут значительно расти. Основными факторами, влияющими на данный процесс, будут повышение финансирования данных проектов в рамках реализации госпрограмм и нацпроектов, поддержка инфраструктурного строительства и снижение числа экономических шоков. Совокупный объем рынка к данному периоду времени оценивается в 35 трлн руб. [15].

Также Министерством экономического развития Российской Федерации был составлен рейтинг уровня развития ГЧП в регионах, который базировался на трех основных факторах: динамика реализации проектов ГЧП в отчетном году, накопленный опыт реализации проектов ГЧП в предшествующие годы и состояние нормативно-институциональной среды. Первые 10 позиций рейтинга представлены в табл. 2.

Согласно рейтингу и данным за предыдущие периоды, стабильным лидером на протяжении последних двух лет является Москва. В 2024 г. в данном субъекте было заключено около 500 соглашений с вводом в эксплуатацию объектов на 42 млрд руб. До этого момента в городе было запущено около 445 проектов ГЧП на общую сумму около 1,2 трлн руб. Из них около 160 имели объем более 1 млрд руб., что в совокупности составило около 1 083 млрд руб. [1].

Таблица 2

**Оценка уровня развития ГЧП в субъектах Российской Федерации за 2024 г.
на примере 10 самых развитых регионов**

Место	Субъект РФ	Уровень развития ГЧП, баллы	Оценка факторов, баллы		
			Динамика	Накоп- ленный опыт	Нормативно- институцио- нальная среда
1	г. Москва	85,3	73,3	100,0	73,0
2	г. Санкт-Петербург	72,5	100,0	54,2	31,0
3	Самарская область	62,1	87,0	30,5	92,4
4	Нижегородская область	48,2	47,7	40,6	84,2
5	Пермский край	34,2	6,6	47,8	96,8
6	Московская область	28,6	1,8	44,4	77,9
7	Ленинградская область	25,1	13,2	21,4	95,2
8	Краснодарский край	21,0	9,8	16,3	92,1
9	Республика Татарстан	19,0	0,4	20,3	97,3
10	Ямало-Ненецкий автономный округ	18,0	6,0	12,2	97,9

Примечание. Табл. 2 составлена авторами на основе данных, представленных в [13].

Для рынка ГЧП характерны свои тренды и векторы развития. В настоящее время к числу основных относятся:

1. Развитие городской и магистральной инфраструктуры: реконструкция и строительство аэропортов, увеличение мощности морских портов, провозной способности Восточного полигона, развитие Северного морского пути.

2. Модернизация сферы общественного транспорта в регионах России: реализация программы по модернизации городского электротранспорта совокупным объемом в 230 млрд руб.

3. Создание современных университетских кампусов. По имеющимся данным, за ближайшие 10 лет в различных субъектах Российской Федерации должно быть построено около 40 современных кампусов.

4. Финансирование проектов в сфере туризма. Предусмотрено финансирование расширения туристической инфраструктуры до 2030 г. в размере около 400 млрд руб. Планируется создание современных туристических кластеров, способных совмещать в себе досуговые центры для аудитории с различными рекреационными запросами.

5. Модернизация сферы ЖКХ. В рамках среднесрочного планирования на данную сферу предусмотрено финансирование в размере 4,5 трлн руб., основные направления которого – замена сетей, снижение уровня аварийности и модернизация объектов инфраструктуры.

6. Развитие механизмов ГЧП в новых отраслях. На законодательном уровне планируется реализация проектов ГЧП в сфере космических технологий и инфраструктуры, промышленного производства [15].

Один из перечисленных трендов напрямую связан со сферой высшего образования, что свидетельствует о масштабности планируемых изменений. Проекты, реализуемые посредством концессионных соглашений, представлены в табл. 3.

Таблица 3

Концессионные соглашения в сфере высшего образования (2024 г.)

№ п/п	Наименование проекта	Субъект Российской Федерации	Срок реализации соглашения, лет	Стоимость создания объекта, млн руб.
1.	Создание современного межвузовского кампуса, г. Томск	Томская область	25	47 251
2.	Создание Межуниверситетского кампуса мирового уровня, г. Тюмень	Тюменская область	22	32 422
3.	Создание инновационной образовательной среды	Новгородская область	30	10 839
4.	Создание студенческого кампуса мирового уровня «Арктическая звезда»	Архангельская область	18	30 665
5.	Создание международного межвузовского кампуса IT-направления, г. Самара	Самарская область	20	30 544
6.	Создание Межвузовского кампуса, г. Хабаровск	Хабаровский край	18	25 714
7.	Создание кампуса, г. Южно-Сахалинск	Сахалинская область	22	33 984
ВСЕГО				211 419

Примечание. Табл. 3 составлена авторами на основе данных, представленных в [12].

Согласно реестру концессионных соглашений Министерства экономического развития Российской Федерации, в 2024 г. заключено 7 соглашений в сфере высшего образования общей стоимостью около 211,4 млрд руб. Проекты реализуются в различных субъектах Российской Федерации со сроком действия соглашений от 18 лет.

Выводы. В Российской Федерации развитие ГЧП в сфере высшего образования сопровождается процессами цифровизации и адаптации образовательных систем к новым общественным потребностям. Несмотря на значительные объемы реализации проектов, фактическая структура рынка в данной сфере остается преимущественно инфраструктурной, что ограничивает использование потенциала ГЧП для цифровой адаптации университетов.

Сопоставление положений 115-ФЗ и 224-ФЗ показывает, что нормативная база 224-ФЗ в большей степени соответствует задачам цифрового развития высшего образования (в его рамках возможны проекты с нематериальными активами и цифровыми экосистемами, предусмотрены процедуры оценки эффективности). Однако в практике ГЧП в высшем образовании доля концессионных соглашений выше, чем проектов по 224-ФЗ, причем концессии нацелены на создание кампусной инфраструктуры. Таким образом, потенциал ГЧП для цифровой трансформации вузов используется не полностью.

Анализ направлений и текущих задач ГЧП в высшем образовании свидетельствует о необходимости расширения предмета соглашений за счет цифровой адаптации учебных заведений, прежде всего развития цифровой инфраструктуры. Для этого требуется методологическая и нормативная адаптация существующих механизмов.

Полученные результаты подтверждают актуальность дальнейшего развития механизмов ГЧП в сфере высшего образования с учетом цифровой адаптации.

Литература

1. В Минэкономразвития определили лидеров по развитию ГЧП среди регионов [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации: сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_minekonomrazvitiya_opredelili_liderov_po_razvitiyu_gchp_sredi_regionov.html (дата обращения: 24.12.2025).
2. Гафурова Г.Т. Финансовое обеспечение механизмов государственно-частного партнерства в образовании // Финансы и кредит. 2013. № 43(571). С. 61–71.
3. Збышко Б.Г., Поляков М.Б. Финансы социально ориентированных некоммерческих организаций // Финансовая экономика. 2021. № 9. С. 101–104.
4. Зотов В.Б., Базиян К.Н. Проблемы развития государственно-частного партнерства в Российской Федерации // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2015. № 6. С. 25–27.
5. Зотов В.Б., Терехова К.О. Краткий анализ практик государственно-частного партнерства в городах // Вестник МИРБИС. 2022. № 3(31). С. 41–46.
6. Ибяттов Ф.М., Хмельченко Е.Г. Государственно-частное партнерство как инструмент в решении задач социально-экономического развития регионов и муниципальных образований // Муниципальная академия. 2019. № 4. С. 89–95.
7. Качкин Д. Презентация выступления на сессии «Эволюция партнерства: от зарождения ГЧП до национального стандарта» [Электронный ресурс] // Национальный центр РАЗВИВАЙ.РФ: сайт. URL: <https://www.pppcenter.ru/upload/iblock/505/5059b05a91c7915f8e36bfa04d64733f.pdf> (дата обращения: 24.12.2025).
8. Колчин А.А., Силина К.А. Импакт-инвестирование в предпринимательстве: история вопроса // Актуальные вопросы экономики и финансов: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Ижевск, 2021. С. 117–120.
9. Меры государственной поддержки деятельности молодежных объединений в городе Москве / М.Б. Поляков, С.В. Чуев, И.И. Алексеева, П.А. Куцевалова // Фундаментальные исследования. 2024. № 3. С. 64–71.
10. Минэкономразвития: в 2025 году объем инвестиций в проекты ГЧП и концессий достигнет 500 млрд рублей [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации: сайт. URL: https://economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_v_2025_godu_obem_investitsiy_v_proekty_gchp_i_koncessiy_dostignet_500_mlrld_rublej.html (дата обращения: 24.12.2025).
11. Мышко Ю.А., Колчин А.А. Новая экономическая политика и «новый курс»: назад в будущее // Гуманитарные исследования Центральной России. 2022. № 3(24). С. 16–24.
12. Реестр концессионных соглашений, заключенных в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (на 31 декабря 2024 года) [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации: сайт. URL: https://economy.gov.ru/material/file/download/dfbbe3b7458e2354ed83495389d35325/reestr_koncessionnyh_soglasheniy_122024.xlsx/ (дата обращения: 24.12.2025).
13. Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню развития ГЧП за 2024 год [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации: сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/c35da2a561ed12ff8b27199065ea5ef3/rejting_s_ubektov_rf_po_gchp_za_2024_god.pdf (дата обращения: 24.12.2025).
14. Романова Т.Ф., Меликсетян С.Н. Развитие государственно-частного партнерства в сфере высшего образования // Экономические науки. 2018. № 5(162). С. 146–149.
15. Рынок проектов государственно-частного партнерства. Тенденции, основные игроки и перспективы развития до 2040 года. Июль 2025 / ВЭБ. Национальный центр ГЧП [Электронный ресурс]. URL: <https://data.tedo.ru/publications/tedo-ppp-market-research-2025-2040.pdf> (дата обращения: 24.12.2025).
16. Уколов В.Ф., Шабуневич О.В. Современные тренды цифровой трансформации и управление будущим основных сфер жизнедеятельности // Вестник МИРБИС. 2021. № 3(27). С. 21–27.
17. Хмельченко Е.Г. Технологии внедрения инноваций в комплексную систему управления предприятием // Вестник университета. 2017. № 4. С. 33–37.

18. Цифровая трансформация в науке и образовании: роль цифровой культуры / М.А. Черкасова, Е.Г. Хмельченко, А.О. Акимова, К.В. Черкасов // Муниципальная академия. 2024. № 4. С. 211–219.

19. Шор И.М. Государственно-частное партнерство в российской системе образования: преимущества, проблемы и направления развития // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер. Политические, социологические и экономические науки. 2022. № 2(24). С. 153–161.

ЗИНЧУК ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Россия, Москва (zinchuk.gm@rea.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5493-1941>).

ОКАНОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – аспирант кафедры государственного и муниципального управления, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Россия, Москва (andreiokanov@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-2049-2067>).

Galina M. ZINCHUK, Andrey V. OKANOV

**PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN HIGHER EDUCATION:
IMPLEMENTATION FEATURES
UNDER CONDITIONS OF DIGITAL ADAPTATION**

Key words: public-private partnership, higher education, digitalization, digital infrastructure, concessions.

Under conditions of digital transformation, higher education institutions face the challenges of not only updating their material base, but also developing digital infrastructure, introducing online platforms and enhancing digital competencies. At this, budget financing of higher education is directed mainly to current expenses, and the need for large innovative projects remains unmet. Public-private partnership is considered as a tool to fill this gap, however, existing mechanisms of such interaction in Russia historically developed as an instrument of infrastructural concessions. To date, there has been no systematic assessment of the extent to which the current regulatory framework is suitable for adapting public-private partnerships to the goals of digital development at universities beyond campus construction.

The purpose of the study is to identify the specific characteristics of implementing public-private partnership mechanisms in higher education in the context of digital transformation.

Materials and methods. The methodological framework of the study was based on a comprehensive approach that combined an analysis of the regulatory framework with an empirical assessment of the implementation of public-private partnership mechanisms. The following methods were used in the work: comparative legal analysis, statistical analysis, comparative analysis, generalization and synthesis. The empirical basis of the research is formed by regulatory legal acts of the Russian Federation, official statistical materials of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, regional ratings of public-private partnership development, as well as scientific works by domestic and foreign authors devoted to financial support and innovative development of higher education.

Results. Based on a comparative legal analysis of federal laws № 115-FZ "On Concession Agreements" dated July 21, 2005 and "On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated July 13, 2015, № 224-FZ, it was established that the latter of these is a more flexible regulatory framework for implementing public-private partnerships in higher education in the context of digitalization, since within the framework of this regulatory document it is possible to work with intangible assets and various forms of project activities. The following list of objectives for digital transformation of higher education institutions was formulated: creating and modernizing digital infrastructure, implementing digital educational platforms, integrating innovative technologies, enhancing the digital competencies of

the staff and expanding access to education. The analysis of trends in the public-private partnership market in Russia confirms a high concentration of regional investments, with the transportation sector dominating over the social sector. When summarizing data from the register of concession projects in the field of higher education (with a total cost of more than 211 billion rubles) a systemic contradiction was revealed between the potential of digital transformation and current dominance of infrastructure projects implemented primarily within the framework of Federal Law № 115-FZ dated July 21, 2005.

Conclusion. In order to move from traditional infrastructure solutions to the model of digital adaptation in higher education, it is necessary to use a more flexible regulatory framework (Federal Law № 224-FZ dated July 13, 2015). However, de facto dominance of concession agreements (Federal Law № 115-FZ dated July 21, 2005) limits the potential for digital transformation of universities. The advantages of Federal Law № 224-FZ dated July 13, 2015 (work with intangible assets, performance assessment procedures) are not used. Going forward, it will be necessary to adapt the regulatory and methodological frameworks for public-private partnerships so that private resources could be integrated directly into research and educational process, rather than solely into the infrastructure component.

References

1. V Minekonomrazvitiya opredelili liderov po razvitiyu GChP sredi regionov [The Ministry of Economic Development identified the leaders in PPP development among the regions]. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_minekonomrazvitiya_opredelili_liderov_po_razvitiyu_gchp_sredi_regionov.html (Accessed Date: 2025, Dec. 24).
2. Gafurova G.T. *Finansovoe obespechenie mekhanizmov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v obrazovanii* [Financial support for public-private partnership mechanisms in education]. *Finansy i kredit*, 2013, no. 43(571), pp. 61–71.
3. Zbyshko B.G., Polyakov M.B. *Finansy sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsii* [Finances of socially oriented non-profit organizations]. *Finansovaya ekonomika*, 2021, no. 9, pp. 101–104.
4. Zotov V.B., Baziyan K.N. *Problemy razvitiya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossiiskoi Federatsii* [Problems of the development of public-private partnership in the Russian Federation]. *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO*, 2015, no. 6, pp. 25–27.
5. Zotov V.B., Terekhova K.O. *Kratkii analiz praktik gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v gorodakh* [Brief analysis of public-private partnership practices in cities]. *Vestnik MIRBIS*, 2022, no. 3(31), pp. 41–46.
6. Ibyatov F.M., Khmel'chenko E.G. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak instrument v reshenii zadach sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov i munitsipal'nykh obrazovanii* [Public-private partnership as a tool for solving the tasks of socio-economic development of regions and municipalities]. *Munitsipal'naya akademiya*, 2019, no. 4, pp. 89–95.
7. Kachkin D. *Prezentatsiya vystupleniya na sessii «Evolutsiya partnerstva: ot zarozhdeniya GChP do natsional'nogo standart»* [Presentation at the session “Evolution of partnership: from the origin of PPP to the national standard”]. Available at: <https://www.pppcenter.ru/upload/iblock/505/5059b05a91c7915f8e36bfa04d64733f.pdf> (Accessed Date: 2025, Dec. 24).
8. Kolchin A.A., Silina K.A. *Impakt-investirovanie v predprinimatel'stve: istoriya voprosa* [Impact investing in entrepreneurship: background]. In: *Aktual'nye voprosy ekonomiki i finansov: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Current Issues of Economics and Finance: Collected Papers of the International Scientific and Practical Conference]. Izhevsk, 2021, pp. 117–120.
9. Polyakov M.B., Chuev S.V., Alekseeva I.I., Kutsevalova P.A. *Mery gosudarstvennoi podderzhki deyatel'nosti molodezhnykh ob"edinenii v gorode Moskve* [Measures of state support for youth associations in Moscow]. *Fundamental'nye issledovaniya*, 2024, no. 3, pp. 64–71.
10. *Minekonomrazvitiya: v 2025 godu ob'em investitsii v proekty GChP i kontsessii dostignet 500 mlrd rublei* [The Ministry of Economic Development: in 2025, investment in PPP and concession projects will reach 500 billion rubles]. Available at: https://economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_v_2025_godu_obem_investitsiy_v_proekty_gchp_i_koncessiy_dostignet_500_mlrd_rublei.html (Accessed Date: 2025, Dec. 24).
11. Myshko Yu.A., Kolchin A.A. *Novaya ekonomicheskaya politika i «novyi kurs»: nazad v budushchee* [The New Economic Policy and the “New Deal”: back to the future]. *Gumanitarnye issledovaniya Tsentral'noi Rossii*, 2022, no. 3(24), pp. 16–24.

12. *Reestr kontsessionnykh soglashenii, zaklyuchennykh v sootvetstvii s Federal'nym zakonom ot 21 iyulya 2005 g. no. 115-FZ «O kontsessionnykh soglasheniyakh» (na 31 dekabrya 2024 goda)* [Register of concession agreements concluded in accordance with Federal Law No. 115-FZ of July 21, 2005 "On Concession Agreements" (as of December 31, 2024)]. Available at: https://economy.gov.ru/material/file/download/dfbbe3b7458e2354ed83495389d35325/reestr_koncessionnyh_soglasheniy_12_2024.xlsx/ (Accessed Date: 2025, Dec. 24).

13. *Reiting sub"ektov Rossiiskoi Federatsii po urovnyu razvitiya GChP za 2024 god* [Ranking of the constituent entities of the Russian Federation by the level of PPP development for 2024]. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/c35da2a561ed12ff8b27199065ea5ef3/rejting_subektov_rf_po_gchp_za_2024_god.pdf (Accessed Date: 2025, Dec. 24).

14. Romanova T.F., Meliksetyan S.N. *Razvitie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v sfere vysshego obrazovaniya* [Development of public-private partnership in higher education]. *Ekonomicheskie nauki*, 2018, no. 5(162), pp. 146–149.

15. *Rynok proektov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva. Tendentsii, osnovnye igroki i perspektivy razvitiya do 2040 goda. Iyul' 2025 / VEB. Natsional'nyi tsentr GChP* [PPP project market. Trends, key players and development prospects until 2040. July 2025 / VEB. National PPP Center]. Available at: <https://data.tedo.ru/publications/tedo-ppp-market-research-2025-2040.pdf> (Accessed Date: 2025, Dec. 24).

16. Ukolov V.F., Shabunovich O.V. *Sovremennye trendy tsifrovoi transformatsii i upravlenie budushchim osnovnykh sfer zhiznedeiatel'nosti* [Current trends in digital transformation and management of the future of the main spheres of life]. *Vestnik MIRBIS*, 2021, no. 3(27), pp. 21–27.

17. Khmel'chenko E.G. *Tekhnologii vnedreniya innovatsii v kompleksnuyu sistemu upravleniya predpriyatiem* [Technologies for introducing innovations into an integrated enterprise management system]. *Vestnik universiteta*, 2017, no. 4, pp. 33–37.

18. Cherkasova M.A., Khmel'chenko E.G., Akimova A.O., Cherkasov K.V. *Tsifrovaya transformatsiya v nauke i obrazovanii: rol' tsifrovoi kul'tury* [Digital transformation in science and education: the role of digital culture]. *Munitsipal'naya akademiya*, 2024, no. 4, pp. 211–219.

19. Shor I.M. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v rossiiskoi sisteme obrazovaniya: preimushchestva, problemy i napravleniya razvitiya* [Public-private partnership in the Russian education system: advantages, problems and directions of development]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, no. 2(24), pp. 153–161.

GALINA M. ZINCHUK – Doctor of Economics Sciences, Professor, Department of State and Municipal Management, Plekhanov Russian University of Economics, Russia, Moscow (zinchuk.gm@rea.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5493-1941>).

ANDREY V. OKANOV – Post-Graduate Student, Department of State and Municipal Administration, Plekhanov Russian University of Economics, Russia, Moscow (andreioakanov@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-2049-2067>).

Формат цитирования: Зинчук Г.М., Оканов А.В. Государственно-частное партнерство в сфере высшего образования: особенности реализации в условиях цифровой адаптации [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus*. 2026. № 3. С. 29–40. URL: <https://oecomia-et-jus.ru/single/2026/3/2>. DOI: 10.47026/2499-9636-2026-3-29-40.

Е.А. КАСАТКИНА, В.Д. ВЕТЛУЖСКИХ

**ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНА
В УСЛОВИЯХ РОСТА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКАЗА**

Ключевые слова: региональное управление, диверсификация экономики, государственный заказ, отраслевая структура экономики, промышленное производство, региональная экономика.

Удмуртская Республика исторически характеризуется достаточно узкой региональной специализацией. При этом экономика республики является диверсифицированной: наряду с продукцией военно-промышленного комплекса активно развиваются гражданская промышленность, агропромышленный комплекс, сфера услуг. В последние годы в отрасли военно-промышленного комплекса наблюдается значительный приток инвестиций, что привело к изменению структуры региона. Рост спроса на продукцию военного назначения обусловил возникновение экстерналий, которые начинают оказывать эффекты на другие отрасли экономики.

Цель исследования – оценка структуры экономики Удмуртской Республики и выявление ключевых экстерналий, вызванных ростом государственного оборонного заказа.

Материалы и методы. В исследовании использованы официальные данные Федеральной службы государственной статистики (преимущественно статистического издания «Регионы России»), региональных отделений Росстата, а также данные профильных министерств (в частности, Министерства финансов Удмуртской Республики), материалы государственных и частных компаний, опубликованные в открытых источниках, научные публикации, монографии, аналитические материалы по тематике исследования. Период исследования – 2021–2025 гг. Основные методы – сравнительный, динамический анализ, математический анализ, синтез и обобщение.

Результаты. Проанализированы ключевые показатели экономического развития Удмуртской Республики: индексы промышленного производства, структура обрабатывающей промышленности по видам экономической деятельности. Выявлено, что с 2023 г. в Удмуртской Республике началась структурная перестройка обрабатывающей промышленности: доля гражданского производства (пищевые продукты, напитки, обработка древесины) сократилась с 22,4% в 2022 г. до 14,1% в 2022 г., тогда как доля военного и смежного производства выросла с 64,2% до 76,7% за тот же период. Отрасли, не связанные с производством вооружения, теряют долю в общем объеме обработки, несмотря на положительную динамику роста (например, производство пищевых продуктов выросло на 8,2% в 2023 г., обработка древесины – на 42,5% в 2024 г.). Резкий скачок удельного веса группировки «Производство машин и оборудования, прочих транспортных средств» (до 23,7% в 2024 г.) обусловлен расширением выпуска беспилотных летательных аппаратов – его доля в обрабатывающем производстве достигла 14,5% в 2025 г. На основе экстраполяции трендов (с высокими коэффициентами детерминации R^2) построен прогноз, согласно которому снижение доли гражданского производства и доли готовых металлических изделий внутри военно-промышленного комплекса с высокой вероятностью сохранится в среднесрочной перспективе.

Выводы. В анализируемый период в Удмуртской Республике имела место тенденция к сокращению удельного веса гражданского производства и увеличению преимущественно военного. Отрасли обрабатывающего производства, не занятые в производстве вооружения, заметно теряли долю в общем объеме обработки, несмотря на то, что имеют положительную динамику роста. На основании экстраполяции данных, построения линии трендов удельного веса отраслей и прогноза на перспективу сформулирован вывод о том, что с высокой долей вероятности тренд на снижение доли гражданского производства в структуре «обработки» и доли готовых металлических изделий внутри военно-промышленного комплекса в среднесрочной перспективе сохранится.

Введение. Российская Федерация и Удмуртская Республика в ее составе в своей истории неоднократно сталкивались с вызовами военного характера, и в каждом случае регион (в составе Вятской губернии, будучи Удмуртской АССР или Удмуртской Республикой) мобилизовывал свои ресурсы под растущие нужды страны во время вооруженной агрессии со стороны противников. В настоящее время Удмуртская Республика играет существенную роль в поставках современного оружия и техники для обеспечения нужд всех родов войск. Вместе с предприятиями Тульской области на два региона приходится выпуск свыше половины всего высокоточного оружия, производимого в Российской Федерации. Несмотря на исторический крен в сторону промышленности (главным образом – военного производства), Удмуртия является мультидисциплинарным субъектом с хорошо диверсифицированной экономикой, способной, с одной стороны, производить сложную продукцию для ядерной отрасли, космонавтики, военно-промышленного комплекса (ВПК), с другой – быть крупным поставщиком сельскохозяйственной продукции во многие регионы Российской Федерации (прежде всего кисломолочной продукции и свинины) и иметь достаточно развитый сектор услуг [12]. Однако именно диверсификация экономики региона в условиях резкого роста государственного оборонного заказа оказалась под угрозой: возникает риск вытеснения гражданских отраслей. В этих условиях в связи с ростом спроса на продукцию военного назначения, когда «производственные мощности ОПК загружены по максимуму» [3], неизбежно возникают экстерналии, которые начинают оказывать влияние на другие отрасли экономики.

Таким образом, сформировалась необходимость исследования воздействия значительно возросшего государственного оборонного заказа на динамику развития отдельных сфер экономики региона.

Цель исследования – оценка структуры экономики Удмуртской Республики и ее изменений за анализируемый период, а также выявление ключевых экстерналий регионального развития, вызванных ростом государственного оборонного заказа.

Научная новизна исследования заключается в проведении комплексной оценки показателей экономического развития Удмуртской Республики для выявления ключевых экстерналий, вызванных ростом государственного заказа и расширением удельного веса отраслей, связанных с ВПК, с учетом региональной специализации субъекта и влияния на другие отрасли экономики.

Материалы и методы. Для достижения поставленной цели в исследовании использованы официальные данные Федеральной службы государственной статистики (преимущественно статистического издания «Регионы России»), региональных отделений Росстата (статистический сборник «Удмуртия в цифрах», данные разделов труда и занятости, заработной платы, промышленного производства, ВРП и другие), а также данные профильных министерств (в частности, Министерства финансов Удмуртской Республики), материалы государственных и частных компаний, опубликованные в открытых источниках, научные публикации, монографии, аналитические материалы по тематике исследования. Период исследования – 2021–2025 гг.

Основные методы – сравнительный, динамический анализ, математический анализ (корреляционный анализ, ранговая корреляция), синтез и обобщение.

Результаты исследования. Удмуртская Республика на начало 2022 г. обладала достаточно диверсифицированной экономикой, в которой почти 70% произведенной продукции и оказанных услуг не относились к сфере добычи полезных ископаемых, в отличие, например, от Оренбургской области, где на эту отрасль промышленности пришлось почти 45% всего регионального производства. По сравнению с другой ключевой для Удмуртии отраслью экономики – сельским хозяйством, можно обнаружить относительно невысокую долю сельхозпроизводства в ВРП [10]: 5,7% при >16% в республиках Марий Эл и Мордовии, а также >20% в Пензенской области, что контрастирует с развитостью этой отрасли (особенно молочнокислого производства) в регионе. Обрабатывающая промышленность, несмотря на обычно меньший удельный вес (15–20%, на 2022 г. – 17%), чем добыча сырой нефти в структуре ВРП, на начало 2022 г. имела разнонаправленную специфику как по «оборонке» (аэрокосмическое направление, реализуемое АО «ИЭМЗ Купол» и АО «Воткинский завод», производство роботов и станков НИТИ «Прогресс», производство высокоточного оружия АО «Концерн Калашников» и АО «ИМЗ», производство БПЛА ООО «Аэроскан» и ООО «Беспилотные системы» и т.д.), так и в гражданской сфере (например, АО «ЧМЗ», входящий в состав АО «ТВЭЛ»). Интересно, что на 2022 г. удельный вес «обработки» в структуре ВРП был одним из самых низких среди регионов ПФО (меньше только у Оренбургской области), но это объясняется сравнительно высокой долей добычи полезных ископаемых. Концептуальные подходы к исследованию подобных структурных сдвигов в экономике региона подробно освещены авторами [13], где обосновывается необходимость структурного подхода к управлению региональной экономикой и обобщаются теоретико-методологические аспекты структурных исследований.

Важно также уделить внимание финансовой сфере, в которой на 2022 г. консолидированный бюджет Удмуртской Республики был сведен с дефицитом (–4,1 млрд руб.) при сравнительно высоком уровне государственного регионального долга, который составлял около половины всего консолидированного бюджета региона (>63 млрд руб. бюджетными и коммерческими кредитами, а также ценными бумагами на 1 января 2022 г.) [1]. При этом за 2022 г. ФНС РФ было собрано в бюджеты всех уровней 359,1 млрд руб. (78,9% в федеральный бюджет). Это ставило республику на второе место в ПФО по доле поступлений в бюджет верхнего уровня (больше только в Оренбургской области – 84,1%). Объем вернувшихся средств в региональный бюджет Удмуртской Республики в виде безвозмездных поступлений составил за тот же период 38,7 млрд руб. С учетом субсидий доля чистых поступлений в федеральный бюджет достигла 68,1%. В связи со сложившейся динамикой обоснованно отмечалось, что при заложенных в бюджете 1,75 млрд руб. на обслуживание долга и фактической невозможности получать дополнительные средства на долговом рынке, а также ограниченных возможностях бюджета (85 тыс. руб. на душу населения), регион по объективным причинам не в состоянии самостоятельно дать дополнительный импульс и поддержать наиболее перспективные направления в экономике. Это хорошо видно в удельном весе расходов на национальную

экономику (16% на 2022 г.). Соответственно, к началу анализируемого периода к Удмуртской Республике была применима позиция о том, что в настоящее время условия экономического роста субъектов Российской Федерации во многом определяются сложным социально-экономическим положением страны.

В представленном исследовании будут рассмотрены основные экстерналии, обусловленные ростом государственного оборонного заказа и активным строительством/расширением предприятий ВПК на территории субъекта: проанализировано влияние существенного расширения удельного веса отраслей, связанных с военным производством, на другие отрасли и сектора экономики, безработицу, а также сопоставлены данные с регионами, которые близки по структуре производства с Удмуртской Республикой.

Ключевыми параметрами исследования являются данные по физическому объему и структуре ВРП. Оценка проводится по видам экономической деятельности отдельных отраслей. В табл. 1 представлены индексы промышленного производства в Удмуртской Республике за 2021–2025 г.

Таблица 1

**Сводная таблица индексов промышленного производства
в Удмуртской Республике за 2021–2025 г., % к предыдущему году**

Показатели	Год				
	2021	2022	2023	2024	2025
ИПП	108,9	103,7	113,6	113,9	107,7
ИОП	115	106,3	133,9	128,3	115,4
ИДП	104,5	103	96,4	97,3	96,1

Примечание. Табл. 1 составлена авторами на основе данных [4, 6–10]. ИПП – индекс промышленного производства; ИОП – индекс обрабатывающей промышленности; ИДП – индекс добычи полезных ископаемых.

Данные табл. 1 показывают, что с 2022 г. начался чистый рост промышленного производства (в 2021 г. рост можно охарактеризовать как V-образное восстановление экономики после локдаунов 2020 г.) как по обрабатывающей промышленности, так и по добыче сырой нефти в результате увеличения квоты от ОПЕК+ и наращивания добычи. При этом ИОП, как и ИПП в целом, в 2022 г. показали усиленный рост по сравнению с динамикой индекса физического объема ВРП (рост ВРП в 2022 г. в относительных величинах составил 101,4%), однако наиболее статистически заметные изменения произошли в период 2023–2025 гг. Это связано с тем, что предприятиям ВПК требовалось время для найма работников и модернизации производственных линий. Так, из приведенных данных видно, что с 2023 г. рост ИПП был обусловлен исключительно положительной динамикой обрабатывающего производства, поскольку, во-первых, кардинально изменились условия функционирования мирового рынка нефти, во-вторых, существенно расширились производственные мощности предприятий ВПК.

Далее проанализируем изменение структуры обрабатывающей промышленности в 2021–2025 гг. (табл. 2). Традиционно в обрабатывающей промышленности Удмуртской Республики выделяется пять группировок по произведенным товарам, имеющим наибольший удельный вес: производство машин и оборудования, прочих транспортных средств и оборудования (уделим особое

внимание этой категории); производство электронных и оптических изделий, компьютеров; производство готовых металлических изделий; производство пищевых продуктов, напитков; обработка древесины.

Таблица 2

**Структура обрабатывающей промышленности Удмуртской Республики по годам
(удельный вес), %**

Показатели	Год				
	2021	2022	2023	2024	2025
Производство машин и оборудования и прочих транспортных средств	11,1	11	12	23,7	18,2–22
Производство электронных и оптических изделий	16,8	17,2	19,6	16,9	22,1
Производство готовых металлических изделий	35,3	36	37,9	33,6	32,6
Производство пищевых продуктов, напитков	18,8	18,7	15,4	13,1	12,4
Обработка древесины	5,1	3,7	2,7	2,6	1,7

Примечание. Табл. 2 составлена авторами на основе данных [4, 6–10].

Анализ данных табл. 2 показывает, что с 2023 г. начала меняться структура обработки как между группировками, традиционно играющими наиболее существенную роль в экономике Удмуртской Республики, так и внутри самого военного производства. При этом с 2023 г. отчетливо прослеживается тенденция к сокращению удельного веса гражданского производства и увеличению преимущественно военного: с 22,4% в 2022 г. у суммы долей производства пищевых продуктов, напитков и обработки древесины до 14,1 в 2025 г.; 64,2% военного и смежного производства в 2022 г. до 76,7% в 2025 г. Аналогичные процессы структурной перестройки промышленности в условиях кризиса, включая формирование особых экономических зон и кластеров, были проанализированы на примере Удмуртской Республики в [2, 14], где отмечается, что структурные сдвиги часто являются объективным следствием технологических дисбалансов, а не целенаправленной политики.

Заслуживает внимания, что в 2024 г. резко увеличился удельный вес группировки «Производство машин и оборудования, прочих транспортных средств и оборудования». Это связано с тем, что в данный класс входит подгруппа по ОКВЭД 30.30.39 – «Производство прочих летательных аппаратов». Если до 2023 г. в масштабе региональной статистики производство БПЛА практически не имело отражения, то уже в 2025 г. его размер составляет до 14,5% от всего обрабатывающего производства в Удмуртской Республике¹. Индексы производства данной подгруппы выросли в 2,3 раза в 2022 г., на 86,8% в 2023 г. и в 5,1 раза в 2024 г.; кроме того, увеличился за 2023–2024 г. индекс по производству компьютеров, электронных и оптических изделий на 45,1 и 31,0 % соответственно [12].

¹ Данные с 2021 по 2024 г. взяты из статистического сборника «Регионы России» 2022–2025 г., при этом показатели 2025 г. брались из отчета «Промышленное производство январь – декабрь 2025 г.» от территориального органа Росстата по Удмуртской Республике. Во втором случае количество классов ОКВЭД в группировке отличается в меньшую сторону от статистического сборника, поэтому был взят наименьший возможный вес группировки и максимальный, но в расчетах преимущественно будет применяться минимальный.

Отрасли обрабатывающего производства, не занятые в производстве вооружения, заметно теряют долю в общем объеме обработки, несмотря на положительную динамику роста. К примеру, в 2021–2024 гг. в регионе наблюдался устойчивый рост производства пищевых продуктов и напитков (на 5,6% в 2021 г., на 8,2% в 2023 г., на 3,3% в 2024 г., что превышает показатели роста ВРП Удмуртской Республики в первые два года), в 2024 г. заметно выросла обработка древесины (+ 42,5% г/г).

Наряду с анализом необходимо также сделать прогноз на перспективу. В данном случае целесообразно построить график-прогноз как по гражданским отраслям обрабатывающей промышленности, так и по отраслям, связанным с военным производством, выделенным в отдельные группировки в табл. 2. Для удобства объединим отрасли производства пищевых продуктов и напитков в единую группировку (рис. 1, 2).

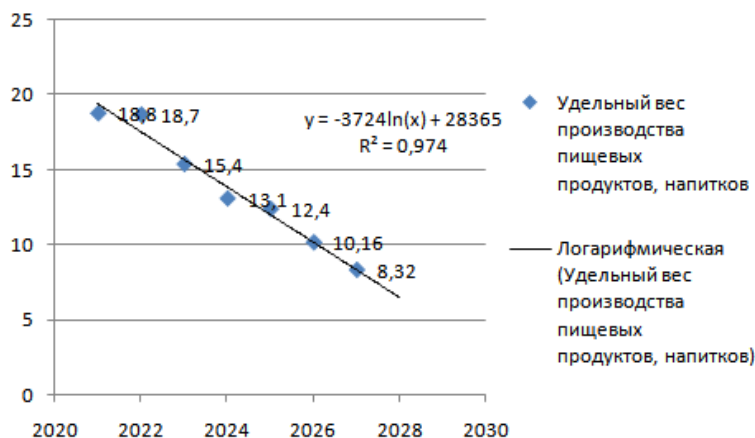

Рис. 1. Линия тренда удельного веса производства пищевых продуктов, напитков в общей структуре обрабатывающей промышленности Удмуртской Республики

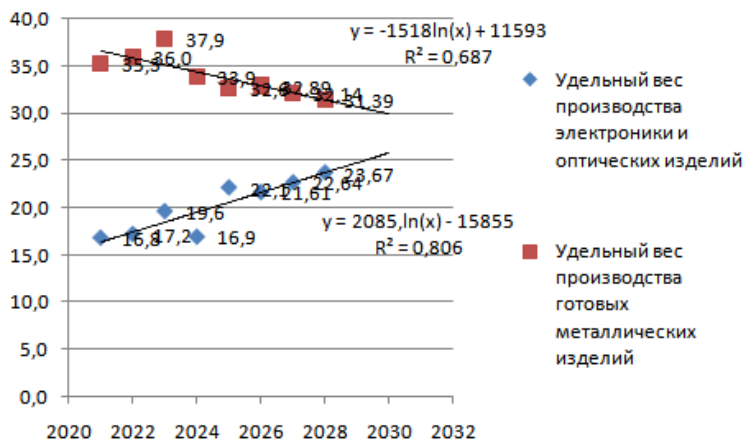

Рис. 2. Линии трендов удельного веса отраслей промышленности, связанных с ВПК, в структуре «обработки» в Удмуртской Республике

Экстраполяция показателей удельного веса производства пищевых продуктов, напитков в общей структуре обрабатывающей промышленности Удмуртской Республики и удельного веса отраслей промышленности, связанных с ВПК, в структуре «обработки» выполнена с использованием стандартной функции «Предсказ» в Excel; для форматирования линии тренда применена логарифмическая аппроксимация.

С большей вероятностью тренд на снижение доли гражданского производства в структуре «обработки» и доли готовых металлических изделий внутри ВПК сохранится. Об этом свидетельствуют достаточно высокие коэффициенты детерминации (R^2) в приведенных графиках-прогнозах. Общие методологические подходы к прогнозированию подобных экономических показателей на региональном уровне, включая современные эконометрические методы и методы машинного обучения для анализа временных рядов, подробно рассмотрены в [5, 11].

Выводы. Рост государственного оборонного заказа в Удмуртской Республике стал доминирующим фактором структурной трансформации региональной экономики, однако эта трансформация носит не сбалансированный, а односторонний характер: военно-ориентированные отрасли стремительно наращивают долю, тогда как гражданские секторы, даже демонстрируя абсолютный рост, относительно сжимаются. Ключевая экстерналия, выявленная в ходе исследования, – эффект вытеснения: ресурсы (трудовые, инвестиционные, производственные) перераспределяются в пользу ВПК без автоматической компенсации для гражданской промышленности, что создает риск посткризисной деградации диверсификации. С практической точки зрения, полученные результаты свидетельствуют о необходимости заблаговременной корректировки региональной экономической политики: поддержка гражданских отраслей не может быть пассивной («сохранить то, что осталось»), а требует активных мер (специализированные субсидии, налоговые стимулы, программы импортозамещения в невоенных секторах). Перспективы исследования связаны с углубленным анализом движения трудовых ресурсов между отраслями, оценкой мультипликативных эффектов государственного оборонного заказа на смежные рынки (логистика, строительство, услуги) и сравнительным анализом с регионами, проходящими сходную структурную перестройку.

Дальнейшая работа будет направлена на установление приоритетности инвестиционной деятельности региона по видам экономической деятельности, определение трендов в векторе перемещения трудовых ресурсов и проведение сравнительного анализа Удмуртской Республики с другими регионами страны по отдельным сопоставительным характеристикам.

Литература

1. Государственный внутренний долг Удмуртской Республики по состоянию на 01.02.2022 [Электронный ресурс] // Министерство финансов Удмуртской Республики: офиц. сайт. URL: https://www.mfur.ru/gm_dolg/files/Na%2001.02.2022%20Пресс-релиз%20Государственный%20долг.doc (дата обращения: 14.04.2026).

2. Давыдова Н.С. Концепция структурной перестройки промышленности региона в условиях кризиса // Экономика региона. 2009. № 4. С. 228–230.

3. Заседание Военно-промышленной комиссии [Электронный ресурс] // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78033> (дата обращения: 15.04.2026).
4. Итоги работы промышленности за январь – декабрь 2025 г. [Электронный ресурс] // Террит. орган гос. статистики по Удмуртской Республике: офиц. сайт. URL: <https://18.gosstat.gov.ru/news/document/277688> (дата обращения: 14.04.2026).
5. Михайлова С.С. Прогнозирование пространственных эффектов и факторов развития региона с использованием методов машинного обучения // Вычислительные нанотехнологии. 2025. Т. 12, № 3. С. 23–30.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. М.: Росстат, 2021. 1112 с.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. М.: Росстат, 2022. 1122 с.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: стат. сб. М.: Росстат, 2023. 1126 с.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: стат. сб. М.: Росстат, 2024. 1081.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: стат. сб. М.: Росстат, 2025. 1035 с.
11. Суровцев И.М. Построение экспертно-аналитических систем прогнозирования уровня социально-экономического развития новых регионов Российской Федерации на базе методологии математического моделирования // Вестник Донецкого национального университета. Сер. В. Экономика и право. 2025. № 4. С. 25–34. DOI: 10.5281/zenodo.18083046.
12. Удмуртия в цифрах. 2020–2024 гг.: стат. ежегодник. Ижевск: Удмуртстат, 2025. 268 с.
13. Ускова Т.В. Структурная трансформация региональной экономики. Вологда: ВолНЦ РАН, 2020. 232 с.
14. Чо И.А. Структурная перестройка промышленного комплекса в трансформационной экономике (на примере Удмуртской Республики): дис. ... канд. экон. наук. Ижевск, 2015. 210 с.

КАСАТКИНА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственной службы и управления персоналом, Удмуртский государственный университет, Россия, Ижевск (kora-tay@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-0056-3631>).

ВЕТЛУЖСКИХ ВЛАДИСЛАВ ДМИТРИЕВИЧ – магистрант факультета экономики и права, Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, Россия, Ижевск (vladvetluzhskih@mail.ru).

Elena A. KASATKINA, Vladislav D. VETLUZHSEKH

THE STUDY OF THE REGION'S STRUCTURAL TRANSFORMATION AMID GROWTH IN GOVERNMENT PROCUREMENT

Key words: regional management, economic diversification, government procurement, sectoral structure of the economy, industrial production, regional economy.

The Udmurt Republic has historically been characterized by a fairly narrow regional specialization. At this, the republic's economy is diversified, along with the products of the military-industrial complex, the civilian industry, the agro-industrial complex and the service sector are actively developing. In recent years, the defense industry has seen a significant influx of investment, which has led to changes in the region's structure. The growing demand for military products has led to the emergence of externalities that are beginning to have effects on other sectors of the economy.

The purpose of the study is to assess the economic structure of the Udmurt Republic and identify key externalities resulting from the growth of the government's defense procurement. **Materials and methods.** The study draws on official data from the Federal State Statistics Service (primarily from the statistical periodical Regions of Russia), Rosstat's regional offices, as

well as data from relevant ministries (in particular, the Ministry of Finance of the Udmurt Republic), materials from state-owned and private companies published in open sources, academic publications, monographs and analytical materials related to the study's subject matter. The study period is 2021–2025. The main methods are comparative, dynamic analysis, mathematical analysis, synthesis and generalization.

Results. This study analyzes key indicators of economic development in the Udmurt Republic: industrial production indices and the structure of the manufacturing sector by economic activity. It has been found that, starting in 2023, a structural transformation of the manufacturing sector began in the Udmurt Republic: the share of civilian production (food, beverages, wood processing) declined from 22.4% in 2022 to 14.1% in 2025, while the share of military and related production rose from 64.2% to 76.7% over the same period. Sectors not related to armament production are losing their share in total manufacturing output, despite positive growth trends (for example, food production grew by 8.2% in 2023, and wood processing by 42.5% in 2024). The sharp increase in the share of the “Manufacture of Machinery, Equipment, and Other Transportation Vehicles” sector (to 23.7% in 2024) is due to expansion of unmanned aerial vehicle production – its share of manufacturing reached 14.5% in 2025. Based on an extrapolation of trends (with high coefficients of determination R^2), a forecast has been developed indicating that the decline in the share of civilian production and the share of finished metal products within the military-industrial complex is highly likely to continue in the medium term.

Conclusions. During the period under review, the Republic of Udmurtia saw a trend toward a decline in the share of civilian production and an increase in primarily military production. Manufacturing industries that are not engaged in the production of armament noticeably lost their share in the total volume of processing, despite the fact that they have a positive growth trend. Based on data extrapolation, construction of trend lines for the sectoral shares and a forecast for the future, it has been concluded that, with a high degree of probability, the downward trend in the share of civilian production within the “manufacturing” sector and the share of finished metal products within the military-industrial complex will continue in the medium term.

References

1. Gosudarstvennyi vnutrennii dolg Udmurtskoi Respubliki po sostoyaniyu na 01.02.2022 [The state internal debt of the Udmurt Republic as of 02.01.2022]. Available at: https://www.mfur.ru/gm_dolg/-files/Na%2001.02.2022%20Press-reliz%20Gosudarstvennyi%20dolg.doc (Accessed Date: 2026, Apr. 14).
2. Davydova N.S. *Kontseptsiya strukturnoi perestroiki promyshlennosti regiona v usloviyakh krizisa* [Concept of structural reorganization of the region industry in the crisis conditions]. *Ekonomika region*, 2009, no. 4, pp. 228–230.
3. *Zasedanie voenno-promyshlennoi komissii* [Meeting of the Military Industrial Commission]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78033> (Accessed Date: 2026, Apr. 14).
4. *Itogi raboty promyshlennosti za yanvar' – dekabr' 2025 g.* [Industry performance results for January – December 2025]. Available at: <https://18.rosstat.gov.ru/news/document/277688> (Accessed Date: 2026, Apr. 14).
5. Mikhailova S.S. *Prognozirovanie prostranstvennykh effektov i faktorov razvitiya regiona s ispol'zovaniem metodov mashinnogo obucheni* [Predicting spatial effects and regional development factors using machine learning methods]. *Vychislitel'nye nanotekhnologii*, 2025, vol. 12, no. 3, pp. 23–30.
6. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2021: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2021]. Moscow, Rosstat Publ., 2021, 1112 p.
7. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2022: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2022]. Moscow, Rosstat Publ., 2022, 1122 p.
8. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2023: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2023]. Moscow, Rosstat Publ., 2023, 1126 p.
9. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2024: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2024]. Moscow, Rosstat Publ., 2024, 1081 p.
10. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2025: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2025]. Moscow, Rosstat Publ., 2025, 1035 p.
11. Surovtsev I.M. *Postroenie ekspertno-analiticheskikh sistem prognozirovaniya urovnya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya novykh regionov Rossiiskoi Federatsii na baze metodologii*

matematicheskogo modelirovaniya [Development of expert-analytical systems for forecasting the socio-economic development level of new regions of the Russian Federation based on mathematical modeling methodology]. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Ser. V. Ekonomika i pravo*, 2025, no. 4, pp. 25–34. DOI: 10.5281/zenodo.18083046.

12. *Udmurtiya v tsifrakh. 2020–2024 gg.: stat. ezhegodnik* [Udmurtia in numbers. 2020–2024: statistics]. Izhevsk, Udmurtstat Publ., 2025. 268 p.

13. Uskova T.V. *Strukturnaya transformatsiya regional'noi ekonomiki* [Structural transformation of the regional economy]. Vologda, VolNTs RAN Publ., 2020, 232 p.

14. Cho I.A. *Strukturnaya perestroika promyshlennogo kompleksa v transformatsionnoi ekonomike (na primere Udmurtskoi Respubliki): dis. ... kand. ekon. nauk* [Structural Reorganization of the Industrial Complex in a Transformational Economy (on the Example of the Udmurt Republic): Cand. Diss.]. Izhevsk, 2015, 210 p.

ELENA A. KASATKINA – Candidate of Economics Sciences, Associate Professor, Department of Public Administration and Personnel Management, Udmurt State University, Russia, Izhevsk (kora-tay@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-0056-3631>).

VLADISLAV D. VETLUZHSKIY – Master's Program Student, Faculty of Economics and Law, Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Russia, Izhevsk (vladvetluzhskih@mail.ru).

Формат цитирования: Касаткина Е.А., Ветлужских В.Д. Исследование структурной трансформации региона в условиях роста государственного заказа [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus*. 2026. № 3. С. 41–50. URL: <https://oecomia-et-jus.ru/single/2026/3/3>. DOI: 10.47026/2499-9636-2026-3-41-50.

А.Ю. АЛЕКСАНДРОВ, В.Н. ДИОМИДОВА, Н.Н. ИВАНОВА,
Т.Н. КОПЫШЕВА, К.А. ПЕТРОВ, А.Р. ПЕТРОВ

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗРАБОТКИ,
РЕГИСТРАЦИИ И ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМ ПОДДЕРЖКИ
ПРИНЯТИЯ ВРАЧЕБНЫХ РЕШЕНИЙ
НА ОСНОВЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

Ключевые слова: публично-правовое регулирование, системы поддержки принятия врачебных решений, искусственный интеллект в медицине, государственная регистрация медицинских изделий, государственный контроль (надзор), экспериментальные правовые режимы, адаптивное регулирование, информационная безопасность.

Развитие систем поддержки принятия врачебных решений на базе искусственного интеллекта существенно опережает приведение нормативной правовой базы в соответствие с технологическими реалиями. Возникают системные правовые коллизии в сфере квалификации таких систем как медицинских изделий, государственного контроля, информационной безопасности и разграничения юридической ответственности, что создает риски для безопасности пациентов и препятствует масштабированию технологий. Это обуславливает актуальность комплексного анализа проблем правового регулирования.

Цель исследования – выявление и систематизация нормативных проблем, возникающих при разработке, регистрации и внедрении систем поддержки принятия врачебных решений с применением искусственного интеллекта, а также обоснование направлений совершенствования правового регулирования в данной сфере.

Материалы и методы. Исследование основано на анализе нормативных правовых актов, национальных стандартов и научных публикаций. Применены формально-логический, системно-структурный, сравнительно-правовой методы и метод юридического моделирования.

Результаты. Выявлена фрагментарность правового регулирования применения искусственного интеллекта в здравоохранении и установлена взаимосвязь нормативных проблем в сфере государственной регистрации медицинских изделий, обеспечения информационной безопасности, разграничения юридической ответственности и финансирования цифрового здравоохранения. Обоснована необходимость перехода к адаптивному регулированию, учитывающему двойственную природу систем поддержки принятия врачебных решений, сочетающих детерминированные и вероятностные компоненты. Предложены следующие направления совершенствования: дифференцированная регистрация с разделением экспертизы модели искусственного интеллекта и базы знаний; императивная аудируемость и стандартизированная объяснимость алгоритмов; закрепление процессуального статуса журналов аудита; интеграция национальных стандартов в административные регламенты; механизмы бюджетного субсидирования внедрения технологий.

Выводы. Выявленные нормативные проблемы правового регулирования систем поддержки принятия врачебных решений на базе искусственного интеллекта не представляют собой совокупность разрозненных пробелов, а образуют взаимосвязанную систему противоречий, порожденную фундаментальным рассогласованием между «статичной» архитектурой действующего административного законодательства (ориентированного на изделия с фиксированной версионностью) и «динамичной» природой современных киберфизических систем с непрерывно обновляемыми базами знаний. Точечная доктринальная корректировка отдельных норм не сможет обеспечить устранения системного кризиса правовой определенности. Необходим переход

к адаптивной модели регулирования, в рамках которой, во-первых, признается двойственная онтологическая природа таких систем, во-вторых, обеспечивается гибкость без ущерба для публичных интересов в сфере охраны здоровья. Предложенный механизм – дифференцированная регистрация, императивная аудируемость, стандартизированная объяснимость и финансовая поддержка – представляет собой не набор разрозненных мер, а единый регуляторный механизм, выстраивающий баланс между стимулированием инноваций и защитой публичных интересов в сфере охраны здоровья граждан. Сформулированные положения обладают не только теоретической, но и практической значимостью: они могут быть использованы при разработке подзаконных нормативных правовых актов Минздрава России и Росздравнадзора, а также при формировании единообразной правоприменительной практики в сфере оборота медицинских изделий на базе искусственного интеллекта.

Введение. Приоритетным направлением развития отечественного здравоохранения и государственного управления в цифровую эпоху является формирование интеллектуальной инфраструктуры, обеспечивающей повышение качества, доступности и безопасности медицинской помощи. Указом Президента Российской Федерации от 2 августа 2024 г. № 964 утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.¹ В числе приоритетных задач в данном документе закреплено внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в систему охраны здоровья граждан.

Современная медицинская практика характеризуется значительным увеличением объема клинических данных, подлежащих анализу при принятии врачебных решений. Одновременно с этим наблюдается непрерывное обновление клинических рекомендаций и протоколов лечения, что предъявляет повышенные требования к квалификации медицинских работников. Указанные факторы актуализируют необходимость создания систем поддержки принятия врачебных решений (СППВР) на базе ИИ² [9, 12]. В частности, в клиническую практику уже внедрены такие решения, как IBM Watson Health, Google Med-PaLM, Nuance DAX, а также отечественные платформы, функционирующие в рамках ЕГИСЗ и региональных пилотных проектов Минздрава России [8, 9, 12].

Однако интенсивное развитие медицинских информационных систем с элементами ИИ существенно опережает процессы приведения нормативной правовой базы в соответствие с новыми технологическими реалиями. В правовой сфере возникают устойчивые коллизии, связанные с квалификацией таких систем в качестве изделий медицинского назначения, организацией государственного контроля (надзора) за их оборотом, обеспечением информационной безопасности, а также разграничением юридической ответственности между разработчиком программного обеспечения, медицинской организацией и лечащим врачом. Отсутствие устоявшейся доктринальной позиции и пробелы в законодательстве влекут за собой риски для безопасности пациентов и правовой определенности для разработчиков, а также препятствуют масштабированию пилотных проектов [2].

¹ О Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 02.08.2024 № 964 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 32. Ст. 4120

² ГОСТ Р 59525-2021. Информатизация здоровья. Интеллектуальные методы обработки медицинских данных. Основные положения. М.: Стандартинформ, 2021. 12 с.

Цель исследования состоит в выявлении и систематизации нормативных проблем, возникающих при разработке, регистрации и внедрении СППВР с применением ИИ, а также в обосновании направлений совершенствования правового регулирования в данной сфере.

Материалы и методы. Информационную базу исследования составили нормативные правовые акты Российской Федерации в сфере здравоохранения, персональных данных, обращения медицинских изделий и экспериментальных правовых режимов, профильные национальные стандарты в области искусственного интеллекта и систем поддержки принятия врачебных решений, а также труды ученых-юристов, специализирующихся в области медицинского и цифрового права, опубликованные преимущественно в 2024–2025 гг.

Методологическую базу сформировали общенаучные и частнонаучные методы познания. Диалектический метод позволил рассмотреть правовое регулирование ИИ в медицине в развитии и взаимосвязи с технологическими изменениями. Формально-логический метод использован при анализе нормативных предписаний и выявлении коллизий. Системно-структурный метод применен для оценки архитектуры взаимодействия субъекта публичной власти (регулятора) и разработчика. Метод юридического моделирования использован для проектирования предложений по совершенствованию законодательства, а сравнительно-правовой метод – при анализе зарубежного опыта регулирования ИИ-систем высокого риска.

Результаты исследования. Действующее законодательство Российской Федерации в сфере применения ИИ в здравоохранении имеет фрагментарный характер. Базовые направления развития и использования ИИ в медицине определены в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта¹. Отраслевое регулирование базируется на положениях Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ², устанавливающих общие требования к организации медицинской помощи и применению медицинских изделий. Сведения о состоянии здоровья относятся к специальной категории персональных данных (Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ)³. Техническое регулирование применения ИИ в клинической медицине обеспечивается развитым семейством стандартов ГОСТ Р 59921⁴, вводящим требования к клинической

¹ О Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 02.08.2024 № 964 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 32. Ст. 4120.

² Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Фед. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

³ О персональных данных: Фед. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

⁴ ГОСТ Р 59921.0-2022. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Основные положения. М.: Рос. ин-т стандартизации, 2022. 12 с.; ГОСТ Р 59921.1-2022. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 1. Клиническая оценка. М.: Рос. ин-т стандартизации, 2022. 20 с.; ГОСТ Р 59921.2-2021. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 2. Программа и методика технических испытаний. М.: Рос. ин-т стандартизации, 2021. 12 с.; ГОСТ Р 59921.3-2021. Системы искусственного интеллекта в клинической

оценке, управлению изменениями и методам испытаний, а также рядом специализированных документов 2024–2025 гг. (ГОСТ Р 71671-2024¹, ГОСТ Р 72313-2025, ГОСТ Р 72357-2025²), регламентирующих метрики оценки качества ИИ-систем.

Современные СППВР представляют собой сложные киберфизические системы, сочетающие детерминированные алгоритмы, вероятностные нейросетевые модели и динамически обновляемые базы медицинских знаний, что обуславливает высокую динамичность архитектурных подходов к их построению. Базовым технологическим подходом к построению СППВР является использование архитектуры RAG (Retrieval-Augmented Generation), предполагающей разделение генеративной нейросетевой модели и верифицированной базы медицинских знаний, которая позволяет минимизировать риски генерации клинически некорректных рекомендаций путем привязки ответов к конкретным источникам с указанием уровня доказательности [8]. Системы строятся по микро-сервисному принципу с четким разделением моделей обработки чувствительной информации и генеративных вычислений. Приоритетным способом развертывания таких СППВР является их размещение в изолированной информационной системе медицинской организации, что гарантирует выполнение требований о локализации баз данных на территории Российской Федерации и исключает трансграничную передачу данных. Многоступенчатая валидация, включающая детерминированную проверку числовых данных (дозировок, клинических шкал) и обязательное указание на информационно-справочный характер сгенерированных системой рекомендаций, формирует дополнительный уровень обеспечения клинической безопасности [8].

В соответствии с действующим законодательством (ст. 38 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ и Правилами государственной регистрации медицинских изделий, утвержденными Постановлением Правительства

ской медицине. Часть 3. Управление изменениями в системах искусственного интеллекта с непрерывным обучением. М.: Рос. ин-т стандартизации, 2021. 12 с.; ГОСТ Р 59921.4-2021. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 4. Оценка и контроль эксплуатационных параметров. М.: Рос. ин-т стандартизации, 2021. 16 с.; ГОСТ Р 59921.5-2021н. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 5. Требования к структуре и порядку применения набора данных для обучения и тестирования алгоритмов. М.: Рос. ин-т стандартизации, 2022. 24 с.; ГОСТ Р 59921.6-2022. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 6. Общие требования к эксплуатации. М.: Рос. ин-т стандартизации, 2021. 12 с.; ГОСТ Р 59921.7-2022. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Алгоритмы анализа медицинских изображений. Методы испытаний. Общие требования. М.: Рос. ин-т стандартизации, 2022. 36 с.; ГОСТ Р 59921.8-2022. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 8. Руководящие указания по применению ГОСТ ISO 13485-2017. М.: Рос. ин-т стандартизации, 2022. 42 с.; ГОСТ Р 59921.9-2022. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Алгоритмы анализа данных в клинической физиологии. Методы испытаний. Общие требования. М.: Рос. ин-т стандартизации, 2022. 32 с.

¹ ГОСТ Р 71671-2024. Системы поддержки принятия врачебных решений с применением искусственного интеллекта. Основные положения. М.: Стандартинформ, 2024. 20 с.

² ГОСТ Р 72357-2025. Системы поддержки принятия врачебных решений с применением искусственного интеллекта для анализа данных в лекарственной терапии. Методы формирования набора данных для обучения и тестирования. Метрики оценки качества. М.: Стандартинформ, 2025. 18 с.

Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1416¹), программное обеспечение, предназначенное для медицинских целей, подлежит регистрации в Росздравнадзоре с проведением экспертиз качества, безопасности и эффективности. Существующие административные регламенты ориентированы на программные продукты с фиксированной версионностью, тогда как архитектура современных СППВР предполагает еженедельное инкрементальное обновление базы знаний и векторных индексов без изменения ядра нейросетевой модели. Непрерывная модификация информационного наполнения системы формирует правовую неопределенность относительно необходимости повторной экспертизы данного изделия медицинского назначения при каждом обновлении. Отсутствие дифференцированного подхода к регистрации «статичного алгоритма» и «динамической базы знаний» препятствует внедрению технологий [7]. Частично обозначенная коллизия может быть нивелирована посредством применения механизма экспериментальных правовых режимов, правовая основа которого заложена в Федеральном законе от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ² и детализирована в Постановлении Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2023 г. № 2351³. Тем не менее реализация данного механизма имеет ограниченный территориальный и временной характер. В качестве направления совершенствования регулирования представляется обоснованным модифицировать административный порядок регистрации, опираясь на положения ГОСТ Р 59921.3-2021, регламентирующего управление изменениями в системах ИИ с непрерывным обучением. Экспертизу целесообразно разделить на оценку «ядра» (модели ИИ) и «периметра» (базы знаний). Обновление клинических рекомендаций в векторных хранилищах следует осуществлять по упрощенной процедуре уведомления регулятора при условии сохранения неизменности валидационных метрик модели.

При разработке и использовании СППВР особое значение приобретают вопросы обеспечения информационной безопасности и организации публичного контроля. Обработка сведений о состоянии здоровья, относящихся к специальной категории персональных данных, требует строгого соблюдения режима конфиденциальности, установленного Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»⁴. Технические решения, предусматривающие использование локальных моделей и автоматическое обезличивание

¹ Об утверждении Правил государственной регистрации медицинских изделий: Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 № 1416 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 1. Ст. 102.

² О проведении экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Фед. закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 17. Ст. 2502.

³ Об утверждении Положения об экспериментальных правовых режимах в сфере здравоохранения: Постановление Правительства Российской Федерации от 30.12.2023 № 2351 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 2. Ст. 118.

⁴ О персональных данных: Фед. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451

идентифицирующей информации, направлены на минимизацию рисков утечки таких данных и несанкционированного доступа к ним. Тем не менее медицинские информационные системы все чаще включаются в перечень объектов критической информационной инфраструктуры (КИИ). В этой связи актуализируется вопрос уголовно-правовой защиты таких систем от неправомерного доступа и сбоев, которые могут причинить вред жизни и здоровью пациентов [11]. В целях обеспечения публичного контроля и последующего установления юридической ответственности необходимо автоматическое формирование защищенных от модификации журналов аудита, фиксирующих все взаимодействия врача с СППВР, включая ввод исходных данных, полученные рекомендации и принятые решения. Однако процессуальный статус таких цифровых следов в рамках административного и уголовного процесса не определен в полной мере, что формирует риски признания их недопустимыми доказательствами в спорах о качестве оказания медицинских услуг. Для устранения данного пробела необходимо на подзаконном уровне закрепить статус журналов аудита взаимодействий врача с ИИ-агентом в качестве обязательного элемента медицинской документации, имеющего значение для установления юридически значимых обстоятельств при осуществлении государственного контроля (надзора) и при расследовании случаев ятрогенного вреда.

Фундаментальным принципом проектирования медицинских ИИ-систем является их вспомогательный статус: ИИ не подменяет клиническую ответственность специалиста. Административно-правовые и уголовно-правовые механизмы, а также вопросы дисциплинарной ответственности за качество и безопасность оказанной медицинской помощи традиционно возлагаются на медицинскую организацию и лечащего врача [4]. Однако реализация этого принципа затруднена ввиду непрозрачности алгоритмов и риска генерации моделью клинически некорректных рекомендаций. Отсутствие в российском праве императивных требований к прозрачности алгоритмов и применению метрик оценки качества (закрепленных в ГОСТ Р 59921.1-2022 и ГОСТ Р 59921.4-2021) вступает в противоречие с формирующимися международными подходами, в которых акцент делается на обязательной подотчетности разработчиков и операторов ИИ-систем, подразумевающей гарантированную объяснимость алгоритмов, независимую аудируемость и четкое закрепление зон ответственности [4, 14]. В зарубежной доктрине указывается, что внедрение СППВР трансформирует традиционные парадигмы медицинской ответственности, требуя законодательного закрепления критериев оценки действий врача, полагавшегося на рекомендации алгоритма [5, 13]. Генерация моделью некорректных рекомендаций актуализирует проблему определения пределов уголовной ответственности врача, действующего в условиях добросовестного заблуждения, индуцированного алгоритмом [10], а также ставит под вопрос соблюдение базовых биоэтических принципов автономии пациента и благодеяния [6]. В целях минимизации данных рисков представляется обоснованной разработка и утверждение Минздравом России методических рекомендаций, устанавливающих обязательные требования к объяснимости ИИ-рекомендаций (наличие ссылок на источники, указание уровня доказательности, обязательная

детерминированная проверка дозировок). Несоблюдение указанных требований должно рассматриваться как основание для приостановления действия регистрационного удостоверения на соответствующее программное обеспечение как на медицинское изделие.

Как указывается в современных исследованиях, переход к «алгоритмической» медицине требует не только технологических, но и фундаментальных организационно-управленческих преобразований, включая пересмотр механизмов финансирования и стандартизации цифрового здравоохранения [3]. Несмотря на наличие ряда стандартов, механизмы их императивного внедрения в административные регламенты контрольно-надзорных органов отсутствуют. В условиях системы обязательного медицинского страхования (ОМС) механизм тарификации услуг, оказанных с применением ИИ-ассистентов, не сформирован. Действующее законодательство в сфере финансирования здравоохранения не содержит норм, устанавливающих порядок возмещения затрат на развертывание и эксплуатацию СППВР из бюджетных источников, что препятствует масштабному внедрению таких технологий в целях реализации публичных интересов в сфере охраны здоровья граждан, даже при наличии положительного клинического эффекта [1]. Направлениями совершенствования в данной сфере являются интеграция положений указанных национальных стандартов в административные регламенты контрольно-надзорных органов, а также предусматривание механизмов субсидирования затрат медицинских организаций на внедрение СППВР в рамках государственных программ цифровизации здравоохранения.

Выявленные нормативные проблемы не являются изолированными и составляют взаимосвязанную систему противоречий. Квалификационные проблемы регистрации ИИ-медицинских изделий влекут за собой неопределенность в сфере государственного контроля, что, в свою очередь, затрудняет разграничение юридической ответственности и создание экономических стимулов для внедрения инноваций. Отсутствие единого методологического подхода к регулированию вероятностных компонентов ИИ-систем влечет возникновение системных рисков для безопасности пациентов и правовой определенности для всех участников правоотношений. Указанные обстоятельства определяют необходимость комплексного совершенствования нормативной правовой базы, учитывающего технологическую специфику современных СППВР.

Выводы. Существующая модель правового регулирования не в полной мере учитывает технологическую специфику СППВР на базе ИИ. Выявленные нормативные проблемы носят системный характер и охватывают сферу регистрации медицинских изделий, обеспечения информационной безопасности, разграничения юридической ответственности, а также публичного финансирования и стандартизации цифрового здравоохранения.

Фрагментарное внесение точечных изменений в действующее законодательство не обеспечит должного уровня правовой определенности. Необходим переход к адаптивному регулированию, которое признает двойственную природу современных СППВР, сочетающих детерминированные и вероятностные

компоненты. Обоснованные в работе направления совершенствования (дифференцированная регистрация с опорой на ГОСТ Р 59921.3-2021, императивная аудируемость, стандартизированная объяснимость и финансовая поддержка) представляют собой единый механизм, способный обеспечить баланс между стимулированием технологических инноваций и защитой публичных интересов в сфере охраны здоровья граждан.

Сформулированные в работе положения и предложения могут быть использованы при разработке подзаконных нормативных правовых актов, а также при формировании правоприменительной практики Росздравнадзора и медицинских организаций.

Литература

1. Актуальное состояние системы здравоохранения в контексте внедрения искусственного интеллекта / Е.А. Берсенева, А.В. Матвиенко, М.С. Умнов, Г.И. Карунас // Вестник Росздравнадзора. 2025. № 5. С. 89–95.
2. Алексеева Н.Ю., Сирин С.А., Занданова Е.И. Некоторые юридические аспекты развития искусственного интеллекта в здравоохранении: сравнительно-правовой анализ // Юридическая наука. 2025. № 6. С. 171–175.
3. Гроголь А.Г. «Алгоритмическая» медицина: направления внедрения искусственного интеллекта и проблемы цифрового будущего здравоохранения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право. 2025. № 3. С. 159–170. DOI: 10.31249/iajpravo/2025.03.12.
4. Егоров К.В., Сигал Р.Е. Правовое регулирование практического использования медицинских систем с искусственным интеллектом // Lex Russica. 2025. Т. 78, № 11(228). С. 154–169. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.228.11.154-169.
5. Кузьмин А.А., Борисова У.С. Искусственный интеллект в здравоохранении: обзор зарубежных публикаций // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 10(138). С. 20–26. DOI: 10.24158/spp.2025.10.2.
6. Нежметдинова Ф.Т., Гурьева М.Э. Переосмысление биоэтических принципов в эпоху искусственного интеллекта: вызовы для автономии, справедливости и благодеяния в медицине // Казанский медицинский журнал. 2025. Т. 106, № 6. С. 1001–1009. DOI: 10.17816/KMJ690475.
7. Понкин И.В. Искусственный интеллект в сфере здравоохранения: понятие, проблемы, правовые аспекты // Бизнес, менеджмент и право. 2025. № 2(66). С. 62–67.
8. Разработка системы поддержки принятия врачебных решений / Н.С. Шилко, Г.А. Каркашадзе, М.В. Федосеенко и др. // Педиатрическая фармакология. 2025. Т. 22, № 5. С. 573–579. DOI: 10.15690/pf.v22i5.2958.
9. Риски и ограничения применения искусственного интеллекта в медицине / В.В. Береговых, В.И. Пантелеев, Н.Л. Шимановский, П.Г. Ройтберг // Вестник Российской академии медицинских наук. 2025. Т. 80, № 3. С. 198–206. DOI: 10.15690/vramn18075.
10. Шутова А.А. Искусственный интеллект в системе здравоохранения: пределы уголовной ответственности врачей // Правоприменение. 2025. Т. 9, № 3. С. 144–153. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(3).144-153.
11. Шутова А.А. Уголовно-правовое обеспечение безопасности критической цифровой инфраструктуры Российской Федерации (на примере учреждений здравоохранения) // Lex Russica. 2025. Т. 78, № 9(226). С. 81–94. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.081-094.
12. Fernando R. Clinical medicine in the era of information technology and artificial intelligence. *Ceylon Medical Journal*, 2025, vol. 69, no. 1, pp. 28–29. DOI: 10.4038/cmj.v69i1.10232.
13. Giorgetti C. Establishing new boundaries for medical liability: The role of artificial intelligence in clinical decision support systems. *Advances in Clinical and Experimental Medicine*, 2025, vol. 34, no. 10, pp. 1601–1608. DOI: 10.17219/acem/190123.
14. Regulatory considerations on artificial intelligence for health. Geneva: World Health Organization, 2023, 42 p.

АЛЕКСАНДРОВ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ – кандидат экономических наук, доцент, ректор, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (rector@chuvsu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3489-9029>).

ДИОМИДОВА ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА – доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой пропедевтики внутренних болезней с курсом лучевой диагностики, Чувашский государственный университет; заведующая отделением ультразвуковой диагностики, Городская клиническая больница № 1, Россия, Чебоксары (diomidovavn@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3627-7971>).

ИВАНОВА НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА – кандидат технических наук, доцент кафедры математического и аппаратного обеспечения информационных систем, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (niva_mail@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7130-8588>).

КОПЫШЕВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат физико-математических наук, доцент, заведующая кафедрой математического и аппаратного обеспечения информационных систем, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tn_pavlova@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3392-1431>).

ПЕТРОВ КИРИЛЛ АЛЕКСЕЕВИЧ – аспирант, старший преподаватель кафедры математического и аппаратного обеспечения информационных систем, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (kirillapetrov2000@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0989-0078>).

ПЕТРОВ АЛЕКСАНДР РОДИОНОВИЧ – аспирант кафедры математического и аппаратного обеспечения информационных систем; руководитель учебного центра, ООО «Кейсистемс», Россия, Чебоксары (petrick@keysystems.ru).

Andrey Yu. ALEKSANDROV, Valentina N. DIOMIDOVA, Nadezhda N. IVANOVA,
Tatyana N. KOPYSHEVA, Kirill A. PETROV, Aleksandr R. PETROV

PUBLIC LAW REGULATION OF THE DEVELOPMENT, REGISTRATION AND IMPLEMENTATION OF MEDICAL DECISION SUPPORT SYSTEMS BASED ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Key words: public law regulation, medical decisions support systems, artificial intelligence in medicine, state registration of medical devices, state control (supervision), experimental legal regimes, adaptive regulation, information security.

The development of medical decisions support systems based on artificial intelligence is significantly ahead of bringing the regulatory framework in line with technological realities. There are systemic legal conflicts in the field of qualification of such systems as medical devices, state control, information security and delineation of legal responsibility, which creates risks for patient safety and hinders technologies scaling. This determines the relevance of a comprehensive analysis of the problems of legal regulation.

The purpose of the study is to identify and systematize regulatory problems that arise when developing, registering and implementing medical decisions support systems using artificial intelligence, as well as to substantiate areas for improving legal regulation in this area.

Materials and methods. The research is based on the analysis of regulatory legal acts, national standards and scientific publications. Formal-logical, system-structural, comparative-legal methods and the method of legal modeling are applied.

Results. A fragmented nature of legal regulation on the use of artificial intelligence in healthcare was revealed and the interrelation of regulatory problems in the field of state registration of medical devices, ensuring information security, delineating legal responsibility and financing digital healthcare was established. The article justifies the need to pass to adaptive regulation, which takes into account the dual nature of medical decisions support systems combining deterministic and probabilistic components. The following areas of improvement are proposed: differentiated registration separating the expertise of the artificial intelligence model and the knowledge base; imperative auditability and standardized

explainability of algorithms; consolidation of the procedural status of audit logs; integration of national standards into administrative regulations; mechanisms of budget subsidy of technology implementation.

Conclusions. The regulatory issues identified in the legal framework governing AI-based clinical decision support systems do not constitute a collection of isolated gaps, but rather form an interconnected system of contradictions arising from a fundamental mismatch between the 'static' architecture of current administrative legislation (which is geared towards products with fixed versions) and the 'dynamic' nature of modern cyber-physical systems with continuously updated knowledge bases. Targeted doctrinal adjustments to individual provisions will not be sufficient to resolve the systemic crisis of legal certainty. There is a need to move towards an adaptive regulatory model which, firstly, recognises the dual ontological nature of such systems and, secondly, ensures flexibility without compromising the public interest in the field of health protection. The proposed mechanism – differentiated registration, mandatory auditability, standardised explainability and financial support – is not a set of disparate measures, but a unified regulatory mechanism that strikes a balance between fostering innovation and safeguarding the public interest in the field of public health. The provisions set out here are of both theoretical and practical significance: they can be used in drafting subordinate legislation by the Russian Ministry of Health and Roszdravnadzor, as well as in forming a consistent approach to law enforcement in the field of the distribution of medical devices based on artificial intelligence.

References

1. Berseneva E.A., Matvienko A.V., Umnov M.S., Karunas G.I. *Aktual'noe sostoyanie sistemy zdravookhraneniya v kontekste vnedreniya iskusstvennogo intellekta* [The current state of the healthcare system in the context of the introduction of artificial intelligence]. *Vestnik Roszdravnadzora*, 2025, no. 5, pp. 89–95.
2. Alekseeva N.Yu., Sirin S.A., Zandanova E.I. *Nekotorye yuridicheskie aspekty razvitiya iskusstvennogo intellekta v zdravookhraneni: sravnitel'no-pravovoi analiz* [Some legal aspects of the development of artificial intelligence in healthcare: a comparative legal analysis]. *Yuridicheskaya nauka*, 2025, no. 6, pp. 171–175.
3. Grogol' A.G. «Algoritmicheskaya» meditsina: napravleniya vnedreniya iskusstvennogo intellekta i problemy tsifrovogo budushchego zdravookhraneniya [“Algorithmic” medicine: areas of artificial intelligence implementation and problems of the digital future of healthcare]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4. Gosudarstvo i pravo*, 2025, no. 3, pp. 159–170. DOI: 10.31249/iajpravo/2025.03.12.
4. Egorov K.V., Sigal R.E. *Pravovoe regulirovanie prakticheskogo ispol'zovaniya meditsinskikh sistem s iskusstvennym intellektom* [Legal regulation of the practical use of medical artificial intelligence systems]. *Lex Russica*, 2025, vol. 78, no. 11(228), pp. 154–169. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.228.11.154-169.
5. Kuz'min A.A., Borisova U.S. *Iskusstvennyi intellekt v zdravookhraneni: obzor zarubezhnykh publikatsii* [Artificial intelligence in healthcare: a review of foreign publications]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2025, no. 10(138), pp. 20–26. DOI: 10.24158/spp.2025.10.2.
6. Nezhmetdinova F.T., Guryleva M.E. *Pereosmyslenie bioeticheskikh printsipov v ehpokhu iskusstvennogo intellekta: vyzovy dlya avtonomii, spravedlivosti i blagodeyaniya v meditsine* [Reconsidering bioethical principles in the era of artificial intelligence: challenges for autonomy, justice, and beneficence in medicine]. *Kazanskii meditsinskii zhurnal*, 2025, vol. 106, no. 6, pp. 1001–1009. DOI: 10.17816/KMJ690475.
7. Ponkin I.V. *Iskusstvennyi intellekt v sfere zdravookhraneniya: ponyatie, problemy, pravovye aspekty* [Artificial intelligence in healthcare: concept, problems, legal aspects]. *Biznes, menedzhment i pravo*, 2025, no. 2(66), pp. 62–67.
8. Shilko N.S., Karkashadze G.A., Fedoseenko M.V. et al. *Razrabotka sistemy podderzhki priyatiya vrachebnykh reshenii* [Development of medical decision making support system]. *Pediatricheskaya farmakologiya*, 2025, vol. 22, no. 5, pp. 573–579. DOI: 10.15690/pf.v22i5.2958.
9. Beregovykh V.V., Pantelev V.I., Shimanovskii N.L., Roitberg P.G. *Riski i ogranicheniya primeneniya iskusstvennogo intellekta v meditsine* [Risks and limitations of using artificial intelligence

in medicine]. *Vestnik Rossiiskoi akademii meditsinskikh nauk*, 2025, vol. 80, no. 3, pp. 198–206. DOI: 10.15690/vramn18075.

10. Shutova A.A. *Iskusstvennyi intellekt v sisteme zdravookhraneniya: predely ugolovnoi otvetstvennosti vrachei* [Artificial intelligence in healthcare: limits of criminal liability of doctors]. *Pravoprimenenie*, 2025, vol. 9, no. 3, pp. 144–153. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(3).144-153.

11. Shutova A.A. *Ugolovno-pravovoe obespechenie bezopasnosti kriticheskoi tsifrovoi infrastruktury Rossiiskoi Federatsii (na primere uchrezhdenii zdravookhraneniya)* [Criminal law measures to ensure the security of the Russian Federation's critical digital infrastructure (the case study of healthcare institutions)]. *Lex Russica*, 2025, vol. 78, no. 9(226), pp. 81–94. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.081-094.

12. Fernando R. Clinical medicine in the era of information technology and artificial intelligence. *Ceylon Medical Journal*, 2025, vol. 69, no. 1, pp. 28–29. DOI: 10.4038/cmj.v69i1.10232.

13. Giorgetti C. Establishing new boundaries for medical liability: The role of artificial intelligence in clinical decision support systems. *Advances in Clinical and Experimental Medicine*, 2025, vol. 34, no. 10, pp. 1601–1608. DOI: 10.17219/acem/190123.

14. Regulatory considerations on artificial intelligence for health. Geneva: World Health Organization, 2023, 42 p.

ANDREY Yu. ALEKSANDROV – Candidate of Economics Sciences, Associate Professor, Rector, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (rector@chuvsu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3489-9029>).

VALENTINA N. DIOMIDOVA – Doctor of Medical Sciences, Professor, Head of the Department of Propaedeutics of Internal Diseases with a Course of Radiation Diagnostics, Chuvash State University; Head of the Department of Ultrasound Diagnostics, City Clinical Hospital № 1, Russia, Cheboksary (diomidovavn@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3627-7971>).

NADEZHDA N. IVANOVA – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Department of Mathematical and Hardware Support of Information Systems, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (niva_mail@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7130-8588>).

TATYANA N. KOPYSHEVA – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Mathematical and Hardware Support of Information Systems, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (tn_pavlova@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3392-1431>).

KIRILL A. PETROV – Post-Graduate Student, Senior Lecturer, Department of Mathematical and Hardware Support of Information Systems, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (kirillapetrov2000@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0989-0078>).

ALEKSANDR R. PETROV – Post-Graduate Student, Assistant Lecturer, Department of Mathematical and Hardware Support of Information Systems, Chuvash State University; Head of the Training Center, Keysystems LLC, Russia, Cheboksary (petrick@keysystems.ru).

Формат цитирования: Публично-правовое регулирование разработки, регистрации и внедрения систем поддержки принятия врачебных решений на основе искусственного интеллекта [Электронный ресурс] / А.Ю. Александров, В.Н. Диомидова, Н.Н. Иванова и др. // *Oeconomia et Jus*. 2026. № 3. С. 51–61. URL: <https://oecomia-et-jus.ru/single/2026/3/4>. DOI: 10.47026/2499-9636-2026-3-51-61.

Ю.А. БЕКЕТОВА

УСТАНОВЛЕНИЕ КРИМИНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ОТРАВЛЕНИЯ ЖЕРТВЫ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВ

Ключевые слова: осмотр места происшествия, осмотр трупа, судебно-медицинская экспертиза, убийство, отравление, токсичное вещество, яд, жертва, труп, токсикология, признаки отравления.

Одним из способов убийства является отравление жертвы. Данный способ характеризуется тем, что преступник стремится остаться неустановленным, тщательно просчитывает механизм совершения преступления, дожидается наступления благоприятных условий, предпринимает меры к сокрытию преступления. Нередко происходит инсценировка под несчастный случай. Это создает сложности в выявлении, раскрытии и расследовании данных преступлений.

Цель исследования – разработка системы выявления, фиксации и оценки признаков преступлений, связанных с введением ядовитых веществ потерпевшему.

Материалы и методы. Для достижения поставленной цели были использованы данные токсикологической химии и судебной медицины, результаты изучения практики раскрытия преступлений против жизни и здоровья. На их основе с применением общенаучных (систематизация, классификация), естественнонаучных (химико-токсикологический, масс-спектрометрия) и специальных криминалистических (криминалистическое моделирование следственных ситуаций, системно-деятельностный) методов было проведено исследование.

Результаты. Установление криминального характера отравления сопряжено с рядом объективных сложностей: наличие яда в организме не равнозначно отравлению, поскольку возможно посмертное поступление или эндогенное образование токсинов, а его отсутствие не опровергает факт отравления вследствие распада ядов, выведения или гнилостных изменений. Выявлены внешние признаки, фиксируемые при осмотре трупа и места происшествия, которые могут указывать на введение яда: химические ожоги, следы инъекций, характерная окраска трупных пятен и степень окоченения. Обоснована необходимость изъятия медицинской документации для корреляции анамнестических данных о хронических заболеваниях и предшествующей терапии с результатами судебно-химического исследования. Предложены рекомендации для следователей, исключающие признание единственным доказательством отравления только факта обнаружения токсичного вещества в теле жертвы и ориентирующие на комплексную оценку всех следственных и экспертных данных.

Выводы. Доказательственная база по делам об отравлениях не может строиться на каком-либо одном факте, будь то обнаружение или необнаружение яда в организме. Необходим системный подход, предполагающий сопоставление трех групп данных: морфологических (внешние признаки на трупе и месте происшествия), химико-токсикологических (результаты лабораторных исследований с учетом посмертных изменений) и анамнестических (сведения из медицинской документации и показания осведомленных лиц). Такой подход позволяет отличить криминальное отравление от случайного и минимизировать вероятность экспертных ошибок. Предложенные рекомендации могут быть использованы как при расследовании убийств, так и в случаях скоростной смерти лица при подозрительных или невыясненных обстоятельствах.

Введение. Убийства как вид преступных посягательств на жизнь человека исторически характеризуются разнообразием способов и средств их совершения. С «технической» стороны эти способы (средства) предполагают умышленное

насильственное воздействие на жертву, приводящее к ее смерти. Одним из способов совершения убийств является использование токсичных или ядовитых веществ. Вследствие попадания данных веществ в организм человека возникает болезненное состояние, сопровождающееся нарушением структуры и функций органов и систем организма, – отравление, которое может привести к смертельному исходу.

Хотя чаще отравления происходят случайно, не исключены случаи, когда человек намеренно пытается ввести яд в организм другого. В таких ситуациях преднамеренное отравление может свидетельствовать о преступных намерениях, например, об убийстве.

На практике нередко возникает потребность решить вопрос о том, какой – преднамеренный или случайный – характер носит отравление в конкретной ситуации. Особую значимость этот аспект приобретает при установлении криминального характера отравления и определения наличия признаков преступления, предусмотренного ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹. Правильное разрешение вопроса затруднено неожиданностью наступления смерти, недостатком данных о причинах смерти, отсутствием свидетелей поступления токсичного вещества в организм жертвы, неспецифическим характером клинической картины наступления смерти, которая может соответствовать определенному заболеванию, и т.д. Тем не менее следователь в каждой конкретной ситуации, в которой возникает подозрение на то, что отравление явилось реализацией преступного умысла, должен принять решение о возбуждении уголовного дела по признакам убийства, выбрать направление расследования, установить лиц, подозреваемых в совершении преступления, и т.д.

Цель исследования – разработка системы выявления, фиксации и оценки признаков преступлений, связанных с введением ядовитых веществ потерпевшему. В ходе проведенного анализа автором выработаны рекомендации для следователей, которые могут быть включены в комплекс мероприятий по расследованию убийств, совершенных с использованием отравляющих веществ.

Материалы и методы. Для достижения поставленной цели были использованы данные токсикологической химии и судебной медицины, результаты изучения практики раскрытия преступлений против жизни и здоровья. На их основе с применением общенаучных (систематизация, классификация), естественнонаучных (химико-токсикологический, масс-спектрометрия) и специальных криминалистических (криминалистическое моделирование следственных ситуаций, системно-деятельностный) методов было проведено исследование.

Результаты исследования. Токсикология и токсикологическая химия – науки, исследующие вредное действие ядов на живые организмы, а также диагностику, терапию и профилактику отравлений. Их главная задача – установить природу попавшего в организм вещества, путь его проникновения и механизмы действия. Особое внимание уделяется установлению причинно-следственной связи между введенным веществом и отравлением человека. Однако это не всегда возможно. Многие токсины не вызывают видимых клеточных

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699.

изменений, их действие проявляется как симптомы заболеваний. Поэтому обнаружение химического яда в тканях внутренних органов не всегда дает четкий ответ о причине смерти (отравление или иное заболевание) [6. С. 18]. Особенностью определения токсичных веществ в продуктах животного происхождения является сложность их обнаружения и идентификации. Это обусловлено спецификой распределения ядовитых соединений по органам и тканям, а также процессами экскреции (выведения) и метаболизма (превращения) токсинов [10. С. 31].

Наличие яда в организме, даже если это доказано экспертизой, не означает отравление. Яд мог попасть туда по разным причинам: в составе лекарственных препаратов (морфин, стрихнин), с пищей или вследствие внешних воздействий (например, при некачественной обработке тела, когда мышьяк из почвы захоронения попадает в организм). Кроме того, ряд биохимических процессов, протекающих в органах и тканях после смерти, может привести к образованию следов токсичных веществ (например, цианидов в гниющих тканях).

Отсутствие следов ядовитых веществ в результате химического исследования трупа не опровергает факт отравления. Известно, что яды со временем могут распадаться внутри тела или выводиться из него (например, при пероральном приеме яда его следы в желудке могут не обнаруживаться уже через 6 часов). Необходимо учитывать и возможное проведение детоксикационных мероприятий. При наступлении смерти в отдаленный период яды могут распадаться в тканях тела из-за гниения – это уже связано с естественным разложением.

Несмотря на достижения токсикологической химии и смежных наук, некоторые токсичные соединения пока не поддаются лабораторной идентификации. Причины – низкая чувствительность реакций, мизерные концентрации веществ и неустановленная структура их молекул. К ним, в частности, относятся бактериальные токсины и алкалоиды неидентифицированного состава, выделенные из растений.

На практике исследования могут быть искажены из-за неправильного выбора и хранения биологического материала, а также из-за ошибки при проведении экспериментов.

При расследовании отравления следователь обязан установить не только обстоятельства смерти (время, место, условия), но и наличие в организме жертвы токсичного вещества, а также умысел преступника на его введение. Для этого необходимо своевременно собрать и проанализировать всю имеющуюся информацию. На основе этих данных следователь будет делать первые предположения о случившемся, причинах, виновнике, мотивах и т.д.

В случае смерти человека, предварительно носящей криминальный характер, следователь должен провести осмотр трупа и места его обнаружения (места происшествия). Производству данных следственных действий необходимо уделять особое внимание, поскольку, как обоснованно отмечается в литературе, следовая картина при обнаружении трупа с признаками отравления существенно отличается от следов, характерных для других ситуаций, в которых наступила смерть потерпевшего [11. С. 272].

К осмотру места, где был обнаружен труп, всегда привлекается судебно-медицинский эксперт. В случае невозможности его участия осмотр проводит врач. При наружном осмотре могут быть выявлены внешние признаки отравления едкими веществами (кислотами, щелочами). В месте проникновения таких веществ на коже образуются химические ожоги – плотные пятна, напоминающие пергамент, различных размеров и формы, обычно красновато-бурые. Могут наблюдаться также другие повреждения кожи.

При инъекционном введении ядов на коже остаются следы, похожие на колотые раны (иногда покрытые корочкой). Важно помнить: подобные повреждения могут быть вызваны не только отравлением, но и медицинскими процедурами (например, лечением отравления). Инъекции могут быть выполнены в любом месте тела, даже под одеждой.

Цвет кожных покровов после смерти также может указывать на отравление. Например, желтушность может свидетельствовать об отравлении мышьяком или ядовитыми растениями. Характер трупных пятен имеет диагностическое значение: при отравлении цианидами они приобретают светло-красный оттенок, при интоксикации ядами – бурый или коричневый.

В некоторых случаях показателем отравления может служить степень выраженности трупного окоченения. Резко выраженное окоченение указывает на отравление судорожными ядами (стрихнин, циклотоксин и др.), а слабое – на действие гемолитических ядов (фенилгидразин, гидроксилламин, хиноны, некоторые яды животного и растительного происхождения), наркотических веществ [2. С. 160].

В литературе описаны случаи отравления несовершеннолетних и лиц с ментальными нарушениями. Введение яда осуществлялось посредством промывания желудка, использования клизм или спринцевания. На слизистых оболочках в подобных случаях могут быть выявлены признаки химического воздействия [7. С. 69]. В дальнейшем едкие вещества способны вызывать окрашивание слизистой оболочки рта за счет прижигающих и некротизирующих свойств. При отравлении тяжелыми металлами (ртутью, свинцом, висмутом) серая окраска может наблюдаться на губах и деснах [6. С. 24].

Главная цель исследования трупа – выявление ядовитых веществ. Осматривают все участки тела, контактировавшие с ядом (рот, лицо, конечности, шея). Отдельное внимание уделяется одежде, на которой могут сохраниться следы агрессивных соединений. На ней могут иметься пятна, проколы, следы пропитки или остатки самого яда, свидетельствующие о контакте. Наиболее часто поражения фиксируются на передней части одежды и рукавах. В карманах могут быть найдены упаковки с препаратами, порошки или таблетки, рецепты и этикетки от ядовитых веществ. Все это может указывать на отравление [2. С. 159–160].

После осмотра на месте обнаружения труп направляется на судебно-медицинскую экспертизу для исследования с помощью лабораторных методов. Следует иметь в виду, что «от момента осмотра трупа до его судебно-медицинского исследования проходит какое-то время, в течение которого происходят

значительные морфологические изменения, затрудняющие решение многих существенных вопросов, возникающих у следствия» [1. С. 41]. В этой связи все выявленные при осмотре трупа признаки отравления, следы токсичных веществ, особенности их действия должны быть детально зафиксированы.

Определение места отравления всегда затруднительно. Так как между приемом яда и смертью может пройти много времени, то место смерти может быть удалено от предполагаемого места инсценировки. В таких случаях необходимо установить все места, где находился пострадавший после предполагаемого момента отравления, и провести тщательный осмотр этих мест.

Основная цель следственного осмотра места происшествия – установление обстоятельств, указывающих на причины отравления, и изъятие вещественных доказательств. Изымаются все предметы, на которых могут находиться следы яда: посуда для жидкостей (стаканы, бутылки), медикаменты, бытовая химия и продукты питания. При наличии достаточных оснований считать отравление пищевым особое внимание уделяется исследованию остатков пищи в посуде для выявления конкретного токсина.

К биологическим материалам относятся рвота, мокрота, слюна и другие выделения, которые часто обнаруживаются при вскрытии и могут предоставить ключевые данные о природе отравления. При обнаружении тела в помещении следы выделений могут сохраняться на поверхностях мебели, сантехники и других предметах. Образцы этих веществ необходимо собрать для лабораторного исследования.

Для обнаружения и изъятия следов биологического происхождения и остатков токсичных веществ рекомендуется применять специальные технико-криминалистические приемы и средства [7. С. 68].

При смертельных отравлениях решающее значение имеет заключение судебно-медицинских экспертов. Эксперт в случае подозрения на криминальное отравление решает ряд задач: 1) установить, было ли отравление причиной смерти; 2) определить токсичное вещество и его количество; 3) выяснить способ попадания вещества в организм (перорально, через дыхательные пути или инъекционно). Важно исключить возможность вторичного поступления яда (например, после смерти – при вскрытии или контакте с почвой). Также эксперт должен установить временной лаг между отравлением и смертью. Не менее важно оценить состояние здоровья покойного: наличие хронических заболеваний могло усугубить действие яда или стать причиной летального исхода. Кроме того, необходимо выяснить степень индивидуальной чувствительности к токсину и возможные особенности организма (возраст, пол, хронические заболевания), повлиявшие на течение и исход отравления [6. С. 19; 9. С. 101]. Ответы на поставленные вопросы нужны следователю для установления соответствующих фактических обстоятельств по отравлению, которые впоследствии подлежат правовой оценке.

При подозрении на отравление проводятся расширенные лабораторные анализы. Ключевое исследование – судебно-химическое, включающее анализ биологического материала (ткани и органы трупа, кровь, рвотные массы, содержимое желудка), а также любых потенциальных остатков яда: пищевых продуктов, напитков, лекарств или предметов с химической примесью

[8. С. 102–105]. Объектом исследования являются токсические вещества в биологическом и небιологическом материалах, предметом экспертной оценки – влияние концентраций и потенциальных угроз по данным веществам на здоровье людей.

Ценную информацию о причинах отравления могут предоставить родственники, друзья, знакомые усопшего. Они могут сообщить о том, какие препараты он принимал и почему; где у него был доступ к ядам (на работе или дома); просил ли кого-то достать такие вещества и для чего; были ли попытки самоубийства [3. С. 9].

Для выявления лиц, которым мог быть передан яд, необходимо опросить родственников и знакомых покойного. Это поможет установить круг подозреваемых в совершении преступления [4. С. 154].

При подозрении на отравление следователю требуются показания медицинских работников, включая оказывавших первую помощь, врачей стационара, наблюдавших пострадавшего, а также лечащих врачей в случае сопутствующих заболеваний [5. С. 17]. Для выявления фактов отравления необходимо опросить пострадавших о времени начала симптомов, их развитии, последовательности и характере проявлений. Не менее значимы данные клинических исследований. Вся нужная информация содержится в медицинской карте (амбулаторной, стационарной и др.), которую необходимо детально проанализировать.

Для выяснения причин отравления и смерти лица проводится сбор информации путем опроса родственников, медицинских работников и свидетелей. В процессе расследования устанавливаются обстоятельства поведения личности до начала проявления симптомов, состояние здоровья, темп развития признаков отравления, а также условия пребывания в окружении других лиц и их действия (отсутствие подозрительных фактов). Необходимо определить, оказывалась ли пострадавшему первая медицинская помощь, при каких обстоятельствах и с каким эффектом.

При получении сообщения об обнаружении трупа с признаками отравления следователь определяет порядок проведения расследования, включающего все процессуальные действия, которые могут позволить ему выявить значимые для установления истины данные. Ключевое значение имеют судебно-медицинская и судебно-химическая экспертизы трупа и предметов, на которых могут находиться следы ядов. Особое внимание уделяется выявлению и изъятию медицинской документации, позволяющей оценить состояние здоровья потерпевшего до смерти, наличие хронических патологий, предшествующую лекарственную терапию и потенциальные факторы риска. Анализ корреляции полученных данных с результатами токсикологического исследования позволяет реконструировать механизм наступления смерти, установить причинно-следственную связь между действием яда и летальным исходом, определить индивидуальные особенности организма, повлиявшие на течение отравления. Подобный интегральный подход повышает доказательственное значение результатов

и способствует формированию научно обоснованных выводов в рамках уголовного судопроизводства.

Выводы. Установление криминального характера отравления должно основываться на трех взаимосвязанных принципах: приоритете комплексной оценки всех собранных доказательств перед отдельным экспертным заключением; обязательном учете посмертной динамики токсичных веществ, включая возможность их эндогенного образования, распада или выведения; корреляции морфологических, химико-токсикологических и анамнестических данных. Предложенные рекомендации представляют собой не простой перечень частных действий, а систему критериев, позволяющую следователю дифференцировать криминальное отравление от случайного либо естественного. Их применение при расследовании преступлений, связанных с отравлениями, позволит снизить риск как необоснованного обвинения, когда обнаруженный в теле жертвы яд не связан с преступлением, так и неоправданного отказа в возбуждении уголовного дела, когда отсутствие следов токсичного вещества в тканях не опровергает факта отравления. Перспективой дальнейших исследований является разработка типовых следственных версий для различных классов отравляющих веществ и конкретных ситуаций, возникающих при расследовании данной категории преступлений.

Литература

1. Мерецкий Н.Е., Прутовых В.В. Методология обнаружения и фиксации объектов криминалистического и судебно-медицинского характера: науч.-практ. пособие. М.: Юрлитинформ, 2009. 184 с.
2. Осмотр трупа на месте его обнаружения: руководство для врачей / под ред. А.А. Матышева. Л.: Медицина, 1989. 264 с.
3. Паршиков В.И. Этапы расследования преступлений: некоторые проблемы и пути их решения // Российский следователь. 2022. № 10. С. 8–11.
4. Петросян М.А., Казакецян Г.О. Некоторые особенности методики расследования убийств, совершенных посредством отравления // Ермен. Global. 2025. № 60. С. 150–155.
5. Подольный Н.А. Методологические основы расследования преступлений. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2025. 65 с.
6. Руководство по судебно-медицинской экспертизе отравлений / под ред. Я.С. Смусина, Р.В. Бережного, В.В. Томилина. М.: Медицина, 1980. 424 с.
7. Скобина Е.А., Большакова А.А. Некоторые аспекты осмотра места происшествия и трупа при убийстве, совершенном путем отравления // Международный научный вестник. 2023. № 2. С. 64–70.
8. Судебная медицина / под ред. Ю.И. Пиголкина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2015. 496 с.
9. Судебно-медицинская экспертиза: Справочник для юристов. М.: Юрид. лит., 1985. 320 с.
10. Швайкова М.Д. Токсикологическая химия. 3-е изд., испр. М.: Медицина, 1975. 376 с.
11. Эртель Л.А. Особенности тактики следственного осмотра в расследовании убийств, совершенных путем отравления // Теория и практика расследования преступлений: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, Краснодар. ун-т МВД России, 13 апреля 2023 г.). Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2023. С. 268–272.

БЕКЕТОВА ЮЛИЯ АНДРЕЕВНА – аспирантка кафедры уголовного права и процесса, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, Россия, Саранск (yulya.beketova.01@mail.ru).

Yulia A. BEKETOVA

**DETERMINING THE CRIMINAL NATURE OF A VICTIM'S POISONING
IN SOLVING AND INVESTIGATING MURDERS**

Key words: crime scene investigation, examination of the corpse, forensic medical examination, murder, poisoning, toxic substance, poison, victim, corpse, toxicology, signs of poisoning.

One method of murder is to poison the victim. This method is characterized by the fact that the criminal seeks to remain unidentified, carefully plans the method of committing the crime, waits for favorable conditions to arise and takes steps to conceal the crime. It is not uncommon for an accident to be staged. This creates difficulties in detecting, uncovering and investigating these crimes.

The purpose of the study is to develop a system for identifying, documenting and evaluating evidence of crimes involving the administration of toxic substances to a victim.

Materials and methods. To achieve this goal, data from toxicological chemistry and forensic medicine were used, as well as the results of studying the practice of solving crimes against life and health. On their basis a study was conducted using general scientific methods (systematization, classification), natural science methods (chemical-toxicological analysis, mass spectrometry), and specialized forensic methods (forensic modeling of investigative scenarios, systems-activity approach).

Results. Determining whether a case of poisoning is criminal in nature involves a number of objective challenges: the presence of a toxin in the body does not necessarily indicate poisoning, as toxins may have entered the body after death or been produced endogenously; conversely, the absence of a toxin does not rule out poisoning, as toxins may have broken down, been excreted, or undergone putrefactive changes. External signs observed during the examination of the corpse and the crime scene have been identified that may indicate the administration of poison: chemical burns, injection marks, characteristic discoloration of livor mortis, and the degree of rigor mortis. The necessity of obtaining medical records has been established in order to correlate anamnestic data on chronic diseases and prior treatment with the results of forensic chemical analysis. Recommendations have been proposed for investigators that rule out the detection of a toxic substance in the victim's body as the sole evidence of poisoning and emphasize a comprehensive assessment of all investigative and forensic data.

Conclusions. The evidence base in poisoning cases cannot be based on any one fact, whether it is detection or non-detection of poison in the body. A systemic approach is needed, involving a comparison of three groups of data: morphological (external signs on the corpse and the crime scene), chemical and toxicological (laboratory results taking into account postmortem changes) and anamnestic one (information from medical documentation and testimony of informed persons). This approach makes it possible to distinguish criminal poisoning from accidental poisoning and minimize the likelihood of expert errors. The proposed recommendations can be used both in investigation of murders and in cases of sudden death of a person under suspicious or unexplained circumstances.

References

1. Meretskii N.E., Prutovykh V.V. *Metodologiya obnaruzheniya i fiksatsii ob"ektov kriminalisticheskogo i sudebno-meditsinskogo kharaktera: nauch.-prakt. posobie* [Methodology of detection and fixation of objects of a criminalistic and forensic nature: a scientific and practical guide]. Moscow, Yurlitin-form Publ., 2009, 184 p.
2. Matyshev A.A., ed. *Osmotr trupa na meste ego obnaruzheniya: Rukovodstvo dlya vrachei* [Examination of a corpse at the place of its discovery: A guide for doctors]. Leningrad, Medicine Publ., 1989, 264 p.
3. Parshikov V.I. *Etapy rassledovaniya prestuplenii: nekotorye problemy i puti ikh razresheniya* [Stages of crime investigation: some problems and ways to solve them]. *Rossiiskii sledovatel'*, 2022, no. 10, pp. 8–11.
4. Petrosyan M.A., Kazakhetsyan G.O. *Nekotorye osobennosti metodiki rassledovaniya ubiistv, sovershennykh posredstvom otravleniya* [Some features of the methodology for investigating murders committed by poisoning]. *Epomen. Global*, 2025, no. 60, pp. 150–155.

5. Podol'nyi N.A. *Metodologicheskie osnovy rassledovaniya prestuplenii* [Methodological foundations of crime investigation]. Moscow, Ai Pi Ar Media Publ. 2025, 65 p.

6. Smusin Ya.S., Berezhnoi R.V., Tomilin V.V., eds. *Rukovodstvo po sudebno-medsinskoj ekspertize otravlenii* [Guidelines for the forensic medical examination of poisoning]. Moscow, Meditsina Publ., 1980, 424 p.

7. Skobina E.A., Bol'shakova A.A. *Nekotorye aspekty osmotra mesta proisshestiya i trupa pri ubiistve, sovershaemom putem otravleniya* [Some aspects of examining the scene of an accident and a corpse in a murder committed by poisoning]. *Mezhdunarodnyi nauchnyi vestnik*, 2023, no. 2, pp. 64–70.

8. Pigolkin Yu.I., ed. *Sudebnaya meditsina. 3-e izd., pererab. i dop.* [Forensic medicine. 3rd ed.]. Moscow, GEOTAR-Media Publ., 2015, 496 p.

9. *Sudebno-medsinskaya ekspertiza: Spravochnik dlya yuristov* [Forensic medical examination: A handbook for lawyers]. Moscow, 1985, 320 p.

10. Shvaikova M.D. *Toksikologicheskaya khimiya. 3-e izd.* [Toxicological chemistry. 3rd ed.]. Moscow, Medicine Publ., 1975, 376 p.

11. Ertel' L.A. *Osobennosti taktiki sledstvennogo osmotra v rassledovanii ubiistv, sovershennykh putem otravleniya* [Features of investigative inspection tactics in the investigation of murders committed by poisoning]. In: *Teoriya i praktika rassledovaniya prestuplenii: materialy XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of 11th Int. Sci. and Pract. Conf. "Theory and practice of crime investigation"]. Krasnodar, 2023, pp. 268–272.

YULIA A. BEKETOVA – Post-Graduate Student, Department of Criminal Law and Procedure, National Research Ogarev Mordovia State University, Russia, Saransk (yulya.beketova.01@mail.ru).

Формат цитирования: Бекетова Ю.А. Установление криминального характера отравления жертвы при раскрытии и расследовании убийств [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus*. 2026. № 3. С. 62–70. URL: <https://oecomia-et-jus.ru/single/2026/3/5>. DOI: 10.47026/2499-9636-2026-3-62-70.

УДК 349.2
ББК Х405.118

Ж.С. ВАСИЛЬЕВА, С.Б. ВЕРЕЩАК

ОРГАНИЗАЦИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ТРУДА: ПРАКТИКА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: дистанционная занятость, дистанционная работа, возмещение расходов, компенсация за использование личного имущества, трудовой договор.

Дистанционная занятость в последние три-пять лет сохраняет устойчивые тенденции к росту. Основной импульс к развитию данный способ организации труда получил в пандемийный и постпандемийный периоды. Несмотря на пересмотр положений данного института в декабре 2020 г., отдельные нормы главы 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации на практике создают ситуации правовой неопределенности, которыми работодатель пользуется в целях экономии ресурсов и получения максимальной отдачи от результатов труда дистанционного работника.

Цель исследования – проанализировать практику правоприменения норм о возмещении расходов дистанционному работнику за использование личного имущества при выполнении трудовой функции и определить тенденции развития законодательства в данной области.

Материалы и методы. Метод контент-анализа использовался для определения подходов правоприменителей (работодателей и судов) к решению проблемы компенсации работнику расходов за использование личного или арендованного им оборудования и средств, необходимых для выполнения трудовой функции дистанционно. Методы анализа, обобщения и сравнения применялись при изучении судебной практики по спорам о возмещении дистанционному работнику расходов за использование личного имущества. Сочетание методов сравнения и системного анализа дало возможность определить дальнейшие пути законодательных решений об организации дистанционного труда. Статистический метод позволил сравнить уровень распространения дистанционной занятости работников с 2019 по 2025 г. Формально-юридический и сравнительно-правовой методы использовались при изучении норм Трудового кодекса Российской Федерации об удаленной работе и особенностей ее регулирования в индивидуально-договорном порядке. Проведен анализ реализации законодательных положений об организации дистанционного труда в текстах трудовых договоров и практики их оценки судами при возникновении споров о возмещении понесенных расходов.

Результаты. В России не уделяется должное внимание проблеме дистанционного труда и трудностям его организации. Тем не менее меняющаяся экономика и уровень цифровизации наглядно демонстрируют, что сегодня для выполнения даже простейших трудовых функций необходимы совершенные орудия работы (телефон, планшет, ноутбук и др.) и средства защиты (антивирус, защищенные флэш-накопители, модули доверенной загрузки, доверенные платформенные модули, системы контроля и управления доступом и др.) и коммуникации. Российская практика в данном направлении показывает, что бремя расходов чаще всего лежит на работнике, который заинтересован выполнять трудовую функцию эффективно, что противоречит сути трудового правоотношения. Такое смещение акцентов объясняется тем, что распространение данного вида занятости в России началось позже, чем в других странах (80–90-е гг. XX вв.). Действующее законодательное регулирование в целом развивается в русле международной практики. Бланкетная формулировка ст. 312.6 Трудового кодекса Российской Федерации, с одной стороны, допускает индивидуально-договорное регулирование данного вопроса, с другой – конкретный работодатель в трудовом договоре с работником избегает или сознательно не включает в него положения, а также не оговаривает в локальных нормативных актах порядок и условия возмещения расходов дистанционного работника, понесенных им в связи с удаленным исполнением трудовых обязанностей. Складывается парадоксальная

ситуация: законодатель считает, что стороны трудового правоотношения самостоятельно должны достичь соответствующего соглашения, а правоприменитель предлагает решать этот вопрос в порядке, предусмотренном трудовым законодательством. В этой связи обращается внимание на риски, которые ложатся бременем на работника: трудовой спор, обращение в суд при невозможности урегулировать возникшие разногласия, сложности доказывания понесенных расходов, удовлетворение требований в части или исходя из минимально признаваемых законодательством затрат. Тенденции законодательных решений должны предполагать формирование прозрачного механизма компенсации понесенных дистанционным работником затрат на орудия труда и средства защиты, используемые для выполнения трудовой функции.

Выводы. Анализ решений судов об организации дистанционного труда подтвердил целесообразность новых законодательных решений посредством императивного закрепления в Трудовом кодексе Российской Федерации перечня обязательных условий трудового договора с дистанционным работником, особенно о порядке, условиях и сроках компенсации затрат, связанных с использованием личного или арендованного оборудования для выполнения трудовой функции.

Введение. Первичное закрепление дистанционного способа организации труда в отечественной правовой системе состоялось в 2013 г. с введением гл. 49.1 в Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ)¹. В течение длительного периода данные нормы не получали широкого применения, однако все изменилось в 2020 г., когда наша страна и в целом мировое сообщество столкнулись с проблемой распространения новой коронавирусной инфекции. Это стало очередным импульсом к внесению законодательных новаций в данную область отношений.

После преодоления кризиса, связанного с распространением инфекции, работать на условиях дистанционной занятости продолжило значительное число работников. Так, до пандемии в 2019 г. в таком режиме работало 215 тыс. человек, в 2020 г. – 1,2 млн человек, в 2022 г. – 1,5 млн человек, самый низкий показатель был зафиксирован в IV квартале 2023 г. – 992 тыс. человек (в то время как в I квартале составлял более 1,36 млн человек) [1]. По данным Росстата, показатель изучаемого вида занятости в 2024 г. составил 2,8 млн человек [10. С. 62]. В территориальном разрезе наибольшее количество работающих на условиях дистанционной занятости приходится на Республику Ингушетию, Хабаровский край, Магаданскую, Московскую, Пензенскую, Псковскую и Тюменскую области [1]. Среди видов экономической деятельности преобладают такие сферы, как профессиональная, научная и техническая. При этом около 67% работающих дистанционно имеют высшее образование и высокий уровень развития цифровых навыков [1; 10. С. 62]. По данным портала hh.ru, в 2025 г. регионами-лидерами по числу размещенных предложений с дистанционным форматом стали Москва (около 25% от всех удаленных вакансий), Санкт-Петербург (6%), Республика Татарстан, Краснодарский край, Свердловская область [2].

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. Фед. закона от 29.12.2025 № 532-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074279&ysclid=m3nhe1g916683939797> (дата обращения: 21.05.2026).

HR-специалисты отмечают изменение подходов к дистанционной работе. Согласно прогнозу, до 600–800 тыс. человек снизится число работающих полностью дистанционно в 2026 г. [8]. Все чаще работодатели предлагают не полностью удаленный способ организации труда, а комбинированный. Факторами такого смещения акцентов являются снижение производительности труда из-за недостатка коммуникации, вовлеченности и самомотивации работников, увеличение времени принятия решений. В то же время работодатели заинтересованы в повышении эффективности бизнес-процессов и степени вовлеченности в работу. Однако обеспечить это можно только в условиях адекватного регулирования вопросов возмещения дистанционному работнику затрат на оборудование и средства труда.

Цель исследования – проанализировать практику правоприменения норм о возмещении расходов дистанционному работнику за использование личного имущества при выполнении трудовой функции и определить тенденции развития законодательства в данной области.

Материалы и методы. Метод контент-анализа использовался для определения подходов правоприменителей (работодателей и судов) к решению проблемы компенсации работнику расходов за использование личного или арендованного им оборудования и средств, необходимых для выполнения трудовой функции дистанционно. Методы анализа, обобщения и сравнения применялись при изучении судебной практики по спорам о возмещении дистанционному работнику расходов за использование личного имущества. Сочетание методов сравнения и системного анализа позволило определить дальнейшие пути законодательных решений об организации дистанционного труда. Статистический метод позволил сравнить уровень распространения дистанционной занятости с 2019 по 2025 г. Формально-юридический и сравнительно-правовой методы использовались при изучении норм Трудового кодекса Российской Федерации об удаленной работе и особенностей ее регулирования в индивидуально-договорном порядке. Проведен анализ реализации законодательных положений об организации дистанционного труда в текстах трудовых договоров и практики их оценки судами при возникновении споров о возмещении понесенных расходов.

Результаты исследования. Президент России В.В. Путин в июне 2025 г. на пленарном заседании XXVIII Петербургского международного экономического форума подчеркнул необходимость изменения характера занятости и структуры потребления посредством цифровых платформенных решений и донстройки трудового законодательства в интересах людей, создания современных, более привлекательных рабочих мест с высокой производительностью труда, соответствующих новому технологическому укладу [3. С. 3].

Цифровые платформенные решения, с одной стороны, трансформируют формы занятости, с другой – позволяют увидеть, насколько динамика общественных отношений в сфере труда не согласуется с имеющимися законодательными решениями. Они востребованы как работодателями, так и работниками [9]. Для работника удобство заключается в возможности преодоления географической изоляции и установления комфортного графика работы. Преимущества работодателя – получение доступа к широкой сети исполнителей,

ускорение производственных процессов, снижение транзакционных издержек. Однако необходимо учитывать и риски для участников трудовых отношений.

М.В. Мусимович отмечает, что распространение дистанционной и платформенной занятости требует развития адаптивного трудового законодательства, способного обеспечить баланс интересов обеих сторон трудового договора в части вопросов рабочего времени и времени отдыха (право на «цифровое отключение»), условий труда, гарантий и компенсаций, обеспечения безопасности труда [5. С. 426].

Д.Г. Бычков и др. в своем исследовании «Профили самозанятости и платформенной занятости в России» также ключевым фактором риска называют социальную незащищенность наряду с плюсами для рынка труда и экономики в целом [7. С. 340].

Изученные статистические и аналитические данные свидетельствуют о стабильной численности работающих удаленно, хотя тенденции в экономике вносят свои коррективы в соотношение полностью дистанционного и гибридного форматов труда. По данным Росстата, в 2023 г. из общего числа лиц, занятых в дистанционном режиме (3,2 млн чел.), 42,6% (1,3 млн. чел.) работали в гибридном формате. В 2024 г. численность работающих дистанционно составляла 2,8 млн чел., из них 42,4% работали дистанционно несколько дней в неделю [10. С. 62]. В 2026 г. тренд на сохранение дистанционного способа организации труда сохранился. Следует отметить, что он не является для работодателей основным, лишь около 10% штата большинства российских компаний работают в таком режиме [4]. По данным портала hh.ru, в I квартале 2026 г. опубликовано более 1 млн вакансий с работой в офисе, свыше 101 тыс. – с предложением работать полностью дистанционно и более 75 тыс. – в гибридном формате [11].

Сохранение тенденции подобного вида занятости актуализирует проблему организации труда работающих дистанционно. Нормативные положения предусматривают обязанность работодателя обеспечивать такого работника необходимым оборудованием, программно-техническими средствами, средствами защиты информации и иными средствами. В то же время по соглашению сторон трудового договора возможно использование для выполнения трудовой функции арендованных или принадлежащих работнику средств с выплатой компенсации и возмещением расходов. При этом порядок, сроки и размеры определяются в договорном порядке. Именно в этой части и начинаются разночтения и трудности получения компенсации за использование личного оборудования.

Чаще всего работодатели ни в коллективном договоре, ни в локальных актах, ни в трудовом договоре или дополнительном соглашении к нему не закрепляют способ возмещения расходов дистанционному работнику. Например, в решении № 2-12858/2024 Сургутского городского суда от 8 июля 2025 г. дистанционным работником было заявлено наряду с другими требование о компенсации расходов за использование личного имущества для выполнения трудовой функции: сотовой связи, интернета, расходов на канцелярские принадлежности и использование оргтехники за каждый календарный месяц в размере 10 000 руб.;

итого 140 000 руб. с 3 июля 2023 г. по день вынесения решения¹. В судебном процессе было установлено, что условиями трудового договора и Положением об оплате труда способ возмещения расходов закреплён не был. В этой связи при определении суммы, подлежащей возмещению, суд руководствовался положениями п. 1 подп. 11.1 ст. 264 Налогового кодекса Российской Федерации, который устанавливает, что при отсутствии договорённостей сторон и документального подтверждения размера произведенных расходов компенсация составляет не более 35 руб. за каждый день выполнения трудовой функции дистанционно². Так, по данным материалов дела, за ноябрь 2024 г. дистанционному работнику были компенсированы расходы за использование личного имущества из расчета 35 руб./день в размере 1 486 руб. 52 коп. Суд признал, что правовых оснований выплаты компенсации в размере 140 000 руб. не имеется.

В другом изученном нами деле трудовым договором была предусмотрена компенсация за использование дистанционным работником личного ноутбука и расходов на сотовую связь. Работник замещал должность бухгалтера, и выполняемые трудовые функции предполагали также расходы на оргтехнику, которые трудовым договором предусмотрены не были. Однако дистанционным работником произведенные расходы были подтверждены, и требования суда в указанной части полностью удовлетворены (решение № 2-455/2025 Дмитровского городского суда от 1 апреля 2025 г.³).

Изучение дела № 2-35/2025 Печорского районного суда от 17 февраля 2025 г. показало, что в трудовом договоре с дистанционным работником (замещаемая должность – менеджер-логист) бланкетным способом со ссылкой на ч. 1 ст. 312.6 ТК РФ была закреплена обязанность работодателя обеспечить его оборудованием, программно-техническими средствами, средствами защиты информации и иными средствами. Буквальное толкование текста трудового договора предусматривало только обязательство работодателя обеспечить такого работника доступом к программно-техническим средствам: рабочим чатам ООО «XXX», кабинету АТІ.SU, программе Транс-Менеджер. Вопрос же о предоставлении оборудования для работы с указанным программным обеспечением (ПО) не регулировался⁴.

Таким образом, судебная практика подтверждает, что работники могут не получить возмещение в полном объеме, если условия не прописаны детально.

¹ Решение Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа–Югры № 2-12858/2024 от 08.07.2025 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Vbci3U6auTJc/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo (дата обращения: 20.05.2026).

² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (в ред. Фед. закона от 25.04.2026 № 104-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102067058&intelsearch&ysclid=mpgwk9ymbq611298477> (дата обращения: 20.05.2026).

³ Решение Дмитровского городского суда Московской области № 2-455/2025 от 01.04.2025 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/VQUB-KxrHct5O/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo (дата обращения: 20.05.2026).

⁴ Решение Печорского районного суда Псковской области № 2-35/2025 от 17.02.2025 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/PejmwzwsX3uQI/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo (дата обращения: 20.05.2026).

Действующая редакция ст. 312.6 ТК РФ не предписывает работодателю включать именно в трудовой договор условие о компенсации – это остается на усмотрение сторон. Если стороны не договорились, то работник оказывается в невыгодном положении. Согласно ст. 188 ТК РФ, соглашение о компенсации должно быть оформлено письменно. Если условия компенсации прописаны нечетко или фрагментарно, работник может получить возмещение ниже фактических затрат. Например, не учтены: амортизация оборудования; расходы на интернет, электроэнергию; затраты на ремонт и обслуживание техники. В случае спора работник должен документально подтвердить понесенные расходы (чеки, квитанции, акты выполненных работ и др.). При отсутствии подтверждающих документов суд удовлетворяет требования дистанционного работника с учетом положений п. 1 подп. 11.1 ст. 264 НК РФ (не более 35 руб./день). Обозначенная в законодательстве сумма объективно не отражает реальных затрат дистанционных работников на оборудование и иные средства, необходимые для выполнения своих трудовых обязанностей. Например, стоимость пакета программ Office на 1 год в среднем составляет от 6 000 до 20 000 руб. При этом минимальный пакет необходимого оборудования и ПО для каждого дистанционного работника – это мобильный телефон, ноутбук/планшет с лицензионной операционной системой, доступ к сети «Интернет».

На указанную негативную практику также обратил внимание законодатель. В пояснительной записке к законопроекту № 929192-8 обоснованно отмечается, что стремительное развитие технологий и рабочих процессов требует от сотрудников работы с различными информационными сервисами в режиме реального времени. Многим работникам для выполнения служебных обязанностей необходимо использовать различные технические средства, которые часто принадлежат им самим, а не выдаются работодателем. Это является дополнительной финансовой нагрузкой не только для дистанционных работников, но и тех, кто работает на условиях стандартной занятости [6].

Формально в ст. 312.6 ТК РФ закреплена обязанность работодателя обеспечить дистанционного работника необходимым оборудованием и другими средствами, однако, как показывает практика, откуп законодателя на регулирование данного вопроса в договорном порядке фактически приводит к ущемлению прав работника. Работодатели не только не заинтересованы детально регламентировать данный вопрос (не указывают размер возмещения, сроки и способ), но и всячески уклоняются от этого (посредством закрепления бланкетных формулировок, закрепления условия о предоставлении или компенсации затрат лишь на часть оборудования и ПО).

Не всегда очевидно, как работодатель должен подтверждать факт предоставления оборудования или контролировать использование личного имущества работника для выполнения трудовой функции. Это порождает сложности при доказывании в суде в случае возникновения трудовых споров, что свидетельствует о проблеме учета и контроля использования оборудования. Например, не всегда возможно проверить, использовался ли интернет исключительно для выполнения трудовых задач, а также возникают споры о том, относится ли конкретный расход (например, амортизация ноутбука) к рабочим нуждам.

Решение аналогичной задачи в зарубежных правовых порядках осуществляется в договорном порядке, но при этом императивно закреплён перечень обязательных условий трудового договора с работником, осуществляющим свою трудовую функцию удаленно. Например, ч. 3 ст. 307.2 Трудового кодекса Республики Беларусь закрепляет, что стороны должны определить механизм обеспечения дистанционного работника необходимыми орудиями труда и иными средствами, а также выплаты компенсации в случае использования личного или арендованного оборудования и иных средств¹. Аналогичные законодательные решения содержатся и в Трудовом кодексе Республики Казахстан (ч. 4 ст. 138), при этом в абз. 3 ч. 4 ст. 138 также предусмотрены право работника использовать собственные оборудование, объекты информатизации и иные средства и обязанность работодателя выплачивать компенсацию, размер, порядок и срок выплаты которой устанавливаются соглашением сторон².

Опыт иностранных правовых порядков подтверждает целесообразность четкого закрепления обязанности сторон договориться о механизме компенсации затрат за использование личного оборудования и иных средств в целях выполнения трудовой функции дистанционно.

Выводы. Гармонизации трудового законодательства будут способствовать следующие законодательные решения:

Во-первых, императивно закрепить обязанность работодателя принимать локальные акты о дистанционной работе и определять в них прозрачный механизм компенсации затрат, связанных с использованием личного или арендованного оборудования и иных средств для исполнения трудовых функций. Часть 1 ст. 312.6 ТК РФ предлагаем дополнить предложением следующего содержания: «В локальном нормативном акте работодателя, принятом с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, должны быть определены перечень оборудования, программно-технических средств, средств защиты информации и других средств, предоставляемых дистанционному работнику с учетом выполняемой им трудовой функции».

Во-вторых, размер возмещаемых расходов должен быть соразмерен. Обязательным условием трудового договора о дистанционной работе должно быть условие о способе, порядке, сроках и размерах возмещения расходов в случае, если работник использует принадлежащие ему или арендованные им средства и оборудование, без возможности регулирования данного вопроса путем заключения коллективного договора или локального акта.

Часть 2 ст. 312.6 ТК РФ предлагаем изложить в следующей редакции: «В этом случае обязательным для включения в трудовой договор с дистанционным работником является условие об указании способа, порядка, сроков и размеров возмещения расходов, связанных с использованием им для выполнения

¹ Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26.07.1999 № 296-3 (в ред. закона от 09.12.2025 № 110-3) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/-document/?guid=3871&p0=hk9900296> (дата обращения: 20.05.2026).

² Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23.11.2015 № 414-V (в ред. закона от 19.05.2026 № 291-VIII) // ИС «Параграф»6 сайт. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=38910832&pos=4;111 (дата обращения: 20.05.2026).

трудовой функции принадлежащих ему или арендованных им оборудования, программно-технических средств, средств защиты информации и иных средств».

Таким образом, предлагаемые меры включают закрепление минимального перечня необходимого оборудования, установление базовых критериев расчета компенсации, обязательное включение условий об обеспечении оборудованием и порядке компенсации в трудовой договор, разработку методических рекомендаций по учету и контролю использования оборудования, введение типовых форм локальных актов о дистанционной работе. Указанные изменения позволяют повысить эффективность организации труда удаленных сотрудников, обеспечить справедливые условия их занятости и предотвратить возможные злоупотребления со стороны работодателя.

Литература

1. Демьянова А.В., Талакаукас Д.С., Покровский С.И. Удаленная занятость в России [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики: сайт. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/976054144.pdf> (дата обращения: 20.05.2026).
2. Доля вакансий с удаленной работой в России выросла до 10% в 2025 года [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 19.12.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8295770> (дата обращения: 20.05.2026).
3. Из выступления Президента Российской Федерации на пленарном заседании XXVIII Петербургского международного экономического форума 20 июня 2025 г. [Электронный ресурс] // Автоматизация и повышение производительности труда как факторы социального и экономического развития: материалы к «правительственному часу» в Государственной Думе 14 октября 2025 года. URL: https://parlib.duma.gov.ru/common/upload/verstka/common/mozilla_pdf/-web/viewer.html?file=https://parlib.duma.gov.ru/common/upload/document_pravchas/I_Mater_k_-_prav_chasu_v_GD_141025.pdf?dv=1 (дата обращения: 20.05.2026).
4. Курмукова А. Удаленка становится бонусом. [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2026. 11 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8498473?ysclid=mpg2adad2o172852627> (дата обращения: 20.05.2026).
5. Мусимович М.В. Цифровизация рынка труда: потенциальные перспективы и риски для участников трудовых отношений // Экономика труда. 2025. Т. 12, № 4. С. 417–434.
6. Пояснительная записка к законопроекту № 929192-8 «О внесении изменений в статьи 57 и 188 Трудового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/929192-8> (дата обращения: 20.05.2026).
7. Профили самозанятости и платформенной занятости в России / Д.Г. Бычков, Е.Е. Гришина, О.А. Феоктистова и др. // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20, № 3. С. 339–355.
8. Самойлова Д. Россиян предупредили о массовом сокращении удаленной работы [Электронный ресурс] // Газета.RU. 2026. 14 мая. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2026/05/14/-28461823.shtml?ysclid=mpg23wq59w556693422> (дата обращения: 20.05.2026).
9. Скопинцева Е. Трудовой рынок-2025: платформы, автоматизация и сокращение неравенства [Электронный ресурс] // Экономика и жизнь. 2025. 26 сент. URL: <https://www.eg-online.ru/article/499790/> (дата обращения: 21.05.2026).
10. Труд и занятость в России. 2025: статистический сборник. М.: Росстат, 2025. 174 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2025.pdf (дата обращения: 20.05.2026).
11. Черникова Я. Стоп удаленка: в России растет популярность гибридного формата работы. [Электронный ресурс] // Известия. 2026. 18 марта. URL: <https://iz.ru/2060982/iana-chernikova/stop-udalenska-v-rossii-rastet-populiarnost-gibridnogo-formata-raboty> (дата обращения: 20.05.2026).

ВАСИЛЬЕВА ЖАННА СЕРГЕЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры публичного права, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (kaf_advok@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1880-3309>).

ВЕРЕЩАК СВЕТЛАНА БОРИСОВНА – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (veres_k@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9335-2501>).

Jeanne S. VASILIEVA, Svetlana B. VERESHCHAK

**ORGANIZATION OF DISTANCE LABOR:
LAW ENFORCEMENT PRACTICE AND DEVELOPMENT TRENDS**

Key words: distance employment, remote work, reimbursement of expenses, compensation for the use of personal property, employment contract.

Distance employment has maintained steady growth trends over the past three to five years. The main impetus for the development of this method of labor organization was received during the pandemic and post-pandemic periods. Despite the revision of provisions of this institute in December 2020, certain provisions of Chapter 49.1 of the Labor Code of the Russian Federation in practice create situations of legal uncertainty that the employer uses in order to save resources and maximize the benefits of the remote worker's work.

The purpose of the study is to analyze the practice of law enforcement of norms on reimbursement of expenses to a remote worker for the use of personal property in performing his work function and to identify trends in the development of legislation in this area.

Materials and methods. The content analysis method was used to determine the approaches of law enforcement agencies (employers and courts) to solving the problem of compensating the employee for the use of personal or rented equipment and facilities necessary to perform the work function remotely. The methods of analysis, generalization and comparison were used in the study of judicial practice in disputes over compensating a remote worker for the use of personal property. The combination of comparison methods and system analysis made it possible to determine further ways of legislative decisions on distance labor organization. The statistical method gave the opportunity to compare the spread of remote employment of workers from 2019 to 2025. Formal legal and comparative legal methods were used in studying the norms of the Labor Code of the Russian Federation on remote work and the specifics of its regulation in an individually contractual manner. The analysis of implemented legislative provisions on distance work organization in the texts of employment contracts and the practice of their assessment by the courts in the event of disputes over reimbursement of expenses is carried out.

Results. In Russia, due attention is not paid to the problem of remote work and the difficulties of its organization. Nevertheless, changing economy and the level of digitalization clearly demonstrate that today, even the simplest work functions require advanced tools (phone, tablet, laptop, etc.) and protective equipment (anti-virus, secure flash drives, trusted download modules, trusted platform modules, access control and management systems, etc.) and communications. Russian practice in this area shows that the burden of expenses most often lies on an employee who is interested in performing a labor function effectively, which contradicts the essence of the employment relationship. This shift in emphasis is explained by the fact that the spread of this type of employment in Russia began later than in other countries (80–90s of the XX century). Current legislative regulation is generally developing in line with international practice. Blanket wording of article 312.6 of the Labor Code of the Russian Federation, on the one hand, allows for individual contractual regulation of this issue, on the other hand, a specific employer in an employment contract with an employee avoids or deliberately does not include provisions in it, and also does not specify in local regulations the procedure and conditions for reimbursement of expenses incurred by a remote employee in connection with remote performance of work duties. A paradoxical situation is emerging: the legislator believes that the parties to an employment relationship must independently reach an appropriate agreement, and the law enforcement officer suggests resolving this issue in accordance with the procedure provided for by labor legislation. In this regard, attention is drawn to the risks that place a burden on the employee: a labor dispute, going to court if it is impossible to resolve the differences that have arisen, difficulties in proving the costs incurred, satisfaction of claims in part or based on the minimum costs recognized by law. Trends in legislative decisions should involve forming a transparent mechanism for compensating the costs incurred by a remote worker for tools and protective equipment used to perform a labor function.

Conclusions. The analysis of court decisions on remote work organization confirmed the expediency of new legislative decisions by mandating in the Labor Code of the Russian Federation a list of mandatory conditions of an employment contract with a remote worker, especially on the procedure, conditions and terms of compensating for the costs associated with the use of personal or rented equipment to perform a labor function.

References

1. Dem'yanova A.V., Talakauskas D.S., Pokrovskii S.I. *Udalennaya zanyatost' v Rossii* [Remote employment in Russia]. Available at: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/976054144.pdf> (Accessed Date: 2026, May 20).
2. *Dolya vakansii s udalennoi rabotoi v Rossii vyroslo do 10% v 2025 goda* [Vacancy rate with remote work in Russia increased to 10% in 2025]. *Kommersant*, 2025, Dec. 19. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/8295770> (Accessed Date: 2026, May 20).
3. *Iz vystupleniya Prezidenta Rossiiskoi Federatsii na plenarnom zasedanii XXVIII Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma 20 iyunya 2025 g.* [From the speech of the President of the Russian Federation at the plenary session of the XXVIII St. Petersburg International Economic Forum on June 20, 2025]. In: *Avtomatizatsiya i povyshenie proizvoditel'nosti truda kak faktory sotsial'nogo i ekonomicheskogo razvitiya: materialy k "pravitel'stvennomu chasu" v Gosudarstvennoi Dume 14 oktyabrya 2025 goda* [Automation and labor productivity improvement as factors of social and economic development: Materials for the Government Hour in the State Duma on October 14, 2025]. Available at: https://parlib.duma.gov.ru/common/upload/verstka/common/mozilla_pdf/web-viewer.html?file=https://parlib.duma.gov.ru/common/upload/document_pravchas/I_Mater_k_prav_c_hasu_v_GD_141025.pdf?dv=1 (Accessed Date: 2026, May 20).
4. Kurmukova A. *Uдаленка становится бонусом* [Getting deleted becomes a bonus]. *Kommersant*, 2026, March 11. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/8498473?ysclid=mpg2-adad2o172852627> (Accessed Date: 2026, May 20).
5. Musimovich M.V. *Tsifrovizatsiya rynka truda: potentsial'nye perspektivy i riski dlya uchastnikov trudovykh otnoshenii* [Digitalization of the labor market: potential prospects and risks for participants in labor relations]. *Ekonomika truda*, 2025, vol. 12, no. 4, pp. 417–434.
6. *Poyasnitel'naya zapiska k zakonoproektu № 929192-8 «O vnesenii izmenenii v stat'i 57 i 188 Trudovogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii»* [Explanatory Note to Draft Law No. 929192-8 "On Amendments to Articles 57 and 188 of the Labor Code of the Russian Federation"]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/929192-8> (Accessed Date: 2026, May 20).
7. Bychkov D.G., Grishina E.E., Feoktistova O.A. et al. *Profili samozanyatosti i platformennoi zanyatosti v Rossii* [Profiles of self-employment and platform employment in Russia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2024, vol. 20, no. 3, pp. 339–355.
8. Samoilova D. *Rossiyan predupredili o massovom sokrashchenii udalennoi raboty* [Russians have been warned about a massive reduction in remote work]. *Gazeta.RU*, 2026, May, 14. Available at: <https://www.gazeta.ru/social/news/2026/05/14/28461823.shtml?ysclid=mpg23wq59w556693422> (Accessed Date: 2026, May 20).
9. Skopintseva E. *Trudovoi rynek-2025: platformy, avtomatizatsiya i sokrashchenie neravenstva* [Labor Market 2025: Platforms, automation, and reducing inequality]. *Ekonomika i zhizn'*, 2025, Sept. 26. Available at: <https://www.eg-online.ru/article/499790/> (Accessed Date: 2026, May 20).
10. *Trud i zanyatost' v Rossii. 2025: statisticheskii sbornik* [Labor and employment in Russia. 2025: statistical collection]. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2025.pdf (Accessed Date: 2026, May 20).
11. Chernikova Ya. *Stop udalenka: v Rossii rastet populyarnost' gibridnogo formata raboty* [Stop remote: hybrid work format is growing in popularity in Russia]. *Izvestiya*, 2026, March 18. Available at: <https://iz.ru/2060982/iana-chernikova/stop-udalenka-v-rossii-rastet-populyarnost-gibridnogo-formata-raboty> (Accessed Date: 2026, May 20).

JEANNE S. VASILIEVA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Public Law, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (kaf_advok@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1880-3309>).

SVETLANA B. VERESHCHAK – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (veres_k@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9335-2501>).

Формат цитирования: Васильева Ж.С., Верещак С.Б. Организация дистанционного труда: практика правоприменения и тенденции развития [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus*. 2026. № 3. С. 71–80. URL: <https://oecomia-et-jus.ru/single/2026/3/6>. DOI: 10.47026/2499-9636-2026-3-71-80.

УДК 343

ББК 67.3

Ю.С. ЕЛОВИКОВА

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ

Ключевые слова: родители, незаконнорожденные дети, внебрачные дети, детоубийство, филицид, неонатацид, инфантицид.

Рост числа детей, рожденных вне зарегистрированного брака, и устойчиво высокий уровень латентных детоубийств, совершаемых преимущественно в отношении таких детей, актуализирует обращение к историческому опыту правового регулирования ответственности за такого рода преступления и требует изучения эволюции правового статуса соответствующих лиц и его влияния на уголовно-правовую охрану жизни человека.

Цель исследования – анализ вопроса эволюции в истории России уголовной ответственности родителей за убийство незаконнорожденных детей через призму правового положения незаконнорожденных лиц.

Материалы и методы. В ходе исследования применялись диалектический, исторический и сравнительно-правовой методы, а также комплекс таких общенаучных методов, как анализ, синтез и обобщение. Использовались источники уголовного права Древней Руси, дореволюционного, советского и современного периодов, научная литература и аналитические публикации.

Результаты. Установлено, что в языческий период и в Древней Руси правовой статус незаконнорожденных детей законодательно не конкретизировался, а филицид не считался преступлением. В Московском государстве (XVI–XVII вв.) с формированием словной дифференциации убийство незаконнорожденного ребенка стало квалифицированным видом преступления (ст. 26 гл. 22 Соборного уложения 1649 г. предусматривала смертную казнь), тогда как убийство законных детей наказывалось лишь годом тюрьмы. В имперский период (XIX – начало XX в.) произошла гуманизация: Уложение 1845 г. впервые ввело привилегированный состав с учетом мотивов «стыда и страха» и состояния женщины в момент родов. В советский период после 1917 г. категория «незаконнорожденный» была ликвидирована, а уголовная ответственность стала единой для убийства любого ребенка. Выявлено, что главным мотивом детоубийств на всем протяжении истории оставался страх женщины перед общественным порицанием за внебрачную беременность, а смягчение ответственности в законе происходило параллельно с расширением прав внебрачных детей.

Выводы. Эволюция уголовной ответственности за убийство внебрачных детей была непосредственно обусловлена изменением их правового статуса. В периоды правовой дискриминации (Московское государство, имперский период до XIX в.) убийство внебрачного ребенка рассматривалось либо как квалифицированное (смертная казнь), либо как деяние, требующее особого смягчения ввиду мотивов «стыда и страха». Уравнивание внебрачных детей в правах с законнорожденными в 1917 г. привело к декриминализации специального состава и охране жизни всех детей в равной мере. В современной России сохранение в ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации такого оценочного признака, как «психотравмирующая ситуация», фактически связанного с внебрачной беременностью, является историческим анахронизмом. Обоснована необходимость исключения ст. 106 из Уголовного кодекса Российской Федерации и квалификации неонатацида по п. «в» ч. 2 ст. 105 как убийства малолетнего, находящегося в беспомощном состоянии.

Введение. Под детоубийством понимается умышленное лишение жизни ребенка одним или обоими родителями (филицид). Подвидами филицида являются убийство новорожденного ребенка (неонатический) и убийство ребенка возрастом до 1 года (инфантицид).

На сегодняшний день убийство родителями детей квалифицируется по п. «в» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹ «Убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека» или по ст. 106 УК РФ «Убийство матерью новорожденного ребенка». Официальная статистика о регистрации преступлений по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, совершенных родителями в отношении своих детей, не ведется. По данным МВД России, по ст. 106 УК РФ количество зарегистрированных преступлений составило: в 2020 г. – 51, в 2021 г. – 45, в 2022 г. – 32, в 2023 г. – 27, в 2024 г. – 31². Приведенные показатели не отражают реальной статистики совершенных преступлений, так как такое деяние отличается высокой латентностью. Исследователи указывают, что количество невыявленных преступлений по ст. 106 УК РФ в 3–7 раз превышает количество зарегистрированных [14], другие определяют такое соотношение как 1:8 [9], 1:10 [18. С. 179]. Как отмечают криминологи, убийство новорожденного в 100% случаев совершается лицами женского пола, убийство малолетнего и несовершеннолетнего – в 87,1% случаев лицами мужского пола [39]. Жертвами преступлений по ст. 106 УК РФ в большинстве случаев становятся внебрачные дети, родители которых не состоят в зарегистрированном браке (54% [2], 64,3% [25]). Главные мотивы детоубийства – «внебрачная беременность» [29], страх «общественного осуждения, особенно за ребенка, рожденного вне брака» [31. С. 538].

В последнее время в России наблюдается рост коэффициента разводимости при одновременном снижении коэффициента брачности. Именно поэтому увеличивается доля детей, родившихся вне брака. В 2022 г. доля внебрачных детей составляла 22,8%, в 2023 г. – 23% от общего числа родившихся [41]. По различным данным, каждый пятый или даже каждый третий ребенок рождается вне брака. По оценкам демографов, число внебрачных детей с каждым годом будет увеличиваться. Таким образом, внебрачное рождение детей становится социальной нормой, что обуславливает актуальность историко-правового исследования правового положения внебрачных детей в российском обществе, а также становления и развития ответственности за их убийство с учетом исторического опыта.

Цель исследования – анализ вопроса эволюции в истории России уголовной ответственности родителей за убийство незаконнорожденных детей через призму правового положения незаконнорожденных лиц.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Форма федерального статистического наблюдения 1-ЕГС «Единый отчет о преступности». Сведения предоставлены Прокуратурой Российской Федерации по личному запросу автора.

Материалы и методы. В ходе исследования применялись диалектический, исторический и сравнительно-правовой методы, а также комплекс таких общенаучных методов, как анализ, синтез и обобщение. Использовались источники уголовного права Древней Руси, дореволюционного, советского и современного периодов, научная литература и аналитические публикации.

Результаты исследования. Проблема детоубийства всегда привлекала внимание специалистов в сфере уголовного права, криминалистики, судебной медицины. Только в 80-х гг. XVIII в. вышло около 400 сочинений, посвященных изучению детоубийства [38. С. 83]. Представляют интерес для настоящего исследования труды Н.С. Таганцева [33, 34], М.Д. Шаргородского [38], П.Н. Тарновской [35], А.В. Лохвицкого [17], М.Н. Гернета [7], И.Я. Фойницкого [36]. Работу в данном направлении продолжают О.В. Лукичев [18], Ф.С. Сафуанов [29], Ю.М. Антонян [2] и др.

Для наиболее полного анализа эволюции уголовной ответственности за фелицид предложена этапизация, основанная на нормах источников права конкретного исторического периода.

1. Период язычества и раннего христианства в Киевской Руси (VI–X вв.).

Во времена язычества и раннего христианства древние славяне не отличались целомудрием. «Бесовские потехи» были основным досугом славян. Свобода половых отношений существовала во время религиозных праздников и игрищ, где сходились «мужи и жены и девицы... на богомерзкие дела» [30. С. 11]. Повсеместно существовало многоженство. Нестор в «Повести временных лет» пишет: «И радимичи, и вятичи, и северь... имяху же по две и по три жены» [21. С. 15], т.е. практиковалась полигиния. Многоженство допускала и светская власть. В Уставе князя Всеволода Мстиславича (XII в.) признавался третий и четвертый брак [43. С. 252–253]. Помимо законных жен, князья могли сожительствовать с рабынями-наложницами и иметь от них детей [21. С. 125]. В XII в. наложничество имело место даже среди духовенства [40. С. 17].

Учитывая нравы общества того времени, можно предположить наличие немалого количества внебрачных детей. Первое упоминание о незаконнорожденных детях встречается в ст. 98 Пространной редакции Русской Правды (XII в.): «...боудоуть робьи дети оу моужа то задницы им не имати, но свобода имъ (съ) матерью» [27. С. 513]. В этот период правовой статус незаконнорожденных детей законодатель не конкретизировал. Законодательного деления лиц на законнорожденных и незаконнорожденных не было. Различие в правовом положении детей, родившихся в браке и вне брака, было незначительным. Князья сажали своих внебрачных детей на княжеский престол и даже выделяли им долю в имуществе. По Уставу князя Всеволода Мстиславича детям от второй, третьей, четвертой жены выдавалась «прелюбодейная часть в животе» [43. С. 252–253], т.е. часть имущества, выделяемая незаконнорожденному ребенку [11].

Во времена язычества фелицид не считался преступлением и был широко распространен. Детей лишали жизни в целях жертвоприношения богам, избавления общества от «дефектных» детей, родившихся с аномалиями, регулирования численности населения. Социальный статус ребенка (рожденный в браке или вне брака) значения не имел. Важным фактором при этом был пол ребенка.

Умерщвляли преимущественно девочек. Случаи гендероцида отмечал Н.М. Карамзин: «...мать имела... право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишком многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству» [13. С. 65].

2. Древнерусское государство (X–XIII вв.). После принятия христианства и его распространения на Руси брачно-семейные отношения стала регулировать церковь, которая строго закрепляла единобрачие, моногамию. Церковь осуждала «блуд» – половую связь мужчины и женщины, не состоящих в законном браке [5. С. 86, 100, 303], и «прелюбодеяние» – супружескую измену, половой акт мужчины и женщины, когда один из них состоит в браке. К детям, рожденным вне брака, церковь относилась отрицательно, так как они были зачаты в греховной внебрачной половой связи, а «от греховного бо корени зол плод бывает» [23]. На практике требования христианской морали выполнялись формально. По мнению Н.Л. Пушкаревой, вплоть до XV в. «“Любы телесные” становились для многих едва ли не первой ценностью и мало отличались... от желания досыта наесться» [1. С. 512]. Многоженство было распространено и в конце XVI в. Еще в XV в. митрополит Киевской Руси Иона, а в XVI в. митрополит Симон писали, что славяне имели до шести, семи жен, а также держали у себя наложниц.

Первоначально церковь не уделяла внимания правовому статусу незаконнорожденных лиц, а также не ставила действительность брака в зависимость от венчания. Дозволялись вторые и третьи браки, но они не приравнялись к первым. На вступающих в брак во второй и третий раз налагалась епитимия. Четвертый брак был воспрещен, виновные не допускались в церковь в течение нескольких лет и к причастию (гл. 23, 24 Стоглава 1551 г.¹).

С принятием христианства изменилось отношение к филициду. Церковь признавала право человека на жизнь с момента зачатия и любую попытку «баб богомерзких» предотвратить зачатие или совершить аборт считала греховной, квалифицировала как убийство (правило 2 святого Василия Великого, правило 91 Трулльского собора). Использование контрацепции («зелий», «отрав») наказывалось строже абортов, так как аборт считался единичным «душегубством», а контрацепция – «убийством многих душ» [24. С. 118]. При этом аборт рассматривался как более тяжкое по сравнению с убийством преступление².

Нормы об убийстве путем совершения аборта содержал Устав князя Владимира Святославича «О десятинах, судах и людях церковных» (X–XI вв.): «А се церковнии суди: ... девка дитя повържеть» (ст. 9) [43. С. 149]. Термин «девка дитя повържеть» означает: «девка дитя родит, бросит, покинет, оставит» [43. С. 161]. Мы трактуем это понятие более широко. Полагаем, что оно также может означать избавление женщины от плода (аборт). В церковнославянском языке слово «повергати» означает «удалять» [10. С. 436]. Оно упоминается

¹ Стоглав [Электронный ресурс] // Азбука веры: сайт. https://azbyka.ru/otechnik/prochee/izmaragd/#0_11.html (дата обращения: 14.04.2025).

² О неприкосновенности жизни человека с момента зачатия [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: официальный сайт. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6088088.html> (дата обращения: 14.04.2025).

в Ипатьевской летописи (XIV–XV вв.): «... поведаша Володимиру яко повържеть есть на торговищи после тысячького, и приеха, види повержена Игоря мртового» [16. С. 249]. «Устав белеческий» устанавливал наказание для женщин, которые «свой плод зелья ради извержет» (п. 138)¹. В Номоканоне упоминается о женщине, у которой произошел самопроизвольный аборт не по ее воле: «Аще жена извержет дитище неволею» (правило 75). Во всех вышеперечисленных источниках слово «повържеть» понимается как лишить жизни, убить.

Меру наказания матерям-детоубийцам, производящим аборт, определяла церковь. Так, по Номоканону женщина за искусственное прерывание беременности (аборт) несла наказание как детоубийца – 10 лет епитимии (правило 72). Под епитимией понималось «духовное наказание с целью преодолеть греховные привычки» [10. С. 175]. Законодатель не делал различий между убийством путем аборта законнорожденного ребенка или незаконнорожденного. Плод мог быть зачат как в браке, так и вне брака.

Устав князя Ярослава Мудрого «О церковных судах» (XI–XII вв.) предусматривал ответственность женщины, не состоящей в браке, за рождение ребенка (ст. 5): «Аще же девка бядеть или дитяти добудеть у отца, у матери или вдовою обличивше» [43. С. 190]. За рождение ребенка вне брака женщина несла наказание в виде помещения в церковный дом.

Вводилась ответственность замужней женщины за убийство ребенка (ст. 6): «Тако же и женка без своего мужа или при мужи дитяти добудеть, да погубить, или в свиньи ввержеть, или утопить» [43. С. 190]. В статье не указывается социальный статус ребенка. Полагаем, посягательство могло быть совершено на жизнь как законнорожденного ребенка, зачатого от мужа, так и незаконнорожденного, зачатого не от мужа. Виновная помещалась в церковный дом, на нее возлагалась епитимья до тех пор, пока ее не выкупят родители [43. С. 190].

3. Образование и развитие Московского централизованного государства (XIV–XVII вв.). В целях защиты законного брака, детей, рожденных в таком браке, сохранения «дворянского сословия», в XVII в. в законе появляются нормы, дифференцирующие правовой статус ребенка в зависимости от его рождения в браке и вне брака, выделяются основания отнесения лиц к «незаконнорожденным». В Соборном уложении 1649 г. в ст. 15 гл. 16 и в указе № 64 от 27 июня 1651 г. четвертый брак признавался недействительным [32. С. 75]. К «прямым выблюдкам» – незаконнорожденным детям – Соборное уложение 1649 г. относил лиц, рожденных от наложницы до брака с женой, или при жене (т.е. от прелюбодеяния), или после жены, даже если потом отец вступил в брак с наложницей (ст. 280 гл. X Уложения) [32. С. 63], а также рожденных в незаконном браке, т.е. от четвертой жены (ст. 15 гл. XVI Уложения).

Такая политика государства и церкви привела к разделению детей на законнорожденных (родившихся в законном браке) и незаконнорожденных (родившихся вне брака). Закон признавал исключительно законнорожденных детей. В народе незаконнорожденные дети считались убогими, неслучайно в языке существовало для них немало унижительных прозвищ: «выблюдки», «выгонки»,

¹ Георгий, митр. Киевский. «Устав белеческий» или «Заповедь святых отец ко исповедающимся сыном и дочерем» [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Одинцовского благочиния: сайт. URL: http://www.odinblago.ru/golubinskiy1_2/2_4b (дата обращения: 20.04.2025).

«выпоротки», «половинкины сыны», «сколотные», «семибатьковичи», «ублюдени», «гулевые», «ззорные», «пригульные» [6. С. 49], «безоотцовщина», «подзаборник», «выродок». Называние кого-либо «выблядком», т.е. незаконнорожденным, считалось оскорблением. При этом оскорбивший нес ответственность только в том случае, если такое оскорбление не соответствовало действительности. Если «прямой выблядок» действительно являлся незаконнорожденным, ответственность за оскорбление исключалась [32. С. 63]. Такое презрительное отношение со стороны общества «толкало незаконнорожденных детей в среду антиобщественных элементов» [22]. Как правило, из незаконнорожденных вырастали или «тати» – воры, или «блуди» – гулящие, проститутки.

Церковь сурово преследовала половую связь вне брака, «покрывая стыдом и казнью женщину падшую» [33. С. 123]. Женщину, родившую ребенка вне брака, ждал позор, бесчестие. Она презиралась, лишалась дружбы других женщин, не принималась в игры, не имела права убирать голову по-девичьи, носить девичью повязку, в посрамление ей отрезали косу [30. С. 66–67], мазали ворота дегтем, выбивали окна. Для незамужней незаконнорожденный был «предметом стыда и позора» [17. С. 526]. В ее адрес посылались позорящие оскорбления: «Аще кто зоветь чужую жену блядию» [43. С. 191]. Это слово означало «прелюбодейка, девица легкого поведения, проститутка», а наличие незаконнорожденных детей квалифицировалось как развратное поведение. Клеймо презрения также несли на себе члены семьи женщины – отец, мать, муж. Родители могли прогнать женщину из дома. Отца за допущение дочери к незаконному сожителю, в результате которого родился ребенок, могли подвергнуть наказанию розгами [30. С. 69]. Помимо стыда, ребенок для матери был обузой, мешал наняться в работницы или на заработки [35. С. 318].

В отношении незаконнорожденных детей законодатель вел политику дискриминации. Незаконнорожденные дети не являлись членами кровной семьи, не имели юридического отца, права на его отчество и фамилию, т.е. были «“неизвестно” чьими» [26. С. 479]. Как правило, им давали прозвище, которое выдавало их происхождение. Дети, родившиеся от прелюбодеяния, не имели прав на содержание со стороны родителей и не могли по закону наследовать их имущество. Незаконнорожденные дети причислялись к податному сословию; родившиеся от рекрутских жен, солдаток, солдатских вдов, их дочерей, внушек – к солдатскому сословию; родившиеся от почтовых служащих – к почтовому ведомству; дети от крепостных принадлежали владельцу матери¹. Незаконнорожденные были лишены права поступления на гражданскую службу, возможности поступать

¹ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 10. Свод законов гражданских. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. С. 23–24; Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 10. Свод законов гражданских. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. С. 24–25; Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 10. Свод законов гражданских. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. С. 139–140.

в училища, гимназии и другие учебные заведения¹, сыновья не имели права на освобождение от призыва на военную службу как единственные кормильцы престарелых матерей.

Желание женщины избежать стыда, общественного позора, избавить себя и ребенка от материальных трудностей было одним из мотивов убийства женщиной своего незаконнорожденного ребенка. Такие дети становились главными жертвами филицида. Фольклористы отмечают, что пожелание смерти незаконнорожденному ребенку даже было мотивом в колыбельных песнях: «Бай да бай, Поскорее помирай! Помри скорее! Буде хоронить веселее... Бай, бай да люли! Хоть сегодня умри» [20].

Различие в правовом положении незаконнорожденных лиц нашло отражение в нормах уголовного права. Убийство незаконнорожденного ребенка как особый вид выделялось из детоубийства и считалось смертным грехом, так как оно посягало на жизнь ребенка, нарушая законы нравственности, и лишало ребенка «благодати крещения, а через то и вечного спасения» [33. С. 123]. В самом рождении внебрачного ребенка «под влиянием религиозных взглядов видели уклонение от брачного союза» [36. С. 48].

В ст. 26 гл. 22 Уложения предусматривалась ответственность за убийство незаконнорожденных детей, прижитых «в блуде»: «А будет которая жена учнет жити блудно и скверно, и в блуде приживет с кем детей, и тех детей сама, или иной кто по ея велению погубит» [32. С. 131]. Уложение вводит смертную казнь за убийство незаконнорожденных детей: «казнить смертью безо всякия пощады, чтоб на то смотря, иные такова беззаконнаго и сквернаго дела не делали и от блуда унялися» [32. С. 131]. М.Н. Гернет отмечал, что в смертной казни законодатель видел средство для восстановления чистоты нравов [7. С. 55].

Дела об убийстве детей стали подсудны светскому суду. Изменилась мера наказания. Родители стали нести реальное наказание в виде смертной казни. К ответственности привлекалась не только мать, но и отец незаконнорожденного ребенка, а также лица, способствовавшие совершению преступления. Уложение не определяло способа смертной казни для женщины. Как указывает Г.К. Котошихин, за убийство детей женщин живыми закапывали в землю «по титки, с руками вместе и отоптывают ногами, и от того умирают того ж дни или на другой и на третьей день» [15. С. 131].

Филицид незаконнорожденных детей законодатель рассматривал как более общественно опасное деяние по сравнению с убийством законных детей. Убийство незаконнорожденных детей относилось к квалифицированному виду убийства. Убийство законнорожденных детей считалось преступлением небольшой тяжести. Согласно ст. 3 гл. 22 Соборного уложения, родители несли наказание в виде заключения в тюрьму сроком на один год, а после – публичного объявления о своем грехе [32. С. 129].

¹ О воспрещении обращать в гражданскую службу воспитанников из незаконнорожденных или неизвестного происхождения детей, находящихся в ведении Приказов Общественного Призрения: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 20.12.1837 г. № 10816 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XII. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1838. С. 1021.

4. Период существования Русского царства (1696–1721 гг.) и становления Российской империи (1721–1725 гг.). В период правления Петра I государство впервые обратило внимание на «внебрачную рождаемость», а также на проблему убийства матерью незаконнорожденных детей, которых «жены и девки... стыда ради отметывают в разные места, от чего... младенцы умирают, а иные от тех же, кои рожают, и умерщвляются»¹. В целях предотвращения детоубийств незаконнорожденных младенцев 16 января 1712 г. Петр I издал Указ № 2467, которым постановил создать специальные госпитали для их приема. Аналогичные указы были приняты Петром I 31 января 1712 г. (№ 2477) и 4 ноября 1714 г. (№ 2856). Указом № 2953 от 4 ноября 1715 г. введен тайный прием младенцев через специальное окно.

Артикул воинский 1715 г. предусматривал ответственность за убийство ребенка (сына или дочери) во младенчестве (арт. 163): «Ежели кто... своего... дитя во младенчестве... наглым образом умертвит, оного колесовать, а тело его на колесо положить, а за протчих мечем наказать»². Полагаем, под младенчеством понимался ребенок до семи лет³. Его социальный статус значения не имел. Ребенок мог быть рожден в браке или вне брака. Состав преступления являлся квалифицированным, поэтому наказание было более строгим, чем при простом убийстве – смертная казнь через колесование. Наказание смягчалось, если убийство было неумышленное, совершенное «не нарочно или не в намерении кого умертвить»⁴, а в целях «дитя наказать». Артикул не проводил разграничений между преступлениями об убийстве законнорожденных и незаконнорожденных детей. За убийство незаконнорожденного ребенка виновные несли аналогичную ответственность в виде смертной казни. В Указе от 4 ноября 1715 г. № 2953 устанавливалось, что «незаконнорождающие» матери, которые погубят младенца, «казнены будут смертию»⁵.

По артикулу уголовным преступлением считалось «сожительство» холостого мужчины и незамужней женщины вне брака, если последствием такой связи стало рождение внебрачного ребенка (арт. 176): «...пребудет с девкою, и она от него родит»⁶. Мужчина должен был предоставить средства на содер-

¹ О сделании в городах при церквах гошпиталей для приема и содержания незаконнорождаемых детей: от 04 ноября 1715 г. № 2953 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Том V. 1713–1719. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 181.

² Артикул воинский (в ред. 26.04.1715) [Электронный ресурс] // Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ: сайт. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 08.04.2025).

³ Младенец [Электронный ресурс] // Азбука Веры: сайт. URL: <https://azbyka.ru/mladenec> (дата обращения: 10.04.2025).

⁴ Артикул воинский (в ред. 26.04.1715).

⁵ О сделании в городах при церквах гошпиталей для приема и содержания незаконнорождаемых детей: от 04 ноября 1715 г. № 2953 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. V. 1713–1719. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 181.

⁶ Артикул воинский (в ред. 26.04.1715).

жание матери и внебрачного ребенка, понести наказание в виде тюремного заключения и церковного покаяния. В случае женитьбы мужчины на матери ребенка ответственность исключалась. Обязанность отца содержать внебрачного ребенка появилась в законодательстве впервые. В толковании к артикулу 176 также было сказано, что «кто с девкою пребудет, или очреватит ее, под уговором, чтоб на ней женитца»¹, тот должен сдержать обещание и жениться на забеременевшей женщине.

5. Российская империя в период существования абсолютной (1721–1906 гг.) и ограниченной монархии (1906–1917 гг.). В период правления Екатерины II (1762–1796) положение незаконнорожденных детей улучшилось. Дети, рожденные в браке, о незаконности которого не было известно их родителям, могли получить все или некоторые права законнорожденных (Высочайшая резолюция на докладе Сенатского Обер-Прокурора 9 августа 1763 г. № 11893², Именной указ от 16 февраля 1788 г. № 16627³). Проблема детоубийства незаконнорожденных детей особенно волновала Екатерину II. В ее царствование в Москве и Петербурге мертвые дети часто попадались на огородах, в лесах, реках, прудах, болотах [42. С. 22]. В целях предотвращения убийства незаконнорожденных детей 1 сентября 1763 г. императрицей был принят Манифест⁴ и утвержден Генеральный план создания Воспитательного дома для незаконнорожденных детей и детей, оставленных родителями по бедности. Однако идея Воспитательного дома только привела к злоупотреблению родительской властью: условия приема детей в такой дом давали родителям возможность отдавать не только незаконнорожденных детей, но и детей, рожденных в браке.

В период правления Александра I (1801–1825), помимо самого императора, специальный орган – Непременный совет – мог рассматривать дела об узаконении, т.е. изменении правового статуса незаконнорожденного ребенка, о причислении его к законнорожденному (мнение Государственного совета «О усыновлениях» от 13 июня 1801 г.)⁵. Незаконнорожденные дети, которые были узаконены, могли получить наследственные права (Указ «О признании

¹ Артикул воинский (в ред. 26.04.1715).

² Высочайшая резолюция на докладе Сенатского Обер-Прокурора «О разделе имений между детьми, от двух браков рожденных»: от 09.08.1763 № 11893 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XVI. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 331.

³ О допущении детей, прижитых во втором браке при жизни первой жены, к наследству, наравне с прочими детьми от первого брака: от 16.02.1788 № 16627 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXII. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 1033.

⁴ Об учреждении в Москве Воспитательного дома, с особливим госпиталем для неимущих родильниц: Манифест № 11908 от 01.09.1763 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XVI. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

⁵ О усыновлениях: Мнение Государственного совета от 13 июня 1801 г. // Архив Государственного совета: в 5 т. Т. 3. Царствование императора Александра I-го (1801–1810 гг.). СПб., 1878. Ч. 2. С. 31–35.

детей усыновленных наравне с законными во всех линиях наследования» от 11 октября 1803 г.)¹.

Изменения в правовом положении незаконнорожденных лиц находили отражение в уголовном законе. Отношение к филициду незаконнорожденных детей как квалифицированному виду убийства начало меняться. Законодатель стал учитывать мотивы, толкающие мать на филицид. Проект Уголовного уложения 1813 г. из простого убийства выделял убийство матерью младенца, когда она утаила свою беременность и родила в скрытом месте (§ 381) [4. С. 138]. Факультативными признаками объективной стороны преступления были место (укромное, секретное, скрытое) и обстановка совершения преступления (женщина скрыла, не сказала, не объявила о беременности). Виновная приговаривалась к наказанию в виде лишения свободы и чести в соответствии с § 38–40, а также церковному покаянию. Если смерть ребенка была последствием небрежности матери при родах (§ 382) [4. С. 138], то она приговаривалась к лишению свободы или телесному наказанию согласно § 59, 65. Если младенец уже рождался мертвым, скрывшая факт беременности и родов женщина подвергалась тому же наказанию, но в меньшей степени (§ 383). К ответственности привлекался и отец ребенка, если он ей содействовал или укрывал факт убийства тайно рожденного ребенка (§ 385). В статьях § 381–385 нет указаний на внебрачный статус ребенка. Полагаем, что речь идет о незаконнорожденном младенце. Только страх за свою судьбу и незаконнорожденного ребенка мог вызывать у матери решимость утаить беременность и совершить преступление в скрытом месте.

В отличие от Соборного уложения, законодатель перестал рассматривать детоубийство незаконнорожденных детей как более общественно опасное преступление. Убийство незаконнорожденных детей стало привилегированным. За убийство законных детей в п. 2 § 337 наказание было строже (кроме случая убийства при домашнем исправлении), но ниже, чем за обыкновенное убийство [4. С. 129].

В проекте была предусмотрена ответственность за истребление беременности. Согласно § 390, женщина несла наказание в виде лишения свободы и чести (по § 40) и дополнительное наказание в виде церковного покаяния. Наказанию также подвергались участвующие в таком преступлении или принуждающие к нему. Виновник беременности нес повышенную ответственность (§ 391) [4. С. 140]. На социальный статус ребенка (законнорожденный, незаконнорожденный) закон не указывал.

В период правления Николая I (1825–1855) положение незаконнорожденных детей ухудшилось. Указом императора от 23 июля 1829 г. № 3027 незаконнорожденные дети утратили право быть узаконенными в порядке, установленном ранее². Предписывалось прошения об усыновлении оставлять без рассмотрения.

¹ О признании детей усыновленных наравне с законными во всех линиях наследования: Указ от 11.10.1803 № 20980 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXVII. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 926.

² Об оставлении без уважения прошений относительно усыновления воспитанников и сопричтения к законным детям, рожденных до брака: Указ от 23.07.1829 № 3027 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. VI. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1831. С. 528.

Согласно Своду законов Российской империи (СЗРИ) 1832 г., в целях защиты сословных и наследственных прав законнорожденных лиц, аналогично Соборному уложению, в томе X «Законы гражданские» четвертый брак признавался недействительным (ст. 12 в редакции 1832 г.¹; ст. 16 в редакции 1842 г.², ст. 21 в редакции 1857 г.³). Законными признавались только церковные браки (ст. 23 в редакции 1832 г.⁴, ст. 28 в редакции 1842 г.⁵, ст. 31 в редакции 1857 г.⁶). В целях предупреждения вторых и последующих браков в паспортах купцам, мещанам, крестьянам при отлучке «на промыслы» ставили отметку, кто женат или холост, если вдов, то после какого брака.

К незаконнорожденным по тому X СЗРИ «Законы гражданские» относились дети, рожденные вне брака, даже если родители в дальнейшем вступили в брак, рожденные в незаконном браке, рожденные от прелюбодеяния (ст. 92 в редакции 1832 г.⁷, ст. 131 в редакции 1842 г.⁸). Законом от 18 ноября 1836 г. № 9713 детям, рожденным в браке, впоследствии признанным незаконным, монарх мог милостиво даровать права законнорожденных детей⁹.

В редакции 1857 г. тома X СЗРИ незаконнорожденными считались дети, если они родились вне брака, даже при вступлении в дальнейшем родителей в брак, произошли от прелюбодеяния (супружеской измены), были рождены после смерти мужа матери (после расторжения брака), если между датой смерти мужа (расторжения брака) и датой рождения ребенка прошло более 306 дней, рождены в браке, который был признан недействительным и незаконным (ст. 132 в редакции 1857 г.)¹⁰, появились на свет в браке, который был расторгнут из-за «доказанной неспособности мужа к супружескому сожитию» (ст. 134 в редакции 1857 г.)¹¹. В отличие от тома X СЗРИ в первых двух редакциях, СЗРИ 1857 г. основания признания лица незаконнорожденным дополнил новыми условиями.

СЗРИ 1832 г. в томе XV «Законы уголовные» предусматривал ответственность за убийство родителями лично или через кого-то незаконнорожденных детей, «прижитых в блуде» (ст. 674 в редакции 1832 г.¹², ст. 786 в редакции

¹ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный (далее – СЗРИ). Т. 10. Свод законов гражданских. СПб., 1832. С. 3.

² СЗРИ. СПб., 1842. Т. 10. С. 2–3.

³ СЗРИ. СПб., 1857. Т. 10. С. 4.

⁴ СЗРИ. СПб., 1832. Т. 10. С. 6.

⁵ СЗРИ. СПб., 1842. Т. 10. С. 5.

⁶ СЗРИ. СПб., 1857. Т. 10. С. 6.

⁷ СЗРИ. СПб., 1832. Т. 10. С. 23.

⁸ СЗРИ. СПб., 1842. Т. 10. С. 23.

⁹ О мерах к предупреждению многобрачия: от 18 ноября 1836 г. № 9713. (1837). Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XI. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. С. 207.

¹⁰ СЗРИ. СПб., 1857. Т. 10. С. 27.

¹¹ Там же.

¹² СЗРИ. Т. 15. Свод законов уголовных. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. С. 212.

1842 г.¹). Такое убийство не являлось ни квалифицированным, ни привилегированным. Виновные несли ответственность как за обыкновенное убийство.

СЗРИ выделял особенные виды смертоубийств (ч. 1 ст. 341 в редакции 1832 г.², ст. 372 в редакции 1842 г.³): «убийство родственное», под которым подразумевалось в том числе «чадоубийство» и «детоубийство». Впервые в законе появляется термин «детоубийство» – убийство детей в утробе матери, т.е. «плодоубийство» [33. С. 134]. Под чадоубийством понималось убийство родившегося ребенка, независимо от его возраста и того, кем из родителей совершено убийство. Особенности убийства подлежали такому же наказанию, как за простое убийство (ст. 342 в редакции 1832 г.⁴, ст. 373 в редакции 1842 г.⁵). Закон приравнивал детоубийство и простое убийство.

Предусматривалась уголовная ответственность неженатого мужчины за половую связь с незамужней женщиной, во время которой родился ребенок. Мужчина обязан был в зависимости от своих возможностей обеспечить содержание женщины и внебрачного ребенка. Кроме того, он подвергался тюремному заключению и церковному покаянию. Мужчина освобождался от ответственности только в том случае, если вступал в брак с матерью ребенка (ст. 669 в редакции 1832 г.⁶, ст. 781 в редакции 1842 г.⁷).

Также была предусмотрена ответственность неженатого мужчины за обольщение незамужней женщины обещанием на ней жениться, если в результате такой связи последняя забеременела. В этом случае виновный должен был исполнить свое обещание (ст. 670–673 в редакции 1832 г.⁸, ст. 782–785 в редакции 1842 г.⁹).

В 1845 г. было утверждено Уложение о наказаниях уголовных и исправительных¹⁰, которое вошло в том XV «Законы уголовные» СЗРИ. Уложение устанавливало ответственность матери:

– за предумышленное убийство незаконнорожденного ребенка при его рождении, «совершенное от стыда или страха» (п. 2 ч. 2 ст. 1922 в редакции 1845 г.¹¹, п. 2 ч. 2 ст. 1451 в редакции 1885 г. [34. С. 653–654]). Состав преступления был привилегированный. Наказание уменьшалось на три степени по сравнению с обычным убийством. Закон довольно точно определял возраст ребенка. Если мать убивала ребенка на другой день, то такое убийство считалось без смягчения [17. С. 526]. Но если женщина ранее была виновна за аналогичное преступление, она подлежала наказанию, как за простое убийство;

¹ СЗРИ. СПб., 1842. Т. 15. С. 160.

² СЗРИ. СПб., 1832. Т. 15. С. 119.

³ СЗРИ. СПб., 1842. Т. 15. С. 81.

⁴ СЗРИ. СПб., 1832. Т. 15. С. 119–120.

⁵ СЗРИ. СПб., 1842. Т. 15. С. 81–82.

⁶ СЗРИ. СПб., 1832. Т. 15. С. 211.

⁷ СЗРИ. СПб., 1842. Т. 15. С. 160.

⁸ СЗРИ. СПб., 1832. Т. 15. С. 211–212.

⁹ СЗРИ. СПб., 1842. Т. 15. С. 160.

¹⁰ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1845.

¹¹ Там же. С. 742.

– непредумышленное (неумышленное) убийство незаконнорожденного ребенка при его рождении по внезапному умыслу, если женщина была «незамужняя и разрешилась от бремени в первый раз» (п. 3 ч. 2 ст. 1922 в редакции 1845 г.¹, п. 3 ч. 2 ст. 1451 в редакции 1885 г. [34. С. 654]). Убийство считалось привилегированным видом лишения жизни. Обстоятельствами, смягчающими наказание, кроме «стыда и страха», были непредумышленность, отсутствие замужества и то, что женщина рожала первый раз. Указание только этих мотивов не имело исчерпывающего характера. Закон допускал при детоубийстве и иные мотивы, «принимая за основание смягчения наказания и особое соматическое состояние» рожавшей женщины [36. С. 51].

Впервые уголовный закон к смягчающим обстоятельствам относил мотивы женщины-детоубийцы, толкнувшие ее на совершение преступления, а также ненормальное психическое состояние женщины в момент совершения преступления [33. С. 115]. В пояснении к ст. 1451 в проекте Уложения указывалось: «Мы... признали необходимым смягчить наказание в том случае, когда женщина убивает своего незаконнорожденного младенца, при самом его рождении, от стыда или страха. Положение виновной в том женщины есть необыкновенное, и часто она, терзаемая стыдом, страхом, угрызениями совести и изнуренная телесными страданиями, почти лишается рассудка и, следовательно, покушается на ужасное преступление без ясного об оном пред самой собою сознания» [17. С. 526]. Внебрачный новорожденный ребенок должен был находиться вне утробы матери и родиться живым [36. С. 50]. Социальный статус женщины (в браке или вне брака) значения не имел. Статья могла применяться и к замужним женщинам, виновным в убийстве незаконнорожденных детей;

– неосторожное детоубийство матерью незаконнорожденного ребенка «от стыда или страха» при его рождении путем оставления ребенка без помощи, в результате чего младенец лишился жизни (ч. 1 ст. 1931 в редакции 1845 г.², ч. 1 ст. 1460 в редакции 1885 г. [34. С. 659]);

– ответственность за сокрытие матерью, «волнуемой стыдом или страхом», трупа незаконного мертворожденного младенца (ч. 2 ст. 1931 в редакции 1845 г.³, ч. 2 ст. 1460 в редакции 1885 г. [34. С. 659]). Закон имел в виду не только сокрытие трупа доношенного мертворожденного младенца, но и сокрытие тела ребенка, когда он родился живым, но умер сразу после родов [34. С. 659], сокрытие остатков выкидыша [33. С. 241]. Максимальный срок наказания для виновной – восемь месяцев тюремного заключения. Необходимым условием привлечения к уголовной ответственности являлась «незаконнорожденность» ребенка, так как в ч. 1 ст. 1460 содержалось указание на «оставление без помощи незаконнорожденного ребенка», а ч. 2 ст. 1460 содержала фразу «если однакож» и указывала на «мотивы стыда и страха», заставляющие виновную принять указанное решение [33. С. 241–242]. На практике по делам о дето-

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 741–742.

² Там же. С. 746–747.

³ Там же. С. 747.

убийстве установить точную причину смерти новорожденного было невозможно. Ситуация изменилась, когда в делах о детоубийстве начали проводить судебно-медицинские экспертизы, способные определить, был ли умерший ребенок жизнеспособным или мертвым. В связи с этим запрещалось до медицинского осмотра предавать земле найденное мертвое тело новорожденного младенца в случаях, когда есть подозрение в умышленном умерщвлении и изгнании плода (п. «е», «ж» ст. 918 Устава медицинской полиции).

Уложение о наказаниях предусматривало ответственность за сожительство холостого мужчины и незамужней женщины, если последствием такой внебрачной половой связи было рождение ребенка (ст. 1289 в редакции 1845 г.¹, ст. 994 в редакции 1885 г.) [34. С. 506]. Мужчина нес наказание в виде церковного покаяния, а также обязан был содержать внебрачного ребенка и его мать. Обязанность жениться на женщине и наказание в виде тюремного заключения были исключены. Отец ребенка нес такую же ответственность в случае, когда женщина была изнасилована отцом ребенка, впоследствии забеременела и родила (ст. 663 тома X СЗРИ в редакции 1857 г.)² или когда женщина родила в недействительном браке, в который вступила по принуждению или обману со стороны отца ребенка (ст. 666 тома X СЗРИ в редакции 1857 г.)³.

Уложение о наказаниях предусматривало следующие составы преступлений, в которых обстоятельство зачатия ребенка в браке или вне брака значения на квалификацию не имело:

- искусственное прерывание женщиной беременности, «плодоубийство», «истребление плода». К ответственности также привлекались лица, помогавшие ей в этом (ч. 1 ст. 1933 в редакции 1845 г.⁴, ч. 1 ст. 1462 в редакции 1885 г. [34. С. 660]). Виновная лишалась всех званий и состояний и ссылалась на поселение в Сибирь или получала тюремный срок до 6 лет;

- искусственное прерывание беременности, если женщина ранее была виновна в таком преступлении (ст. 1934 в редакции 1845 г.⁵, ст. 1463 в редакции 1885 г. [34. С. 660]). В этом случае наказание для женщины усиливалось одной степенью;

- убийство новорожденного ребенка-урода «чудовищного вида», не имеющего «человеческого образа» (ст. 1940 в редакции 1845 г.⁶, ст. 1469 в редакции 1885 г. [34. С. 664]). Такое убийство закон относил к привилегированным составам преступления. Законодатель исходил из того, что такой ребенок внушает родителям не любовь, а ужас, стыд иметь такого ребенка, страх содрать чудовище [17. С. 528].

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 523.

² СЗРИ. Т. 10. Свод законов гражданских. СПб., 1857. С. 128.

³ Там же. С. 129.

⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 748.

⁵ Там же. С. 748–749.

⁶ Там же. С. 752.

В Уголовном уложении 1903 г. была предусмотрена ответственность матери за убийство ребенка при его рождении, если ребенок был прижит женщиной вне брака (ст. 461). Закон относил такое убийство к привилегированному виду убийств. Женщина несла наказание в виде заключения в исправительном доме. Убийство матерью законнорожденного ребенка относилось к квалифицированному убийству и наказывалось каторгой без срока (пожизненной) или на срок не ниже десяти лет (ст. 455). Уложением также была предусмотрена ответственность женщины за умерщвление своего плода (ст. 465). Зачат был ребенок в браке или вне брака, значения не имело.

До XIX в. в Российской империи наблюдался рост числа незаконнорожденных детей, причем преимущественно в сельской местности. В 1859–1863 гг. в городе рождалось 26%, в деревне – 74% внебрачных детей [19. С. 172], в 1910 г. этот показатель составил 41% и 59% соответственно. К середине XIX в. женщин с внебрачными детьми насчитывалось около 260 тыс. Такое положение дел под влиянием политических, экономических, социальных факторов вынуждало законодателя принимать меры по изменению правового статуса незаконнорожденных лиц – предоставлять им некоторые права.

Закон «О детях узаконенных и усыновленных»¹ от 12 марта 1891 г. № 7525 дал возможность узаконить рожденных до брака детей через последующий брак их родителей (кроме детей, произошедших от прелюбодеяния). Вступившие в брак родители могли обратиться в суд с просьбой об узаконении детей². По ходатайству перед императором за детьми от недействительных браков возможно было сохранение прав законных детей³.

Закон «Об утверждении Правил об улучшении положения незаконнорожденных детей»⁴ от 3 июня 1902 г. № 21566 заменил термин «незаконный» на термин «внебрачный» и позволил признавать законными детей, рожденных от недействительных браков (ст. 131), узаконение детей, произошедших от прелюбодеяния (ст. 144)⁵, присвоение ребенку фамилии матери с ее согласия, а также согласия отца, если он находился в живых (ст. 132)⁶. Закон также установил обязанность отца предоставлять на содержание внебрачного ребенка средства в случае отсутствия или недостаточности их у матери (ст. 132). За незаконнорожденными предусматривалось право наследования, но только приобретенного имущества матери (ст. 132). Право на наследование по закону родового имущества родителей предоставлено не было. Закон отменил ст. 994

¹ О детях узаконенных и усыновленных: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 12.03.1891 № 7525 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XI. СПб.: Гос. тип., 1894. С. 111.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Об утверждении Правил об улучшении положения незаконнорожденных детей: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 03.06.1902 № 21566 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Отд. 1. Т. XXII. 1902. СПб.: Государственная типография, 1904. С. 492.

⁵ Там же. С. 494.

⁶ Там же. С. 493.

Уложения о наказаниях от 1845 г., ст. 136 тома X СЗРИ, исключил ст. 132, 137 из тома X СЗРИ.

Несмотря на некоторые улучшения в правовом положении незаконнорожденных лиц, наделение их личными и имущественными правами, полного равенства между законными и внебрачными детьми не было достигнуто. К уменьшению числа убийств внебрачных детей это не привело. К концу XIX в. детоубийство продолжало быть самым распространенным женским преступлением в России. Исследователи отмечали, что в период «с 1835 по 1846 г. за детоубийство было сослано в Сибирь со всей России 737 человек, в том числе 697 женщин, в среднем 61 человек в год» [19. С. 201]. С 1874 по 1883 г. ежегодно к ответственности в среднем привлекалось 96, с 1899 по 1906 г. – 194, в 1913 г. – 397 женщин [19. С. 201]. Осужденные за детоубийство на 95–99 % состояли из женщин. За прерывание беременности было привлечено к уголовной ответственности в 1873 г. 7 мужчин и 10 женщин, в 1892 г. – 3 и 16, в 1913 г. – 34 и 210 соответственно [19. С. 185]. В 1897–1906 гг. в России за истребление плода в среднем в год осуждалось 8 женщин, в 1910–1916 гг. – от 20 до 51, обвинялось в 2,5 раза больше [19. С. 22]. М.Н. Гернет указывал, что чаще виновными вытравления зачатого вне брака плода были девушки из обеспеченного класса. Они имели возможность обратиться к акушеркам, занимавшимся за плату тайными родами и бравшими потом на себя обязанности по отдаче ребенка на воспитание кормилицам или в воспитательные дома [7. С. 126–127].

6. Советский союз (1918–1991 гг.). Кардинальные изменения в правовом положении внебрачных детей произошли только с приходом советской власти. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, детях и о ведении книг актов гражданского состояния»¹ религиозный брак был отменен. Действительными стали считаться только зарегистрированные гражданские (светские) браки (п. 1). Внебрачные дети были уравнены с брачными, получили равные права с детьми, рожденными в браке (п. 10).

Первые советские семейные кодексы (Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г.² (далее – КЗАГС 1918 г.), Кодекс законов о браке, семье и опеке от 19 ноября 1926 г.³ (далее – КЗоБСО 1926 г.), Кодекс о браке и семье 1969 г.⁴ (далее – КоБС 1969 г.)) закрепляли аналогичные положения о юридической силе только гражданского (светского) брака, зарегистрированного в отделе ЗАГС (ст. 52 КЗАГС 1918 г., ст. 10 КЗоБСО 1926 г., ст. 6 КоБС 1969 г.), и о равенстве внебрачных детей с детьми, рожденными в браке (ст. 133 КЗАГС 1918 г., ст. 25

¹ О гражданском браке, детях и о ведении книг актов гражданского состояния: Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 18.12.1917 // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160.

² Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве: принят ВЦИК от 16.09.1918 // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818.

³ О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке (вместе с Кодексом): Постановление ВЦИК от 19.11.1926 // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

⁴ Кодекс о браке и семье РСФСР: утв. ВС РСФСР 30.07.1969 // Ведомости ВС РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1397.

КЗоБС 1926 г.). КЗоБСО 1926 г. признавал браком и фактические брачные отношения, «сожителство» (ст. 3).

В отношении внебрачного ребенка кодексы предусматривали установление отцовства:

1) добровольное (ст. 140–143 КЗАГС 1918 г., ст. 28–29 КЗоБСО 1926 г., ст. 47 КЗоБСО 1969 г.), когда мать имела право подать в отдел ЗАГС заявление об установлении отцовства независимо от того, состояла она в браке с отцом ребенка или нет. Отцовство считалось установленным, если лицо, указанное матерью в качестве отца, не оспорило отцовство в суде;

2) судебное (ст. 141–144 КЗАГС 1918 г., ст. 30–32 КЗоБСО 1926 г., ст. 48 КЗоБСО 1969 г.) – по заявлению матери или отца. По КЗАГС 1918 г. возможно было установление «коллективного отцовства», если суд устанавливал, что лицо, указанное отцом, было в близких отношениях с матерью ребенка «одновременно» с другими мужчинами, последние привлекались в качестве ответчиков, обязанность участвовать в расходах, связанных с беременностью, родами, содержанием ребенка, возлагалась на всех (ст. 144).

Равенство в правовом положении всех детей без какой-либо дискриминации нашло свое отражение в нормах уголовного права. Советские уголовные кодексы не выделяли филицид незаконнорожденного ребенка как особый вид детоубийства в отдельный состав. Жизнь рожденных в браке или вне брака детей уголовным законом ценилась одинаково.

По Уголовному кодексу РСФСР 1922 г. (далее – УК РСФСР 1922 г.)¹ убийство родителями детей квалифицировалось по п. «д» ст. 142 как умышленное убийство, совершенное «лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом», и п. «е» ст. 142 «с использованием беспомощного положения убитого». Филицид законодатель относил к квалифицированному виду убийства. Виновные несли наказание в виде лишения свободы на срок не менее 8 лет. При этом «совершение деяния в отношении лица, находившегося на попечении, или лица особо беспомощного по возрасту» являлось отягчающим обстоятельством (декрет ВЦИК и СНК от 11 августа 1924 г.).

Отметим, что зачатый ребенок перестал относиться к наиболее значимым, охраняемым интересам общества. В 1920 г. РСФСР стала первой страной в мире, которая легализовала бесплатные аборты в условиях больниц (Постановление Народного комиссариата здравоохранения и Народного комиссариата юстиции от 18 ноября 1920 г. № 90 «Об абортах»). УК РСФСР 1922 г., в отличие от ранее действовавшего закона, уже не предусматривал ответственности матери за искусственное прерывание беременности.

По Уголовному кодексу РСФСР 1926 г. (далее – УК РСФСР 1926 г.)² детоубийство квалифицировалось по п. «д» ст. 136 как «умышленное убийство,

¹ О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. (ред. от 25.08.1924) // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

² О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. в ред. 1926 г. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

совершенное лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом» или по п. «е» ст. 136 как убийство, совершенное «с использованием беспомощного положения убитого». Состав преступления был квалифицированный. Виновный подвергался наказанию в виде лишения свободы на срок до 15 лет или смертной казни (в ред. Постановления ВЦИК, СНК РСФСР от 20 мая 1930 г., Указа Президиума Верховного Суда РСФСР от 27 апреля 1959 г.).

На практике суды строго наказывали мужчин-детоубийц, но смягчали наказание матерям, убившим своих детей. Уголовно-кассационная коллегия (УКК) Верховного Суда РСФСР в инструктивном письме от 22 ноября 1926 г. отметила, что убийство новорожденного ребенка матерью в большинстве случаев вызвано такими факторами, как материальная нужда, чувство стыда, психическое расстройство, которое осложняется родами, сложной обстановкой [8. С. 262–263]. Судам было предписано назначать наказание в виде лишения свободы на минимальные сроки или применять условное осуждение, когда мать впервые совершает преступление, связанное с указанными причинами [8. С. 262–263]. Учитывая такие обстоятельства, как «стыд» и «влияние среды», смягчение наказания было возможно только при условии низкого культурного уровня матери. Культурной матери, совершившей преступление при благоприятных условиях, наказание не смягчалось [8. С. 262–263]. Впоследствии в инструктивном письме от 1928 г. УКК Верховного Суда РСФСР было указано, что при назначении наказания матерям-детоубийцам суды должны учитывать все смягчающие обстоятельства. В 1935 г. позиция законодателя изменилась на диаметрально противоположную. Верховный Суд и Народный комиссариат юстиции РСФСР считали, что применение условного осуждения или других мягких мер наказания по вышеперечисленным факторам недопустимо и рекомендовали судам ужесточить наказание за детоубийство (Циркуляр от 27 августа 1935 г. № 03/58)¹.

В результате, если в Московской области с 1925 по 1927 г. 59% женщин-детоубийц получили условное наказание, 39% – лишение свободы на срок до 2 лет, 2% – на срок свыше 2 лет, то в первой половине 1936 г. только 8% получили условное наказание, 85% – лишение свободы, из которых 42% – на срок от 2 до 5 лет, а 39% – от 5 до 10 лет [28].

Примечательно, что в 1924 г. (после двух лет легализации абортов) на аборт ввели ограничения. Стали создаваться специальные «абортные комиссии», которые выдавали разрешение на бесплатный аборт в порядке строгой очередности. Одними из первых в очереди были безработные матери-одиночки и работающие матери-одиночки, имеющие одного ребенка. С 1930 г. аборт стал платным. В 1935 г. в СССР прекратилось производство контрацептивов. 27 июня 1936 г. принято постановление ЦИК и СНК СССР о запрещении абортов. В УК РСФСР 1926 г. были внесены соответствующие изменения. Согласно ст. 140, запрещалось производство любых абортов, кроме проводимых по медицинским показаниям (ст. 140 в ред. Постановления ВЦИК, СНК РСФСР от 10 мая 1937 г.).

¹ О карательной политике по делам о детоубийстве и об ответственности родителей за оставление без помощи детей: Инструктивное письмо Верховного Суда РСФСР от 27.08.1935 № 03/58 // Советская юстиция. 1935. № 30. С. 11.

Впервые в ст. 140-б устанавливалась ответственность для женщины за проведение аборта (ст. 140-б введена Постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 10 мая 1937 г.). В случае совершения преступления в первый раз женщина несла наказание в виде общественного порицания, при повторном нарушении – штраф до 300 руб. (запрет абортот был отменен только Указом Президиума Верховного Суда СССР от 23 ноября 1955 г.). Были созданы специальные кабинеты по борьбе с абортами, которые получали от медицинских комиссий список женщин, которым было отказано в проведении аборта с целью организации над такими женщинами «патроната» (инструкция Народного комиссариата здравоохранения СССР от 25 октября 1939 г.).

Принятые законодателем меры не вели к снижению феттицида, а только способствовали росту детоубийств и неестественной смерти среди младенцев. В городах в 1935 г. было зафиксировано 194 случая убийств младенцев, в 1936 г. – 307, в 1937 – 367. От неестественных причин в 1940 г. погибли 1,4 тыс. младенцев [28]. Доля убийств младенцев в общем числе зарегистрированных убийств за период с 1934 по 1940 г. увеличилась с 5,8% до 14,3% [28]. Кроме того, возросло число нелегальных абортот и самоабортот. В 1939 г. медицинской статистикой было зарегистрировано более 464 тыс. абортот, из которых свыше 90% были проведены вне медицинских учреждений, т.е. являлись незаконными. В 1940 г. зафиксировано уже свыше 491 тыс. абортот, из которых 445 тыс. также были выполнены вне лечебных заведений [12. С. 108].

В 1944 г. положение внебрачных детей существенно ухудшилось. Законодатель отказался от ранее провозглашенного принципа равенства прав детей, рожденных в браке и вне брака. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. фактические браки были отменены (п. 19)¹; судебное отцовство не допускалось, отменено право матери на обращение в суд с иском о взыскании алиментот на ребенка от лица, с которым она не состоит в браке (п. 20); в графе «отец» свидетельства о рождении внебрачного ребенка ставился прочерк. Впоследствии Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г.² было разрешено признание отцовства внебрачного ребенка, если мужчина вступил в брак с его матерью после рождения ребенка (п. 3). Такая «юридическая безотцовщина» просуществовала до принятия КЗоБСО 1969 г. Но все равно требовались доказательства признания мужчиной своего отцовства и нахождения ребенка на его иждивении.

Следствием таких мер явилось увеличение числа внебрачных детей. Так, в 1944 г. в РСФСР было зарегистрировано 133,2 тыс. рождений детей, в актах о рождении которых не содержалось сведений об отце, а в 1945 г. это число возросло до 345,4 тыс. [12. С. 114]. Одновременно наблюдался рост числа

¹ Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 // Ведомости Верховного совета СССР. 1944. № 37.

² О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14.03.1945 // Ведомости Верховного совета СССР. 1945. № 15.

абортов. Если в 1940 г. в городах РСФСР на каждые 100 беременностей приходилось 24 аборта, то в 1944 г. этот показатель достиг 31 [12. С. 114–115]. При этом большинство абортов были незаконными. В 1944 г. в городах РСФСР было зарегистрировано 168 тыс. операций по прерыванию беременности, из которых 87% – криминальные [12. С. 114].

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.¹ (далее – УК РСФСР 1960 г.) не содержал отдельной статьи для квалификации убийства матерью ребенка. В ст. 102 «Умышленное убийство при наличииотячающих обстоятельств» отсутствовали такие квалифицирующие признаки, как предусмотренные пунктом «д» ст. 142 УК РСФСР 1922 г. и п. «д» ст. 136 УК РСФСР 1926 г. («нарушение обязанности особой заботы о потерпевшем»). Детоубийство по УК РСФСР 1960 г. квалифицировалось по ст. 103 как простое убийство, совершенное без отягчающих обстоятельств. При наличии таких обстоятельств, как корысть, особая жестокость, рецидив и т.д., содеянное квалифицировалось по ст. 102 УК РСФСР как умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. В соответствии со ст. 38 УК РСФСР 1960 г., обстоятельством, смягчающим ответственность, считалось «совершение преступления вследствие стечения тяжелых личных или семейных обстоятельств». На практике суды довольно широко интерпретировали это положение, снижая наказание за детоубийство. Так, в 1963 г. 64% осужденных получили лишение свободы на срок более 3 лет (в том числе 21% – на срок более 5 лет); 34% – наказание ниже низшего предела (менее 3 лет). Из числа женщин, осужденных на срок более 3 лет, 64% были помилованы и освобождены в течение первого года отбывания наказания, 36% – на втором и третьем году [2].

7. Российская Федерация (с 1991 г.). В действующем законодательстве Российской Федерации отсутствуют термины «незаконнорожденное лицо» и «внебрачный ребенок». Закон признает права детей внебрачного рождения без какой-либо дискриминации. В отношении детей, рожденных в браке, действует презумпция отцовства. Отцом ребенка признается супруг матери ребенка, регистрация рождения производится на основании свидетельства о браке. В случаях, когда родители не являются супругами, запись об отце осуществляется добровольно, на основании совместного заявления отца и матери ребенка (ст. 48 Семейного кодекса РФ 1995 г.²), в судебном порядке (ст. 49) или в порядке особого производства в отношении умершего отца (ст. 50). В отличие от ранее действовавшего законодательства, для установления отцовства достаточно любых доказательств, с достоверностью подтверждающих происхождение ребенка от отца. В случае установления отцовства дети, родившиеся вне брака, обладают таким же объемом прав и обязанностей по отношению к родителям, как и дети, родившиеся в браке (ст. 53).

¹ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости Верховного совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

² Семейный кодекс Российской Федерации. № 223-ФЗ от 29.12.1995 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

Равенство в правовом статусе всех детей без какой-либо дискриминации нашло свое отражение в УК РФ 1996 г. Уголовный закон защищает жизнь всех детей одинаково, независимо от того, состоят родители ребенка в браке или нет. Ответственность за неонатид в УК РФ предусмотрена в ст. 106 Особенной части. В диспозиции ст. 106 УК РФ выделяются четыре самостоятельных состава убийства матерью новорожденного ребенка: 1) во время родов; 2) сразу же после родов; 3) в условиях психотравмирующей ситуации; 4) в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Убийство матерью новорожденного ребенка законодатель относит к привилегированным составам. В определенных законом случаях мать-детоубийца может быть освобождена от уголовной ответственности (ст. 76 УК РФ). Когда в деянии женщины нет всех признаков состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, действия матери квалифицируются по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ как «убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека». Такое преступление считается совершенным при отягчающих обстоятельствах. По п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ также надлежит квалифицировать убийство ребенка его отцом. В качестве отягчающего наказания обстоятельства признается совершение убийства родителем (п. «п» ч. 1 статьи 63 УК РФ). Социальный статус родителей ребенка (семейное положение) для квалификации преступления значения не имеет. Потерпевшими по п. «в» ч. 2 ст. 105 и ст. 106 УК РФ могут быть как дети, рожденные в законном браке, так и дети вне брака.

Применительно к теме исследования интерес представляет такой обязательный признак объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, как неонатид в условиях психотравмирующей ситуации. Термин «психотравмирующая ситуация» в законе не дефинируется. Это оценочное понятие, его содержание уточняется в процессе правоприменения путем оценки всех обстоятельств дела. Под психотравмирующей ситуацией следует понимать являющееся детерминантом событие (набор обстоятельств), вызванное беременностью и/или родами, которое негативно воздействует на психику женщины, снижая в момент совершения преступления ее способность осознавать свои деяния или руководить ими. На практике суды к внешним факторам, которые выступают детерминантами развития психотравмирующей ситуации, относят следующее: «беременность вне брака», «травля со стороны близких родственников за внебрачную беременность», «стыд перед окружающими за рождение ребенка вне брака». Полагаем, перечисленные обстоятельства не могут рассматриваться как основание понижения уголовной ответственности. Очевидно, что на одни и те же события люди реагируют по-разному. На восприятие ситуации влияют не только социально-ценностные установки оценивающего, но и различные обстоятельства, в которых находится индивид в определенное время. Поэтому сами по себе эти факторы могут быть не связаны с психическим расстройством у матери-детоубийцы и не оказывать негативное воздействие на ее психику. Необходимо установить негативное влияние этих обстоятельств на психику матери-детоубийцы, причинно-следственную связь – возникновение психотравмирующей ситуации у матери в связи с «внебрачной беременностью», «рождением ребенка вне брака». Оценить влияние этих причин

на психическое состояние матери возможно путем проведения специальной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Кроме того, оценивать психотравмирующую ситуацию необходимо не только исходя из эмоций и чувств матери (того, как она «переживает» психотравмирующую ситуацию), но и с учетом общепринятых морально-нравственных норм.

Закон не делает различий между детьми, рожденными в браке и вне брака. Проведенные социологические исследования показывают, что современное общество толерантно относится к внебрачным связям, к рождению детей вне брака, детям без отца и матерям-одиночкам. Ежегодно количество детей, рожденных вне брака, составляет 22–24% от общего количества новорожденных. 52% таких детей регистрируют в органах ЗАГС по совместному заявлению родителей, т.е. внебрачные дети признаются своими родителями. Это указывает на то, что за ростом доли внебрачных детей стоит фактическое сожительство родителей без регистрации официального брака. Более того, 51,6% не считают регистрацию брака необходимым условием создания семьи, 65% считают, что формирование семьи возможно в условиях сожительства [З. С. 16], 56,3% отрицают необходимость принятия государственных мер, направленных на сокращение практики сожительства [37].

В отличие от современного общества, рост количества внебрачных рождений законодатель традиционно относит к кризису института семьи. Стратегией национальной безопасности от 2021 г.¹, Основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей от 2022 г. к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относится «крепкая семья»². При этом законодатель содержание такой традиционной ценности не разъяснил. Концепция государственной семейной политики до 2025 г. к традиционным семейным ценностям относит «брак как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения... детей, их совместного воспитания... характеризующийся совместным бытом»³. Концепция демографической политики на период до 2025 г. устанавливает, что решение задачи по укреплению семьи включает в себя «пропаганду ценностей семьи, имеющей нескольких детей, в целях формирования в обществе позитивного образа семьи со стабильным зарегистрированным браком супругов»⁴. Учитывая вышеизложенное, представляется, что государством задан вектор на укрепление официального брака и рождение детей в нем. Эта установка делает

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27-П. Ст. 5351.

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

³ Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 № 1618-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 35. Ст. 4811.

⁴ Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 42. Ст. 5009.

недопустимыми такие семейные формы, как «неполная семья», «мать-одиночка», «семьи с внебрачными детьми» или «семьи без детей». «Внебрачная рождаемость» все чаще становится объектом исследования социологии, демографии, психологии, педагогики, медицины и других наук. «Феномен внебрачной рождаемости», «внебрачная рождаемость как социальная проблема», «внебрачная рождаемость как медико-социальная проблема» – так звучат заголовки научных публикаций ряда исследователей. Создается впечатление, что государству важен не каждый ребенок, а только рожденный в браке; внебрачные же дети являются проблемой для государства, препятствием в борьбе за сохранение «крепкой семьи», «традиционных семейных ценностей». Очевидно, политика дифференциации детей на «брачных» и «внебрачных» и популяризация этой темы формируют негативное отношение к детям, рожденным вне брака, и матерям-одиночкам. Кроме того, существует вынужденная внебрачная рождаемость: смерть мужчины, несостоявшийся брак, гендерная диспропорция (в Российской Федерации 67 717 330 мужчин, 78 485 548 женщин). Полагая, семейная политика государства должна быть направлена не на борьбу с «внебрачной» рождаемостью, а на устранение социальных причин, по которым родители ребенка отказываются регистрировать брак.

Выводы. Эволюция уголовной ответственности родителей за убийство незаконнорожденных детей прошла долгий путь. Политика церкви и государства, направленная на защиту моногамного законного брака и рожденных в нем детей, привела к делению детей на «законных» и «незаконнорожденных». Вплоть до XX в. в отношении незаконнорожденных лиц велась политика дискриминации. Такие лица были ущемлены в гражданских, политических, социально-экономических правах по сравнению с законнорожденными лицами. Указанные обстоятельства формировали негативное отношение к незаконнорожденным детям в обществе и являлись главным мотивом филицида. Убийство незаконнорожденного ребенка как особый вид выделялось из детоубийства. Данное деяние законодатель рассматривал как более общественно опасное, относил его к квалифицированному виду убийств. Уголовно-правовые запреты были направлены не на защиту жизни этих детей, а на защиту существующих общественных отношений: законного брака и законнорожденных детей, укрепление положения дворянства, сохранение «чистоты рода» как опоры самодержавия. В начале XX в. статус «внебрачное лицо» как правовая категория был ликвидирован, внебрачные дети были уравнены в правах с брачными. Рождение ребенка вне брака перестало быть общественно опасным деянием, возможным причинить вред общественным отношениям. Уголовным законом филицид незаконнорожденного ребенка был декриминализован. Закон стал защищать жизнь всех детей одинаково.

Литература

1. «А се грехи злые, смертные...». Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.) / под ред. Н.Л. Пушкаревой. М.: Ладомир, 1999. 860 с.
2. Антонян Ю.М., Гончарова М.В., Кургузкина Е.Б. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы // Lex russica. 2018. № 3. С. 94–114. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.136.3.094-114.

3. Балявина П.А., Данилова М.Р. Ценности в сфере брачно-семейных отношений в условиях современных трансформаций общества // Цифровая социология. 2024. Т. 7, № 2. С. 13–18.
4. Безверхов А.Г., Коростелев В.С. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2013. 192 с.
5. Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М.: Кучково поле, 2011. 704 с.
6. Войнилова И.Г. Правовая политика Российской империи 30–50-х годов XIX века в отношении незаконнорожденных лиц // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12-1(50). С. 47–50.
7. Гернет М.Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М.: тип. Имп. Моск. ун-та, 1911. 318 с.
8. Гидулянов П.В. Кодекс законов о браке, семье и опеке. Ленинград: Рабочий суд, 1927. 308 с.
9. Дубовик А.С. Установление психотравмирующей ситуации при убийстве матерью новорожденного ребенка // Вестник науки и образования. 2019. № 16 (70). С. 41–45.
10. Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь: со внесением в него важнейших древнерус. слов и выражений. М.: Тип. Вильде, 1900. 1120 с.
11. Исаев М.А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до Соборного Уложения царя Алексея Михайловича (IX–XVII вв.). М.: Статут, 2017. 119 с.
12. Исупов В.А. Рождаемость и брачность в условиях военного времени (тыловое население РСФСР), 1939–1945 гг. // Глобальные вызовы демографическому развитию: сборник научных статей: в 2 т. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2022. Т. 1. С. 105–117.
13. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. М.: Наука, 1989. Т. 1. 637 с.
14. Коваленко П.В. Постановка на учет в женской консультации на ранних сроках беременности как одна из мер профилактики детоубийств // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 3. С. 353–358. DOI: 10.24412/1999-6241-2023-394-353-358.
15. Котошихин Г.О. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Издание Археографической комиссии, 1884. 196 с.
16. Летопись по Ипатскому списку. СПб.: Издание археографической комиссии, 1871. 616 с.
17. Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Скоропечатня Ю.О. Шредера, 1871. 704 с.
18. Лукичев О.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. 179 с.
19. Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 568 с.
20. Паутова Н. Забытые мотивы материнского фольклора // Развитие личности. 2010. № 3. С. 71–83.
21. Повесть временных лет. СПб.: Вита Нова, 2012. 512 с.
22. Потепалов Д.В. Права внебрачных детей в царской России // Высшее образование сегодня. 2015. № 1. С. 74–76.
23. Пушкирева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. 381 с.
24. Пушкирева Н.Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М.: Ломоносовъ, 2011. 216 с.
25. Пчелкина Е.В., Мальшиева Е.В. Криминологический портрет личности матери, осужденной за убийство своего новорожденного ребенка в России // Российский следователь. 2019. № 12. С. 63–66.
26. Розанов В.В. Семейный вопрос в России. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1903. Т. 2. 516 с.
27. Русская правда (пространная редакция) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб.: Наука, 1997. С. 496–517.
28. Сакевич В.И. Что было после запрета аборта в 1936 году [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2005. № 221–222. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/reprod01.php> (дата обращения: 05.04.2025).
29. Сафуанов Ф.С., Сарычева Ю.А. Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка) // Психология и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 193–207. DOI: 10.17759/psylaw.2021110214.

30. Смирнов А.Г. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М.: Университетская типография (М. Катков), 1877. 259 с.
31. Смирнова Н.Б. Криминалистический и социально-психологический анализ личности женщины, совершившей детоубийство // Наука молодых: сб. науч. ст. участников XIII Всерос. науч.-практ. конф., Арзамас, 26–27 ноября 2020 г. Арзамас: Арзамасский филиал Нац. исслед. Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 536–539.
32. Соборное Уложение 1649 г.: текст, комментарии / под ред. А.Г. Манькова. Л.: Наука, 1987. 448 с.
33. Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1871. Т. 2. 422 с.
34. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 9-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. 925 с.
35. Тарновская П.Н. Женщины-убийцы. Антропологическое исследование. СПб.: Т-во худож. печати, 1902. 512 с.
36. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная: Посягательства личные и имущественные. 2-е изд., пересмотр. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1893. 433 с.
37. Циткилов П.Я. Трансформации института семьи в восприятии студенческой молодежи Юга России // Регионология. 2024. Т. 32, № 1. С. 163–181. DOI: 10.15507/2413-1407.126.032.20-2401.163-181.
38. Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М.: Юрид. изд-во, 1948. 511 с.
39. Шевченко А.В. Криминологическая характеристика личности детоубийцы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6, № 1. С. 270–282.
40. Щепкина Е. Из истории женской личности в России: лекции. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1914. 307 с.
41. Щербакова Е.М. Демографические итоги I полугодия 2024 года в России (часть I) [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2024. № 1043–10442. URL: <https://www.demoscore.ru/weekly/2024/01043/barom06.php> (дата обращения: 14.03.2025).
42. Яблоков Н.В. Призрение детей в воспитательных домах. СПб.: Гос. тип., 1901. 75 с.
43. Янин В.Л. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. 430 с.

ЕЛОВИКОВА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА – аспирантка кафедры уголовно-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (yulia_elovikova@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3348-100X>).

Yulia S. ELOVIKOVA

THE HISTORY OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR THE MURDER OF ILLEGITIMATE CHILDREN

Key words: *parents, children born out of wedlock, children born to unmarried parents, infanticide, filicide, neonaticide, infanticide.*

The rise in the number of children born outside registered marriage and a persistently high rate of hidden infanticides, committed predominantly against such children, makes actual the relevance of drawing on historical experience of the legal regulation of liability for such offences and requires examining the evolution of the legal status of the persons concerned and its impact on the protection of human life under criminal law.

The purpose of the study *is to analyse the evolution, throughout Russian history, of criminal liability of parents for the murder of illegitimate children, viewed through the prism of the legal status of illegitimate persons.*

Materials and methods. In the course of the research, dialectical, historical and comparative legal methods were used, as well as a set of general scientific methods such as analysis, synthesis and generalization. The sources of the criminal law of Ancient Russia, pre-revolutionary, Soviet and modern periods, scientific literature and analytical publications were used.

Results. It was established that, during the pagan period and in Ancient Rus', the legal status of illegitimate children was not specifically defined by law, and filicide was not considered a crime. In the Muscovite State (XVI–XVII centuries), as class distinctions took shape, the murder of an illegitimate child came to be classified as a specific offence (Article 26, Chapter 22 of *Sobornoye Ulozheniye* dated 1649 provided for the death penalty), whilst the murder of legitimate children was punishable by only one year's imprisonment. During the imperial period (XIX – early XX century), a shift towards a more humane approach took place: the 1845 Code introduced, for the first time, a preferential provision that took into account the motives of 'shame and fear' and the condition of the woman at the time of childbirth. In the Soviet period after 1917, the category of "illegitimate" was eliminated, and criminal liability became uniform for the murder of any child. It was found that, throughout history, the main motive for infanticide has been a woman's fear of public condemnation for an out-of-wedlock pregnancy, whilst mitigation of legal liability was hand in hand with the expansion of the rights of children born out of wedlock.

Conclusions. The evolution of criminal liability for the murder of illegitimate children was directly related to the change in their legal status. During periods of legal discrimination (the Muscovite State, the imperial period prior to the XIX century), the murder of an illegitimate child was regarded either as a serious offence (punishable by death) or as an act warranting special leniency on the grounds of 'shame and fear'. Granting equal rights to children born out of wedlock and those born in wedlock in 1917 led to decriminalization of a specific offence and protection of the lives of all children on an equal footing. In modern Russia, retention in Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation of such a subjective criterion as a 'psychologically traumatic situation' – which is in fact linked to pregnancy outside marriage – constitutes a historical anachronism. The paper justifies the need to remove Article 106 from the Criminal Code of the Russian Federation and to classify neonaticide under sub-paragraph (c) of Part 2 of Article 105 as the murder of a minor in a defenseless state.

References

1. Pushkareva N.L., ed. *«А се грехи злые, смертные...». Lyubov', erotika i seksual'naya etika v doindustrial'noy Rossii (X – pervaya polovina XIX v.)* [“And these sins are evil, mortal...”. Love, eroticism and sexual ethics in pre-industrial Russia (10th – first half of the 19th century)]. Moscow, Ladomir Publ., 1999, 860 p.
2. Antonyan Yu.M., Goncharova M.V., Kurguzkina E.B. *Ubiystvo mater'yu novorozhdennogo rebenka: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problem* [Newborn child murder committed by his mother: criminal legal and criminological problems]. *Lex russica*, 2018, no. 3, pp. 94–114. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.136.3.094-114.
3. Balyavina P.A., Danilova M.R. *Tsennosti v sfere brachno-semeinykh otnoshenii v usloviyakh sovremennykh transformatsii obshchestva* [Values in the sphere of marriage and family relations in the context of modern transformations of society]. *Tsifrovaya sotsiologiya*, 2024, vol. 7, no. 2, pp. 13–18.
4. Bezverkhov A.G., Korostelev V.S. *Proekt Ugolovnogo ulozheniya Rossiiskoi imperii 1813 goda* [Draft of the Criminal Code of the Russian Empire of 1813]. Samara, Samara University Publ., 2013, 192 p.
5. Belyakova E.V., Belyakova N.A., Emchenko E.B. *Zhenshchina v pravoslavii: tserkovnoe pravo i rossiiskaya praktika* [Woman in Orthodoxy: church law and Russian practice]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2011, 704 p.
6. Voinilova I.G. *Pravovaya politika Rossiiskoi imperii 30–50-kh godov XIX veka v otnoshenii nezakonnorozhdennykh lits* [Policy of law of the Russian Empire of the 30–50s of the XIX century in relation to illegitimate persons]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 12-1 (50), pp. 47–50.
7. Gernet M.N. *Detoubiystvo. Sotsiologicheskoe i sravnitel'no-yuridicheskoe issledovanie* [Infanticide. Sociological and comparative-legal research]. Moscow, 1911, 318 p.

8. Gidulyanov P.V. *Kodeks zakonov o brake, sem'e i opeke* [Code of laws on marriage, family and guardianship]. Leningrad, Rabochii sud Publ., 1927, 308 p.
9. Dubovik A.S. *Ustanovlenie psikhotravmiruyushchei situatsii pri ubiistve mater'yu novorozhdenного rebenka* [Establishment of a traumatic situation when a mother kills a newborn child]. *Vestnik nauki i obrazovaniya*, 2019, no. 16 (70), pp. 41–45.
10. D'yachenko G. *Polnyi tserkovnoslavyanskii slovar': so vneseniem v nego vazhneishikh drevnerus. slov i vyrazhenii* [The complete church slavonic dictionary: with the inclusion of the most important Old Russian words and expressions]. Moscow, Vil'de Publ., 1900, 1120 p.
11. Isaev M.A. *Tolkovyi slovar' drevnerusskikh yuridicheskikh terminov: ot dogovorov s Vizantiei do Sobornogo Ulozheniya tsarya Aleksey Mikhailovich (IX–XVII vv.)* [Explanatory dictionary of Old Russian legal terms: from treaties with Byzantium to the Sobornoye Ulozheniye of Tsar Alexei Mikhailovich (IX–XVII centuries)]. Moscow, Statut Publ., 2017, 119 p.
12. Isupov V.A. *Rozhdaemost' i brachnost' v usloviyakh voennogo vremeni (tylovoe naselenie RSFSR), 1939–1945 gg.* [Birth rate and marriage in wartime conditions (rear population of the RSFSR), 1939–1945]. In: *Global'nye vyzovy demograficheskomu razvitiyu: sb. nauch. st.: v 2 t.* [Global demographic development challenges: collection of scientific articles. 2 vols]. Ekaterinburg, 2022, vol. 1, pp. 105–117.
13. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo: v 12 t.* [History of the Russian State. 12 vols]. Moscow, Nauka Publ., 1989, vol. 1, 637 p.
14. Kovalenko P.V. *Postanovka na uchet v zhenskoi konsul'tatsii na rannikh srokakh beremennosti kak odna iz mer profilaktiki detoubiistv* [Registration at the antenatal clinic in the early stages of pregnancy as one of the measures to prevent infanticide]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, 2023, vol. 28, no. 3, pp. 353–358. DOI: 10.24412/1999-6241-2023-394-353-358.
15. Kotoshikhin G.O. *O Rossii v tsarstvovanie Aleksey Mikhailovicha* [On Russia in the reign of Alexei Mikhailovich]. St. Petersburg, 1884, 196 p.
16. *Letopis' po Ipatскому spisku* [Chronicle according to the Hypatian Codex]. St. Petersburg, 1871, 616 p.
17. Lokhvitskii A.V. *Kurs russkogo ugovornogo prava. 2-e izd.* [Course of Russian criminal law. 2nd ed.]. St. Petersburg, Yu.O. Shreder Publ., 1871, 704 p.
18. Lukichev O.V. *Ugovorno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika detoubiistva: dis. kand. yurid. nauk* [Criminal-legal and criminological characteristics of infanticide. Cand. Diss.]. St. Petersburg, 1997, 179 p.
19. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii (XVIII – nachalo XX v.): v 2 t.* [Social history of Russia (XVIII – early XX century). 2 vols]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2000, vol. 1, 568 p.
20. Pautova N. *Zabytye motivy materinskogo fol'klora* [Forgotten motifs of maternal folklore]. *Razvitie lichnosti*, 2010, no. 3, pp. 71–83.
21. *Povest' vremennykh let* [Russian Primary Chronicle]. St. Petersburg, Vita Nova, 2012, 512 p.
22. Potepalov D.V. *Prava vnebrachnykh detei v tsarskoi Rossii* [Rights of illegitimate children in Tsarist Russia]. *Vyshee obrazovanie segodnya*, 2015, no. 1, pp. 74–76.
23. Pushkareva N.L. *Chastnaya zhizn' russkoi zhenshchiny: nevesta, zhena, lyubovnitsa (X – nachalo XIX v.)* [Private life of a Russian woman: bride, wife, mistress (X – early XIX century)]. Moscow, Ladimir Publ., 1997, 381 p.
24. Pushkareva N.L. *Chastnaya zhizn' zhenshchiny v Drevnei Rusi i Moskovii: nevesta, zhena, lyubovnitsa* [Private life of a woman in Old Rus and Muscovy: bride, wife, mistress]. Moscow, Lomonosov Publ., 2011, 216 p.
25. Pchelkina E.V., Malysheva E.V. *Kriminologicheskii portret lichnosti materi, osuzhdennoi za ubiistvo svoego novorozhdenного rebenka v Rossii* [A criminological portrait of the personality of a mother convicted for the murder of her newborn child in Russia]. *Rossiiskii sledovatel'*, 2019, no. 12, pp. 63–66.
26. Rozanov V.V. *Semeinyi vopros v Rossii* [The family question in Russia]. St. Petersburg, M. Merkushev Publ., 1903, vol. 2, 516 p.
27. *Russkaya pravda (prostrannaya redaktsiya)* [Russkaya Pravda (extensive edition)]. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of Literature of Old Rus]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 4, pp. 496–517.
28. Sakevich V.I. *Chto bylo posle zapreta aborta v 1936 godu* [What happened after the 1936 abortion ban]. *Demoskope Weekly*, 2005, pp. 221–222. Available at: <https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/reprod01.php> (Accessed Date: 2025, Apr. 5).

29. Safuanov F.S., Sarycheva Yu.A. *Psikhotravmiruyushchaya situatsiya kak priznak sostava prestupleniya po st. 106 UK RF (Ubiystvo mater'yu novorozhdennogo rebenka)* [Psychologically traumatic situation as a formal element of an offence under article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation (murder by a mother of her newborn child)]. *Psikhologiya i parvo*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 193–207. DOI: 10.17759/psylaw.2021110214.
30. Smirnov A.G. *Ocherki semeinykh otnoshenii po obychnomu pravu russkogo Naroda* [Essays on family relations according to the customary law of the Russian people]. Moscow, 1877, 259 p.
31. Smirnova N.B. *Kriminalisticheskii i sotsial'no-psikhologicheskii analiz lichnosti zhenshchiny, sovershivshei detoubiystvo* [Criminalistic and socio-psychological analysis of the personality of a woman who committed infanticide]. In: *Nauka molodykh: sb. nauch. st. uchastnikov XIII Vseros. nauch.-prakt. konf., Arzamas, 26–27 noyabrya 2020 g.* [Proc. of 13th Russ. Sci. Conf. “Collection of scientific papers by participants”]. Arzamas, 2020, pp. 536–539.
32. Man'kov A.G., ed. *Sobornoe Ulozhenie 1649 g.: tekst, kommentarii* [Sobornoye Ulozheniye 1649: text, commentaries]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, 448 p.
33. Tagantsev N.S. *O prestupleniyakh protiv zhizni po russkomu pravu* [On offences against life under Russian law]. St. Petersburg, A.M. Kotomin Publ., 1871, vol. 2, 422 p.
34. Tagantsev N.S. *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovnykh i ispravitel'nykh 1885 goda. 9-e izd.* [Statute on criminal and correctional punishments of 1885. 9th ed.]. St. Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1898, 925 p.
35. Tarnovskaya P.N. *Zhenshchiny-ubiitsy: Antropologicheskoe issledovanie* [Women-killers: An anthropological study]. St. Petersburg, 1902, 512 p.
36. Foinitskii I.Ya. *Kurs ugovnogo prava. Chast' osobennaya: Posyagatel'stva lichnye i imushchestvennye. 2-e izd.* [Course of criminal law. Part particular: personal and property offences. 2nd ed.]. St. Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1893, 433 p.
37. Tsitkilov P.Ya. *Transformatsii instituta sem'i v vospriyatii studentcheskoi molodezhi Yuga Rossii* [Transformations of the family institution in the perception of student youth in the south of Russia. *Regionologiya*, 2024, vol. 32, no 1, pp. 163–181. DOI: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.163-181.
38. Shargorodskii M.D. *Prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya* [Crimes against life and health]. Moscow, 1948, 511 p.
39. Shevchenko A.V. *Kriminologicheskaya kharakteristika lichnosti detoubiitsy* [Criminal characteristics of filicide's person]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernad'skogo. Yuridicheskie nauki*, 2020, vol. 6, no. 1, pp. 270–282.
40. Shchepkina E. *Iz istorii zhenskoi lichnosti v Rossii: leksii* [From the history of female personality in Russia: lectures]. St. Petersburg, B.M. Vol'f Publ., 1914, 307 p.
41. Shcherbakova E.M. *Demograficheskie itogi I polugodiya 2024 goda v Rossii (chast' I)* [Demographic results of the first half of 2024 in Russia (part I)]. *Demoskope Weekly*, 2024, no. 1043–10442. Available at: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01043/barom06.php> (Accessed Date: 2025, March 14).
42. Yablokov N.V. *Prizrenie detei v vospitatel'nykh domakh* [Care for children in foster homes]. St. Petersburg, 1901, 75 p.
43. Yanin V.L. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t.* [Russian legislation of the X–XX centuries. 9 vols]. Moscow, 1984, vol. 1, 430 p.

YULIA S. ELOVIKOVA – Post-Graduate Student, Department of Criminal Law Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (yulia_elovikova@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3348-100X>).

Формат цитирования: Еловикова Ю.С. История развития уголовной ответственности за убийство незаконнорожденных детей [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus*. 2026. № 3. С. 81–108. URL: <https://oecomia-et-jus.ru/single/2026/3/7>. DOI: 10.47026/2499-9636-2026-3-81-108.

ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО СОДЕЙСТВИЯ

Ключевые слова: юридическое содействие, цифровая среда, трансформация права, цифровизация, цифровая компетенция, искусственный интеллект, Legal Tech, цифровые платформы.

Трансформация общественных отношений под влиянием цифровых технологий опережает развитие правовых механизмов их сопровождения. Институт юридического содействия, традиционно ориентированный на физическое присутствие, документооборот на бумажных носителях и личную коммуникацию, сталкивается с вызовами, которые не могут быть решены в рамках классической парадигмы. В условиях цифровизации государственно-правовой сферы именно государство выступает главным субъектом, инициирующим и обеспечивающим трансформацию юридического содействия, создавая цифровые платформы, сервисы и правовые механизмы, направленные на повышение доступности и качества правовой помощи. Отсутствие теоретической модели, учитывающей возможности цифровых технологий, приводит к сложностям в части, касающейся распределения ответственности, а также к снижению эффективности осуществления содействия. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления положительной динамики государственно-правовых явлений в современном мире, где государство не только адаптируется к цифровой среде, но и активно формирует ее для реализации публичных функций. Стремительное увеличение числа правоотношений, возникающих исключительно в цифровой среде, и отставание их нормативного регулирования актуализируют необходимость теоретического переосмысления института юридического содействия как в доктринальном, так и в правоприменительном аспекте.

Цель исследования – выявить характер и содержание трансформации признаков юридического содействия в цифровой среде.

Материалы и методы. В ходе исследования использовались общенаучные методы познания (анализ, синтез, дедукция, абстрагирование, диалектический метод) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). Материалами выступили нормативно-правовые акты Российской Федерации, доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, зарубежная судебная практика, доктринальные труды отечественных и зарубежных ученых.

Результаты. Выявлено пять характеристик цифровой среды, значимых для юридического содействия (способность к преодолению географических границ, виртуализация, автоматизация и появление посредников, трансформация субъекта, делегирование задач). Обосновано, что под влиянием этих характеристик цифровая среда не порождает новых субъектов содействия, однако усложняет их структуру. Юридическая ответственность за конечный результат должна определяться исходя из реального вклада и степени контроля над функционированием системы каждого из субъектов (государство, разработчик, владелец платформы), что требует перераспределения ответственности между ними соразмерно степени контроля.

Выводы. В цифровой среде существенно трансформируется юридическое содействие: деятельность становится гибридной, а специальная компетенция юриста дополняется цифровой. При этом цифровая среда не порождает новых субъектов права, за алгоритмами всегда стоят государство, разработчик и владелец платформы.

Введение. В докладе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека верно указано, что

«Внедрение современных цифровых технологий формирует новую среду и новые правовые реалии для человека, общества и государства, а также значительно видоизменяет уже существующие» [12]. Особое значение этот процесс приобретает в государственно-правовой сфере, где цифровая трансформация становится приоритетным направлением. Государство, выступая одним из главных источников цифровизации, не только модернизирует собственные механизмы правового регулирования, но и создает инфраструктуру для оказания юридического содействия в новых форматах. Актуальность теоретического осмысления юридического содействия в цифровой среде также подтверждается и новейшими тенденциями законодательного регулирования. Так, принятый в 2025 г. Федеральный закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (вступит в силу с 1 октября 2026 г.)¹ в качестве одной из целей провозглашает «создание безопасной цифровой среды на цифровых платформах» и «обеспечение баланса экономических интересов..., а также обеспечение гарантий соблюдения прав и законных интересов физических и юридических лиц». Достижение этих целей не может быть обеспечено исключительно нормативными и техническими средствами, а нуждается также в функционировании института юридического содействия для пользователей и партнеров цифровых платформ, поскольку любая правовая норма предполагает не только ее формальное существование, но и реальную способность субъектов права ее реализовать. В условиях цифровой среды, где правоотношения опосредованы алгоритмами и цифровыми платформами, пользователь часто лишен возможности самостоятельно квалифицировать юридические факты, выявлять пробелы и коллизии. Следовательно, юридическое содействие выступает необходимым условием реализации субъективных прав, что обуславливает его рассмотрение в условиях цифровой среды. Научная проблема заключается в отсутствии теоретической модели юридического содействия, учитывающей трансформацию его системообразующих признаков под влиянием цифровой среды. В настоящем исследовании «цифровая среда», «цифровое пространство», «виртуальное пространство» и «цифровая сфера» рассматриваются как синонимичные. Базовым термином, используемым в работе, является «цифровая среда». Кроме того, для целей настоящей статьи под юридическим содействием понимается: правовая деятельность, осуществляемая в форме правового взаимодействия, в рамках которой субъект, обладающий специальной юридической компетенцией, оказывает получателю (индивидуально-определенному или неограниченному кругу лиц) вспомогательную помощь в решении конкретной правовой задачи или достижении правомерной цели, имеющей юридическое значение.

Цель исследования – выявить характер и содержание трансформации признаков юридического содействия в цифровой среде.

¹ Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: Фед. закон от 31.07.2025 г. № 289-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2026).

Материалы и методы. В ходе исследования использовались общенаучные методы познания (анализ, синтез, дедукция, абстрагирование, диалектический метод) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). Эмпирическую базу составили: нормативно-правовые акты Российской Федерации, доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (2025 г.), зарубежная судебная практика 2025–2026 гг. (объединенное дело *Ayinde v London Borough of Haringey* и *Al-Haroun v Qatar National Bank*, дело *Feldman*), а также доктринальные труды отечественных и зарубежных ученых (В.А. Белов, Н.А. Жирнова, Н.Н. Ковалева, А.В. Малько, Н.В. Пальянова, Е.В. Перепелица, О.Л. Солдаткина и др.).

Результаты исследования. Поскольку цифровая среда представляет собой новую реальность, ее воздействие на правоотношения часто имеет не инструментальный, а сущностный характер. А.В. Малько и О.Л. Солдаткина отмечают: «...информационно-коммуникационные технологии неизбежно меняют природу права, а также работу юриста и всей юридической системы...» [8. С. 8]. Развивая данный тезис, важно подчеркнуть, что ключевым субъектом, направляющим эту трансформацию в государственно-правовой сфере, выступает государство. Именно государство создает правовые и технологические условия для юридического содействия, обеспечивает его качество и доступность. Обратимся к анализу конкретных факторов, опосредующих эту трансформацию применительно к институту юридического содействия.

1. *В цифровой среде возможно преодоление географических границ.* Передача информации происходит независимо от местоположения субъектов. Так, государственные границы перестают быть препятствием для обмена данными. Вместе с тем было бы ошибочно утверждать, что цифровая среда полностью отказывается от границ. Она функционирует в рамках технологических (различные протоколы, блокировки) и юридических (национальное законодательство, режимы контроля информации) границ. С одной стороны, цифровая среда безгранична, с другой – она сдерживается внутренними законами страны и геополитическими ограничениями (например, санкциями). Для государства эта двойственность является вызовом, но одновременно и стимулом к развитию национальных цифровых платформ (например, Единый портал государственных услуг, ГАС «Правосудие»). Причина этой двойственности в том, что правовое регулирование остается привязанным к конкретной территории в рамках государства. Виртуальное пространство, как отмечает Е.В. Перепелица, не имеет материальной осязаемости и основано на технологиях, изначально предполагавших преодоление любых барьеров, в том числе границ, при распространении и хранении информации [9. С. 151]. Для юридического содействия это означает, что получатель содействия и объект (информация, имущество, права) могут находиться в разных юрисдикциях, в то время как субъект содействия обязан действовать строго в рамках национального законодательства.

2. *Виртуализация правовых действий и их последствий.* Традиционно правовое действие требовало физической осязаемости. В цифровой среде все меняется. Применительно к юридическому содействию виртуализация проявляется в нескольких аспектах.

Во-первых, происходит виртуализация самого акта коммуникации между субъектом и получателем содействия. Консультация может быть проведена в социальной сети или по видеосвязи, документы направлены по электронной почте, а согласование позиции осуществлено в общем чате. При этом весь массив доказательств факта оказания содействия существует исключительно в цифровой форме и может быть утрачен при сбое оборудования или удален одной из сторон. Возникает ситуация, когда юридическое содействие осуществлено, но следов этого в традиционном понимании не существует.

Во-вторых, виртуализации подвергается объект содействия. Все чаще предметом правовой работы выступают нематериальные, цифровые феномены: доменные имена [7], аккаунты в социальных сетях [3], внутриигровое имущество [11] и иное цифровое имущество [10]. Субъект содействия вынужден оперировать категориями, чья юридическая природа еще до конца не осмыслена доктриной.

В-третьих, и это самое важное для теории права, виртуализируются юридические последствия. Цифровая подпись, поставленная в личном кабинете на портале государственных услуг, признается государством равнозначной собственноручной. Договор, заключенный путем обмена электронными письмами, порождает обязательства, обеспеченные возможностью принудительного исполнения. В.А. Белов точно подмечает: «... большинство современных пользователей сети Интернет вряд ли задумываются над тем, что, каждый раз нажимая виртуальные кнопки “ОК”, они принимают условия какого-нибудь договора, настолько распространенным, само собою разумеющимся, простым и естественным стало это действие» [2. С. 296].

3. *Автоматизация и появление цифровых посредников.* Данная характеристика цифровой среды непосредственно связана с явлением правовой жизни, получившим свое распространение в 2000-х годах и активно развивающимся сегодня «LegalTech», под которым в юридической доктрине и практике понимают «специализированные информационно-технические средства: платформы, программы, продукты и инструменты, которые направлены на оптимизацию и упрощение процессов профессиональной юридической деятельности» [5. С. 116]. Сегодняшняя реальность такова, что осуществление юридического содействия затруднено без обращения к специализированным средствам. Это могут быть как достаточно распространенные справочно-правовые системы («Консультант-Плюс», «Гарант»), так и более автоматизированные инструменты.

Юридическое содействие в цифровой среде все чаще осуществляется не напрямую, а через посредничество специализированных платформ и сервисов. Речь идет о государственных порталах (Портал «Госуслуги», ГАС «Правосудие»), частных агрегаторах юридических услуг, CRM-системах юридических фирм (например, Битрикс24) и даже о чат-ботах, осуществляющих первичную консультацию. В настоящей работе такие инструменты обозначаются термином «алгоритмические системы», под которыми понимаются программно-аппаратные комплексы, участвующие в юридическом содействии с частичным участием человека или без такового.

4. *Трансформация субъекта в цифровой среде.* Идентификация и аутентификация личности все чаще осуществляется через цифровые профили (например, ЕСИА в Российской Федерации¹), которые становятся «цифровыми двойниками» человека в правовом пространстве. Для юридического содействия это порождает сложную проблему: с одной стороны, взаимодействие с таким «цифровым двойником» ускоряет процессы (получение выписок, подача заявлений), с другой – возникает риск отчуждения субъекта от собственных действий.

5. *Делегирование задач и изменение структуры профессиональной деятельности.* Данная характеристика цифровой среды имеет наиболее прикладное значение для профессионального юридического сообщества, поскольку непосредственно отвечает на вопрос: в каком объеме использовать технологии и чем заменять традиционные операции. Речь идет о передаче алгоритмическим посредникам тех функций, которые ранее требовали исключительно человеческого труда, но носили повторяющийся, формализуемый характер.

Представленный выше анализ характеристик цифровой среды позволяет сформулировать принципиальный для настоящего исследования вывод: воздействие цифровой среды на институт юридического содействия не исчерпывается появлением нового инструментария или оптимизацией процедур. Электронный документооборот, видеоконференцсвязь, справочно-правовые системы и технологии искусственного интеллекта (ИИ) – это значимые инструменты, однако сводить трансформацию лишь к их появлению означало бы оставаться в плоскости юридической техники права, упуская из виду изменения в основаниях.

Трансформация правовой реальности под влиянием цифровой среды не может оставаться абстрактной констатацией. Для развития теоретической модели юридического содействия принципиально важно определить, каким образом черты цифровой среды проецируются на конкретные, структурообразующие элементы исследуемого института. Если в цифровой среде меняются способы существования субъектов, объектов и юридических фактов, то неизбежной становится и трансформация тех признаков, которые формируют юридическое содействие как явление правовой жизни.

Рассмотрим, как в цифровой среде трансформируется признак «юридическое содействие есть правовая деятельность». Так, правовая деятельность представляет собой разновидность социальной деятельности, опосредованную правом и осуществляемую в правовом поле. Цифровая среда, сохраняя родовую принадлежность юридического содействия к деятельности, существенно изменяет ее конкретные проявления.

Если в классическом понимании правовая деятельность представляла собой исключительно человеческую активность (осознанную, целенаправленную), то в цифровой среде значительная часть операций делегируется алгоритмам.

¹ Единая система идентификации и аутентификации – информационная система в Российской Федерации, обеспечивающая санкционированный доступ участников информационного взаимодействия (граждан-заявителей и должностных лиц органов исполнительной власти) к информации, содержащейся в государственных информационных системах и иных системах (Адрес сайта ЕСИА: esia.gosuslugi.ru).

Субъект содействия все чаще выполняет функцию «оператора» правового решения, тогда как рутинные действия (проверка контрагента, расчет неустойки, составление типового договора, мониторинг изменений законодательства) осуществляются автоматизированными системами. Деятельность приобретает черты человеко-машинного комплекса, где граница между действием субъекта и действием программы становится условной. Возникает феномен «гибридной деятельности», где правовой результат достигается в объединении человека и алгоритма. Такой исход событий поднимает ряд вопросов в части, касающейся распределения ответственности. На сегодняшний день проблема ответственности за вред, причиненный при использовании информационных технологий, является одной из наиболее дискуссионных в правовой доктрине и остро востребованной практикой. Анализ судебной практики и доктринальных источников позволяет сформулировать ключевой принцип: использование алгоритмов не отменяет и не снижает профессиональной ответственности субъекта содействия, а в определенных аспектах даже усиливает требования к его компетенции и осмотрительности. Это обусловлено следующими факторами.

Во-первых, наличие в алгоритмах различных уязвимостей, например, присутствие в технологиях ИИ так называемых галлюцинаций, под которыми понимаются ситуации, при которых алгоритм придумывает несуществующие данные и искажает истинные. Дискуссия о распределении ответственности между человеком и алгоритмом долгое время велась на абстрактно-теоретическом уровне, оперируя понятиями «черного ящика» и непредсказуемости. Однако сегодня в мире уже имеются исследования, активно направленные на устранение существующих уязвимостей и поиск их причин. Одним из примеров может являться работа группы китайских ученых из Университета Цинхуа, которая посвящена анализу «нейронов, связанных с галлюцинациями» (Hallucination-Associated Neurons) [15]. Выводы, полученные исследователями, вносят принципиальные уточнения в проблему распределения ответственности при использовании больших языковых моделей (LLM)¹ в юридическом содействии, эмпирически демонстрируя, что галлюцинации не являются случайными сбоями, а детерминированы активностью множества «нейронов, связанных с галлюцинациями», которые возникают на этапе предобучения модели и кодируют фундаментальную поведенческую черту «чрезмерного соблюдения требований» (over-compliance), т.е. тенденцию удовлетворять запрос пользователя любой ценой (в ущерб истине, безопасности или этике). Это открытие опровергает тезис о непредсказуемости дефектов ИИ и перекладывает на разработчика обязанность по обнаружению и мониторингу таких нейронных цепей, а на юриста-пользователя – обязанность критически оценивать выходные данные, что формирует стандарт должной заботливости и осмотрительности.

¹ Большая языковая модель – это программа, способная статистически предсказывать и генерировать текст, что делает ее полезным инструментом, однако она может создавать вымышленные, но внешне достоверные сведения («галлюцинировать»), что требует критической проверки ее результатов юристом. Например, ChatGPT, DeepSeek, Copilot, Gemini и Claude.

Во-вторых, судебная практика показывает, что использование генеративного ИИ не только не освобождает юриста от ответственности, но и возлагает на него дополнительные обязанности по верификации и контролю. Примером может служить объединенное дело *Ayinde v London Borough of Haringey* и *Al-Naroun v Qatar National Bank* (2025) [13]. Высокий суд Англии и Уэльса в данном деле указал, что использование генеративного ИИ не снимает с юриста профессиональной ответственности, а напротив, возлагает на него три обязанности: 1) обязательную верификацию любого результата работы алгоритма по авторитетному первоисточнику; 2) неделегируемую ответственность за содержание документа независимо от способа его подготовки; 3) наличие достаточной технологической компетенции для понимания ограничений моделей. Тем самым суд указал на то, что юрист обязан не просто проверять результат, но и предвидеть саму возможность генерации ложных сведений в силу особенностей ИИ.

В-третьих, зарубежная практика демонстрирует готовность судов применять санкции за некорректное делегирование алгоритмам профессиональных задач юристов. Подтверждением этого может являться дело *Feldman* (2026), в котором суд прекратил производство из-за использования адвокатом ИИ для подготовки цитат, оказавшихся вымышленными [14].

Таким образом, признак «юридическое содействие есть правовая деятельность» трансформируется из исключительно человеческой активности в гибридную, где алгоритмы выполняют часть операций, а субъект выступает «оператором», несущим ответственность. Использование алгоритмов не освобождает субъекта содействия от обязанностей, а усиливает требования к его компетенции и осмотристельности.

Сущностной характеристикой юридического содействия также является его реализация в форме правового взаимодействия, которое представляет собой структурированный коммуникативный процесс, включающий несколько этапов. Цифровая среда видоизменяет способы, каналы и саму структуру этого взаимодействия.

Во-первых, происходит виртуализация коммуникации. Первоначальный этап все чаще реализуется не через личное обращение, а через цифровые инструменты: формы обратной связи на сайтах, чат-боты, мессенджеры или электронную почту.

Во-вторых, взаимодействие становится опосредованным цифровыми платформами и посредниками. Коммуникация между субъектом и получателем все чаще осуществляется не напрямую, а через различные платформы. Это привносит в отношения третьего участника: алгоритмические системы, которые не только передают информацию, но и могут изменять ее, ограничивать объем передаваемых данных. Возникает ситуация, когда стороны вынуждены подстраиваться под правила конкретной системы.

В-третьих, трансформируется субъектный состав взаимодействия. Помимо получателя и субъекта (в лице физических и юридических лиц), в коммуникацию на ранних этапах могут включаться иные агенты: чат-боты и виртуальные ассистенты. Получатель может первоначально взаимодействовать с алгоритмом, который собирает информацию, дает первичную консультацию,

формирует проект документа. Субъект содействия может подключаться к взаимодействию лишь на поздних стадиях, что создает риск утраты важных нюансов, неверной интерпретации юридических фактов.

Таким образом, признак «осуществление в форме правового взаимодействия» в цифровой среде обретает новые черты: виртуализация коммуникации, опосредованность цифровыми платформами, появление новых квазисубъектов содействия.

Проанализируем трансформацию следующего признака. Как было установлено ранее, юридическое содействие осуществляется правомерными средствами и в правомерных целях. Правомерность проявляется в двух основных аспектах: в материальном (цель получателя должна не выходить за рамки, разрешенные нормами права) и процессуальном (избираемые субъектом содействия средства не должны противоречить законодательству). Данный признак также претерпевает изменения в результате воздействия цифровой среды, которая, принося новые цифровые инструменты, усложняет оценку правомерности, однако сохраняет ключевое значение признака – полезность для общества.

Так, под воздействием цифровой среды происходит усложнение оценки правомерности используемых средств субъектом содействия. Если в классической парадигме субъект содействия использовал правила и приемы юридической техники, то в цифровой среде добавляются алгоритмы, программные обеспечения и цифровые платформы. В связи с этим возникает вопрос о правомерности использования конкретного инструмента: 1) не нарушает ли его использование нормы авторского права, об информации, о персональных данных, условия пользовательских соглашений; 2) не противоречит ли применение этих инструментов этическим нормам профессии?

Указанная особенность оценки правомерности использования цифровых инструментов обуславливает постановку вопроса о необходимости получения согласия у получателя содействия или информирования об этом. Применение алгоритмов, в особенности производящих обработку персональных данных, на наш взгляд, требует от субъекта получения согласия не только на обработку персональных данных получателя, но и согласие на использование этих цифровых инструментов, поскольку это порождает риски, затрагивающие конституционные права граждан. Например, передача персональных данных в бесплатные нейросети (DeerSeek, ChatGPT) может повлечь их использование для обучения моделей, а также раскрытие информации, что создает угрозу нарушения частной жизни. Вместе с тем существуют ситуации, когда такое согласие не нужно, например, если данные обезличены. Все это подчеркивает необходимость разработки новых этических стандартов для субъекта, осуществляющего юридическое содействие с применением современных инструментов цифровой среды. Такой же позиции придерживаются Н.Н. Ковалева и Н.А. Жирнова: «этические проблемы применения искусственного интеллекта также очень важны и, видимо, их придется решать в том числе на законодательном уровне» [6. С. 110].

Далее рассмотрим правомерность использования цифровых инструментов с точки зрения цели. Так, в цифровой среде появляются новые виды и объекты

общественных отношений (доменные имена, аккаунты в социальных сетях, внутриигровое имущество, криптовалюта и др.). Это создает ситуации, когда цель получателя содействия оказывается неочевидной в контексте ее правомерности. Субъект содействия в таких ситуациях самостоятельно оценивает правомерность, опираясь на общие принципы права. Например, правомерна ли цель – получить по наследству аккаунт в социальных сетях или внутриигровое имущество?

Таким образом, правомерность цели в цифровой среде усложняется необходимостью учета новых объектов, отсутствием четких норм и потенциальных коллизий юрисдикций, что возлагает на субъекта содействия дополнительную обязанность по тщательной правовой оценке намерений получателя.

Вспомогательная природа в цифровой среде также претерпевает изменения. Она может проявляться не только через деятельность субъекта и получателя, но также через деятельность алгоритмических систем, которые субъект использует для оказания содействия. Однако важно отметить, что действия алгоритмов создают риски использования содействия в негативных целях (распространение фейковых новостей, формирование манипулятивных нарративов). Вместе с тем субъект содействия остается ключевой фигурой, которая несет ответственность за результат, несмотря на то, что ряд операций выполняет цифровой посредник. Это подчеркивает вспомогательность юридического содействия, усложняя структуру его реализации.

Цифровая трансформация в наибольшей степени затрагивает такой признак юридического содействия, как «осуществление лицом, обладающим специальными юридическими компетенциями». Если в традиционном юридическом содействии специальные компетенции исчерпывались знаниями, навыками и умениями в области юриспруденции, то в условиях цифровой среды добавляется специальная цифровая компетенция. Субъект содействия должен владеть справочно-правовыми системами, уметь работать с электронными сервисами судов и госорганов, понимать принципы работы LegalTech-инструментов и прочее. Его компетенции теперь не сводятся исключительно к владению юридической техникой, они также включают в себя цифровую компетенцию: знания, навыки и умения в области цифровых инструментов. Как обоснованно отмечается в современной доктрине, «цифровизация юридической практики – это не просто внедрение новых инструментов, но и глубокое изменение роли юриста, который должен сочетать в себе правовую эрудицию с цифровой компетентностью, выступать одновременно знатоком права и продвинутым пользователем цифровой среды» [4. С. 67].

В условиях осуществления юридического содействия в цифровой среде возникает особый разрыв между правовой конструкцией правосубъектности и эмпирической реальностью. Согласно общей теории государства и права, субъектами права могут выступать исключительно физические лица, юридические лица и публично-правовые образования. На сегодняшний день значительный объем содействия осуществляется алгоритмическими системами. Это ставит перед юридической наукой задачу квалификации таких посредников, а главное – распределение ответственности за негативные последствия. Представляется, что выход

может быть не в наделении посредников статусом субъекта права (что противоречит общей теории права), а в разработке модели «распределения ответственности», где конечным ответственным лицом всегда остается человек (субъект содействия). В случаях, когда содействие оказывается только алгоритмическими системами (без обращения к лицу с компетенциями), важно выявление стоящих за алгоритмом традиционных субъектов: государства, разработчика, владельца платформы. Государство, разрабатывая и запуская цифровые платформы для оказания услуг, тем самым осуществляет публичное юридическое содействие через алгоритмические системы. Разработчик, закладывая в модель целевые установки и алгоритмы принятия решений, также участвует в формировании результата содействия, хотя и опосредованно. Владелец платформы, предоставляя пользователям доступ к алгоритмическим системам и определяя правила их функционирования, тем самым принимает на себя риски, связанные с возможными негативными последствиями такого доступа. Таким образом, цифровая среда не порождает новых субъектов содействия, однако усложняет субъектную структуру. Основания и пределы юридической ответственности государства, разработчика и владельца платформы за вред, причиненный при оказании юридического содействия алгоритмическими системами, должны устанавливаться с учетом реального вклада каждого субъекта в формирование результата и степени его контроля над функционированием системы, поскольку указанные критерии позволяют определить наличие вины, причинно-следственной связи и меру ответственности в рамках классического состава правонарушения.

Выводы. Цифровая среда оказывает существенное, а не только инструментальное воздействие на юридическое содействие, в том числе трансформируя его системообразующие признаки. Это выражается в следующем: 1) происходит переход от исключительно человеческой деятельности к человеко-машинной, где алгоритмы выполняют часть операций, а субъект выступает ответственным оператором; 2) осуществляется виртуализация и опосредованность содействия цифровыми платформами; 3) усложняется оценка правомерности используемых средств и выбираемых целей; 4) сохраняется вспомогательная природа при усложнении структуры ее реализации за счет алгоритмических систем; 5) расширяется содержание специальной юридической компетенции за счет цифровой. Ключевым теоретическим результатом выступает обоснование положения о том, что цифровая среда не порождает новых субъектов права, но существенно усложняет субъектную структуру юридического содействия. В случаях, когда содействие оказывается исключительно алгоритмическими системами, за ними всегда стоят традиционные субъекты (государство, разработчик, владелец платформы), чья воля объективируется в предоставлении доступа к конкретному инструменту, что требует перераспределения ответственности между ними соразмерно степени контроля и влияния на функционирование системы.

Литература

1. Бегичев А.В. Нотариальный порядок обеспечения доказательств в сети Интернет // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2013. № 3(30). С. 12–17.

2. Белов В.А. Digital Private Law & Rights: размышления о преобразованиях, уже произведенных в частном праве развитием глобальной компьютерной сети интернет, и о реформах, его скоро и неминуемо по той же причине ожидающих // Право в сфере Интернета: сб. ст. М.: Статут, 2018. С. 256–310.
3. Гринь Е.С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 2(135). С. 128–134.
4. Губарь Д.С. Юридическая грамотность в цифровую эпоху: что должен знать каждый юрист // Мониторинг правоприменения. 2025. № 2(55). С. 67–72.
5. Джикия М.Д., Шкаленко А.В., Джикия А.А. Роль «LegalTech» в модернизации профессиональной юридической деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 114–119.
6. Ковалева Н.Н., Жирнова Н.А. Проблемы обеспечения конфиденциальности персональных данных при использовании систем искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 7. С. 109–121.
7. Кожеев Д.В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав. М.: Проспект, 2019. 220 с.
8. Малько А.В., Солдаткина О.Л. Приоритеты российской правовой политики и изменения права в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 5–19.
9. Перепелица Е.В. Сетевая коммуникация государства и общества в цифровом мире постиндустриальной эпохи // Право.by. 2021. № S5(73). С. 149–154.
10. Петраков Н.А. Цифровое имущество как объект гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 252 с.
11. Фатхи В.И. Правовой статус виртуального игрового имущества в контексте гражданско-правового регулирования // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9, № 4. С. 113–121.
12. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве 2.0: доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс]. URL: <https://sovet-nko.ru/?p=34910> (дата обращения: 20.03.2026).
13. Abbasi Z. Responsible Legal Augmentation: Integrating Generative AI into Legal Practice. *Law, Technology and Humans*, 2025, vol. 7(3). DOI: 10.5204/lthj.4200.
14. Belanger A. Lawyer sets new standard for abuse of AI; judge tosses case. Available at: <https://arstechnica.com/tech-policy/2026> (Access Date: 2026, Feb. 7).
15. Gao C., Chen H., Xiao C. et al. H-Neurons: On the Existence, Impact, and Origin of Hallucination-Associated Neurons in LLMs Available at: <https://arxiv.org/abs/2512.01797> (Access Date: 2026, March 25).

ПРЫНОВА ВИКТОРИЯ ИВАНОВНА – адъюнкт адъюнктуры, Нижегородская академия МВД России, Россия, Нижний Новгород (prinovavictoriya@mail.ru).

Victoria I. PRYNova

DIGITAL ENVIRONMENT AS A NEW REALITY FOR LEGAL ASSISTANCE

Key words: legal assistance, digital environment, legal transformation, digitalization, digital competence, artificial intelligence, Legal Tech, digital platforms.

Transformation of social relations under the influence of digital technologies is outpacing the development of the legal mechanisms designed to support them. The Institute of legal assistance, traditionally focused on physical presence, paper document management and personal communication, is facing challenges that cannot be solved within the framework of the classical paradigm. In the context of the digitalisation of the public and legal sector, it is the state that acts as the primary agent in initiating and facilitating the transformation of legal support, by creating digital platforms, services and legal mechanisms designed to improve the accessibility and quality of legal aid. The lack of a theoretical model that takes account of the capabilities of digital technologies leads to difficulties in terms of the allocation of responsibility,

as well as to a reduction in the effectiveness of the support provided. The relevance of the study is due to the need to understand the positive dynamics of state-legal phenomena in the modern world, where the state is not only adapting to the digital environment, but is also actively shaping it to implement public functions. A rapid increase in the number of legal relationships arising exclusively in the digital environment, coupled with the lag in their regulatory framework, make actual the need for a theoretical re-examination of the institution of legal assistance, both from a doctrinal and a law enforcement perspective.

The purpose of the study is to identify the nature and content of the transformation of the features of legal assistance in the digital environment.

Materials and methods. The research used general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, deduction, abstraction, dialectical method) and specific scientific methods (formal-legal, comparative-legal). The materials used included legislative and regulatory acts of the Russian Federation, a report by the Council under the President of the Russian Federation on the Development of Civil Society and Human Rights, foreign case law, and scholarly works by Russian and foreign academics.

Results. Five characteristics of the digital environment that are significant for legal assistance were identified (ability to transcend geographical boundaries, virtualisation, automation and the emergence of intermediaries, transformation of the legal subject and delegation of tasks). It is proved that under the influence of these characteristics, the digital environment does not generate new subjects of assistance, but complicates their structure. Legal liability for the final outcome should be determined on the basis of each party's actual contribution and degree of control over the system's operation (the state, the developer, the platform owner), which requires redistribution of liability amongst them in proportion to their degree of control.

Conclusion. In the digital environment, legal assistance is being significantly transformed: the activity is becoming hybrid, and the lawyer's special competence is complemented by digital one. At this, digital environment does not generate new subjects of law; algorithms are always backed by the state, the developer and the owner of the platform.

References

1. Begichev A.V. *Notarial'nyi poryadok obespecheniya dokazatel'stv v seti Internet* [Notarial Procedure for Securing Evidence on the Internet]. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata*, 2013, no. 3(30), pp. 12–17.
2. Belov V.A. *Digital Private Law & Rights: razmyshleniya o preobrazovaniyakh, uzhe proizvedennykh v chastnom prave razvitiem global'noi komp'yuternoi seti internet, i o reformakh, ego skoro i neminuemo po toi zhe prichine ozhidayushchikh* [Digital Private Law & Rights: Reflections on the Transformations Already Produced in Private Law by the Development of the Global Computer Network Internet, and on the Reforms Soon and Inevitably Awaiting It for the Same Reason]. In: *Pravo v sfere Interneta: sb. st.* [Law in the Internet Sphere: Collection of Articles]. Moscow, Statut Publ., 2018, pp. 256–310.
3. Grin' E.S. *Nasledovanie akkauntov v sotsial'nykh setyakh: rossiiskii i zarubezhnyi opyt* [Inheritance of Social Media Accounts: Russian and Foreign Experience]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2022, vol. 17, no. 2(135), pp. 128–134.
4. Gubar' D.S. *Yuridicheskaya gramotnost' v tsifrovuyu epokhu: chto dolzhen znat' kazhdyi yurist* [Legal Literacy in the Digital Age: What Every Lawyer Should Know]. *Monitoring pravoprimeneniya*, 2025, no. 2(55), pp. 67–72.
5. Dzhikiya M.D., Shkalenko A.V., Dzhikiya A.A. *Rol' «LegalTech» v modernizatsii professional'noi yuridicheskoi deyatel'nosti* [The Role of LegalTech in the Modernization of Professional Legal Activity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2021, no. 6, pp. 114–119.
6. Kovaleva N.N., Zhirnova N.A. *Problemy obespecheniya konfidentsial'nosti personal'nykh dannykh pri ispol'zovanii sistem iskusstvennogo intellekta* [Problems of Ensuring Confidentiality of Personal Data When Using Artificial Intelligence Systems]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2024, vol. 28, no. 7, pp. 109–121.
7. Kozhemyakin D.V. *Domennoe imya v sisteme ob"ektov grazhdanskikh prav* [Domain Name in the System of Civil Law Objects]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 220 p.
8. Mal'ko A.V., Soldatkina O.L. *Prioritety rossiiskoi pravovoi politiki i izmeneniya prava v usloviyakh tsifrovizatsii* [Priorities of Russian Legal Policy and Changes in Law in the Context of Digitalization]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2019, no. 9, pp. 5–19.

9. Perepelitsa E.V. *Setevaya kommunikatsiya gosudarstva i obshchestva v tsifrovom mire post-industrial'noi epokhi* [Network Communication of the State and Society in the Digital World of the Post-Industrial Era]. *Pravo.by*, 2021, no. S5(73), pp. 149–154.

10. Petrakov N.A. *Tsifrovoe imushchestvo kak ob"ekt grazhdanskikh prav: dis. ... kand. yurid. nauk* [Digital Property as an Object of Civil Rights. Cand. Diss.]. Moscow, 2024, 252 p.

11. Fatkhi V.I. *Pravovoi status virtual'nogo igrovogo imushchestva v kontekste grazhdansko-pravovogo regulirovaniya* [Legal Status of Virtual Gaming Property in the Context of Civil Law Regulation]. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 113–121.

12. *Tsifrovaya transformatsiya i zashchita prav grazhdan v tsifrovom prostranstve 2.0: doklad Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka* [Digital Transformation and Protection of Citizens' Rights in the Digital Space 2.0: Report of the Presidential Council for Civil Society and Human Rights]. Available at: <https://sovet-nko.ru/?p=34910> (Accessed Date: 2026, March 20).

13. Abbasi Z. Responsible Legal Augmentation: Integrating Generative AI into Legal Practice. *Law, Technology and Humans*, 2025, vol. 7(3). DOI: 10.5204/lthj.4200.

14. Belanger A. Lawyer sets new standard for abuse of AI; judge tosses case. Available at: <https://arstechnica.com/tech-policy/2026> (Access Date: 2026, Feb. 7).

15. Gao C., Chen H., Xiao C. et al. H-Neurons: On the Existence, Impact, and Origin of Hallucination-Associated Neurons in LLMs Available at: <https://arxiv.org/abs/2512.01797> (Access Date: 2026, March 25).

VICTORIA I. PRYNOVA – Adjunct (Post-Graduate Student), Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia, Nizhny Novgorod (prinovavictoriya@mail.ru).

Формат цитирования: Прынова В.И. Цифровая среда как новая реальность для юридического содействия [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus*. 2026. № 3. С. 109–121. URL: <https://oecomia-et-jus.ru/single/2026/3/8>. DOI: 10.47026/2499-9636-2026-3-109-121.

УДК 340.15

ББК 67.3

А.Д. СОЛОНЧЕНКО

СТАНОВЛЕНИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ПРАВА: ОТ ВЕЧА К КРЕПОСТНОМУ ПРАВУ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Ф.Ф. ЗИГЕЛЯ

Ключевые слова: Ф.Ф. Зигель, славянское право, источники права, обычай, вече, Судебник 1497 г., суд, зависимое население, закрепощение, институциональная эволюция.

Переход от вечевой и общинной публичности к письменной судебной процедуре показывает, как менялся сам способ признания правоты в восточнославянском праве: решение все меньше зависело только от памяти и признания общины и все чаще требовало документа, платежа, срока и исполнительного действия. На этом фоне особенно значим вопрос о том, как ранние правовые формы подготавливали режимы ограниченной мобильности зависимого населения без прямого и одномоментного введения крепостного права.

Цель исследования – выявить связь между изменением источников права и формированием юридических механизмов ограниченной мобильности зависимого населения.

Материалы и методы. Основу исследования составили Судебник 1497 г., труды Ф.Ф. Зигеля о славянских законодательствах, сравнительный славянский материал и историография вечевых институтов, суда и закрепощения; применены историко-сравнительный, источниковедческий, текстологический и лексико-семантический методы.

Результаты. Последовательно проанализированы вечевая публичность, действие обычая, судебная процедура Судебника 1497 г. и норма о крестьянском «отказе». Установлено, что обычай не исчезает одномоментно, а меняет юридический статус: он сохраняет значение постольку, поскольку может быть распознан судом, выражен в процедуре и подтвержден документально или публичным действием. Показано, что право выхода превращается в операцию, зависящую от календарного срока, расчета «пожилого» и доказательства правомерности перехода.

Выводы. Полученные результаты позволяют рассматривать закрепощение как кумулятивный эффект юридических техник, а не как мгновенную замену свободы запретом. Ограничение мобильности оказалось связано не только с прямыми запретами, но и с тем, что свобода перехода была переведена в редкую, платную и доказуемую процедуру. Практическая значимость исследования состоит в уточнении методики чтения ранних правовых памятников без перенесения на них более поздних категорий крепостного права.

Введение. Связь между вечевой публичностью и крепостным правом на первый взгляд кажется почти искусственной. Вече относится к сфере городского или общинного обсуждения, где решение основывается на присутствии людей, памяти о прежних случаях, репутации сторон и возможности публично подтвердить согласие. Крепостное право, напротив, обычно связывают с государственным учетом, владельческой защитой, розыском и административным принуждением. Если поставить между этими явлениями знак прямой причинности, получится грубая схема: будто одна форма свободы постепенно «испортилась» и превратилась в зависимость. Такая схема слишком удобна и потому подозрительна.

В основу настоящей статьи положен более осторожный тезис. Между вечем и крепостным правом нет прямой институциональной преемственности,

но есть переход в способах признания правоты. То, что раньше подтверждалось участием общины, клятвой, поручительством, памятью соседей или согласительной процедурой, постепенно начинает требовать иных форм закрепления: компетентного суда, документа, платежного расчета, срока, должностного действия. Именно этот сдвиг в источниковом режиме делает возможным дальнейшее превращение фактической зависимости в юридически воспроизводимый статус [5, 8, 16].

Здесь важно сразу снять возможное недоразумение. Речь не идет о том, что обычай исчезает, уступая место «закону» в современном смысле слова. Обычай долго сохраняет значение и в судебной практике, и в представлениях о справедливом решении. Меняется другое: обычай все чаще должен быть допущен в правовой оборот через процедуру, признан судом или подтвержден такой формой, которую можно повторить за пределами конкретной общины. Поэтому для истории закрепощения существенно не только содержание запрета, но и то, как право начинает считать, удостоверить и исполнять зависимость.

В этом пункте данная позиция расходится с тем прочтением, при котором Судебник 1497 г. рассматривается почти исключительно как первое юридическое ограничение свободы крестьянского перехода. Норма о Юрьевом дне действительно занимает ключевое место, но она становится понятнее при рассмотрении в контексте норм о суде, пошлинах, правых грамотах, докладных списках и должностных участниках процесса [7, 10]. В таком окружении она свидетельствует не только о положении крестьянина, но и о формировании новой юридической инфраструктуры: о том, кто вправе признать переход законным, сколько он стоит, когда он допустим и как его можно оспорить.

Актуальность темы обусловлена именно этой двойственностью. С одной стороны, историография давно показала постепенность закрепощения: запovedные годы, урочные годы, розыск беглых, владельческая защита и позднейшее оформление крепостного режима складывались не одновременно [1–3, 6, 9, 12]. С другой стороны, юридическая техника этой постепенности нередко остается вне поля зрения исследователей. Переход от социальной зависимости к крепостному статусу опосредован рядом операций: ограничением срока, оценкой двора, фиксацией решения, назначением взыскания, определением компетентного исполнителя.

Цель исследования – выявить, каким образом закрепление юрисдикции и процедуры в письменном законе связано с переходом от коллективных форм публичности к режимам статусной зависимости и ограниченной мобильности.

Научная новизна работы заключается в том, что генезис зависимого статуса рассматривается через смену источников права и механизмов признания правоты, а не только через последовательность запретительных актов. Такая постановка не исключает социально-экономических объяснений закрепощения, но дополняет их анализом юридической формы.

Материалы и методы. Основным нормативным материалом является Судебник 1497 г., используемый по изданию в составе тома «Российское законодательство X–XX веков» и с учетом исследовательской традиции, представленной

работой С.И. Штамма [7, 10]. Для настоящей темы этот памятник важен не как собрание отдельных правил, распределяемых по современным отраслям права, а как текст, в котором судебная компетенция, пошлина, доказательство, документ и исполнение образуют единую практическую систему.

При анализе Судебника сознательно избегались две крайности. Первая – искать в тексте уже готовое крепостное право и тем самым переносить на конец XV в. категории более позднего времени. Вторая – видеть в норме о выходе лишь техническую подробность крестьянского быта. Текст источника не позволяет свести его ни к одной из этих крайностей. Он еще не описывает завершённый крепостной режим, но уже показывает, как мобильность может быть поставлена в зависимость от календаря, платежа и признанной процедуры.

Вторую группу материалов составляют труды Ф.Ф. Зигеля о славянских законодательствах [4, 5, 16]. Они привлекаются не для построения единой линии «славянского права», а для методологической дисциплины. Ценность работы Ф.Ф. Зигеля в том, что он удерживает в поле зрения обычай, письменный закон и правоприменение одновременно. Его сравнительный материал показывает: внешне похожие институты могут выполнять разные функции, а сходные функции могут скрываться за различными терминами.

Третья группа источников – историография вечевых институтов, древнерусского суда и закрепощения. В работах о Новгороде и Пскове вече рассматривается не как романтический символ народовластия, а как форма публичной легитимации, в рамках которой община участвует в признании решения [15, 17]. Исследования крестьянской зависимости и раннемодерного государства дают возможность отделить ранние юридические ограничения мобильности от более позднего институционально оформленного крепостного права [1–3, 6, 9, 11, 12, 14].

Методика анализа носила практический характер. В каждой значимой норме выделялись четыре вопроса: кто принимает или удостоверяет решение; какое действие признается юридически значимым; какая форма делает это действие проверяемым; кто и за счет чего обеспечивает исполнение? Затем эти элементы сопоставлялись с тем, как в источниках описываются обычай, вечевая публичность и право выхода. Такой подход позволяет продемонстрировать метод на материале, а не просто назвать его.

Лексико-семантическое наблюдение использовалось лишь как вспомогательный прием. Повторяемость слов, связанных с судом, пошлиной, грамотой, взысканием и должностным участием, сама по себе не является доказательством. Она только указывает на фрагменты, в которых особенно настойчиво говорится об управляемости конфликта. Но за таким наблюдением должна следовать источниковедческая проверка: необходимо установить, какую функцию выполняет термин в конкретной норме, а не рассматривать его как самостоятельный аргумент.

Результаты исследования

Вече, обычай и право, которое держится на присутствии. Вечевая публичность не сводится к голосованию. Для темы статьи важнее другое: решение получает обязательность потому, что оно произнесено и признано в видимом для общины пространстве. Участие, согласие, репутация, поручительство, клятва

и память о прежних случаях работают как элементы правового удостоверения. Правота здесь не отделена от социального признания; она поддерживается теми, кто видел спор, знал стороны и мог подтвердить допустимость решения [15, 17].

Такой порядок не следует идеализировать. Локальная память может быть пристрастной, участие – неравным, а согласие – результатом давления сильных участников общины. Однако для истории источников права важно, что этот порядок имеет собственную юридическую логику. Он не является хаотическим дописьменным остатком. Обычай в такой среде выступает формой коллективно проверяемого знания о должном поведении.

Именно поэтому простая оппозиция «обычай – закон» оказывается недостаточной. Обычай не исчезает в момент появления письменной нормы. Он меняет способ действия. Пока правовая сила обычая обеспечивалась локальным признанием, достаточно было памяти, репутации и участия. Когда же спор начинает рассматриваться в суде, обычай должен быть представлен как довод, подтвержден как известное правило или встроен в процедуру. Его содержание может сохраняться, но источник обязательности смещается.

Для понимания будущего закрепощения это обстоятельство принципиально. Зависимость могла существовать и раньше – в форме долга, повинности, личной связи, хозяйственного подчинения, соседского давления. Но следует различать зависимость, признаваемую и регулируемую локально, и зависимость, которую можно удостоверить, взыскать и воспроизвести через суд. Вторая форма требует иной техники: срока, платежа, документа, должностного лица.

В связи с этим в переходе от вечевой публичности к централизованному суду следует видеть не «падение свободы» в прямом смысле, а изменение места, где решается вопрос о правоте. Если раньше правота была во многом событием публичного признания, то теперь она все чаще становится результатом процедуры. Такая процедура может защищать слабую сторону, но может и закреплять зависимость, если сама структура нормы делает мобильность дорогой, редкой и трудно доказуемой.

Судебник 1497 г.: как источник организует спор. Судебник 1497 г. начинается не с общей теории власти и не с отвлеченного определения права. Он сразу вводит читателя в пространство суда: кто судит, какие пошлины берутся, как оформляются решения, кто участвует в процессе. Уже сама эта композиция значима. Право здесь предстает как совокупность действий, которые должны быть выполнены правильно: предъявить иск, довести дело до решения, оплатить установленное, получить грамоту, добиться исполнения [7, 10].

В первых статьях о суде и пошлинах особенно заметна арифметика правоприменения. Спор переводится в расчет: с рубля иска берется определенная пошлина; при поле, примирении или проигрыше возникают свои платежи; участие дьяка, окольного, недельщика или иного должностного лица получает материальное выражение. Для исследователя это не второстепенные детали. Именно через такие расчеты суд становится воспроизводимым институтом, а не разовым решением авторитетного лица.

Похожую функцию выполняют правые грамоты и докладные списки. Они фиксируют итог спора и обеспечивают его действие за пределами той ситуации, в которой решение было принято. В документе не просто зафиксировано уже существующее право; он меняет способ его существования. То, что можно предъявить, скрепить, прочитать и взыскать, обладает иной устойчивостью, чем решение, известное только участникам локального конфликта.

Именно здесь проявляется специфика источниковедческого анализа. Норма читается не только по предмету регулирования, но и по набору юридических операций. Если в ней названы судья, пошлина, грамота и исполнитель, значит, в тексте не только регулируется содержание запрета или разрешения, но и маршрут дела, где одинаково рассматриваются разные конфликты – имущественные, процессуальные, статусные. В этом и состоит институциональная сила Судебника.

На этом фоне норма о крестьянском выходе уже не выглядит изолированным фрагментом. Она входит в текст, где правомерность действия проверяется через срок, платеж и признанную форму. Поэтому при анализе статьи о «христианском отказе» важно видеть не только социальный смысл ограничения, но и процессуальную грамматику: кто может сказать, что переход совершен вовремя; как доказать продолжительность проживания; как рассчитать «пожилое»; что происходит при споре о долге или дворе [7, 10].

«Христианский отказ»: право выхода как юридическая операция. Наиболее известная статья Судебника, в современной нумерации обычно обозначаемая как статья 57, посвящена крестьянскому «отказу». Крестьянам разрешается переходить «из волости, из села в село» один срок в году – за неделю до Юрьева дня осеннего и неделю после него; одновременно устанавливается «пожилое», причем размер платежа зависит от хозяйственного контекста и длительности проживания [7, 10]. Уже в этой формуле видно, что в тексте не просто запрещается или разрешается переход. Он представляется как совокупность юридически проверяемых условий.

Первое условие – календарное. Переход существует не как постоянная возможность, а как действие, приуроченное к узкому временному окну. Это не полная отмена свободы, но и не прежняя мобильность. Право остается, однако оно становится редким событием, которое легко признать неправомерным, если нарушен срок. Власть получает не только средство запрета, но и более тонкий инструмент: она определяет, когда именно свобода может быть реализована.

Второе условие – платежное. «Пожилое» не следует сводить к бытовой компенсации владельцу за оставляемый двор. В юридической перспективе оно придает связи крестьянина с местом и владельцем характер исчисляемого требования. Чем продолжительнее проживание его владельца, тем выше стоимость ухода. Здесь зависимость еще не является окончательным статусом, но она уже выражается в расчетной форме. А расчетная форма удобна для суда: ее можно предъявить, оспорить, взыскать.

Третье условие – доказательственное. Чтобы применить норму, необходимо установить не только факт ухода, но и момент ухода, продолжительность

проживания, размер двора, наличие или отсутствие платежа. Эти обстоятельства не могут основываться исключительно на общей памяти. Они требуют свидетельств, документа, признанного расчета или судебного разбирательства. Таким образом, крестьянский переход оказывается связанным с теми же механизмами, которые Судебник развивает в других частях текста.

Именно поэтому нельзя признать удачным выражение «Судебник ввел крепостное право», если оно употребляется без оговорок. Текст 1497 г. не создает завершённого крепостного режима. Он сохраняет право выхода, но переводит его в разряд редкой, платной и доказуемой операции. В этом его историческая значимость: не окончательный запрет, а юридическая настройка мобильности, которая делает последующие ограничения гораздо более исполнимыми.

Такое прочтение позволяет согласовать два наблюдения, которые иначе представляются противоречивыми. С одной стороны, крестьянин еще может уйти, с другой – сам уход уже поставлен в зависимость от условий, выгодных для владельца и контролируемых судом. Свобода не исчезает одновременно; она становится процедурой. А процедура, как показывает дальнейшая история, может быть расширена, осложнена или фактически заблокирована без немедленного объявления полного запрета.

Суд, документ и взыскание как инфраструктура зависимости. Судебная процедура важна не только потому, что она разрешает спор. Она формирует язык, посредством которого социальная связь приобретает статус юридического факта. Долг, двор, срок проживания, выход, пошлина, грамота, взыскание – все эти элементы соединяются в цепочку. Когда эта цепочка функционирует, зависимость перестает быть только отношением между владельцем и крестьянином; она становится частью публичного порядка, который можно поддерживать через суд и должностное исполнение.

В этом смысле Судебник 1497 г. показывает раннюю форму того, что позднее станет гораздо более жесткой системой. Не потому, что все последующие институты уже содержатся в нем в готовом виде, а потому, что он демонстрирует необходимые юридические предпосылки: унифицируемую подсудность, расчет платежей, документальное оформление решения, должностное сопровождение взыскания. Без этих элементов позднейшая владельческая защита и розыск беглых были бы менее устойчивыми [1, 6, 9, 12].

Особенно показательное соотношение локального и центрального. Вечевой или общинный порядок предполагает, что спор остается в пределах среды, которая знает участников. Судебник же стремится сделать решение переносимым. Оно должно действовать не только там, где все помнят обстоятельства, но и там, где их нужно подтвердить формой. Такой перенос и есть один из главных признаков изменения источников права.

При этом речь не идет о простом вытеснении общины. Следы локального участия сохраняются: суду по-прежнему нужны свидетели, поручители, знающие люди, представления о доброй славе и недоброй репутации. Но они включаются в другой порядок. Община перестает быть единственным носителем правовой памяти; она становится источником сведений для процедуры. Это тонкое, но существенное различие.

Отсюда следует и более широкий вывод о закрепощении. Зависимый статус возникает не только тогда, когда появляется прямой запрет на уход. Он формируется уже тогда, когда уход становится юридически рискованным действием: его нужно совершить вовремя, оплатить, доказать, защитить от претензий владельца и провести через суд в случае спора. Чем больше условий, тем меньше фактическая свобода, даже если формальная возможность еще названа в тексте.

Полемика с линейными схемами закрепощения. В историографии закрепощения представлено несколько сильных объяснительных линий. Социально-экономическая линия обращает внимание на интересы землевладельцев, потребность в рабочей силе и хозяйственную цену крестьянского ухода. Государственно-служилая линия связывает ограничение мобильности с военной и фискальной нагрузкой Московского государства. Обе линии важны, и без них правовая история была бы неполной [2, 6, 9, 11, 12].

Однако возникает дополнительный вопрос: почему социальный интерес вообще получает устойчивую форму нормы? Землевладелец мог быть заинтересован в удержании крестьянина и до Судебника. Государство могло нуждаться в налоговой и служилой стабильности. Однако интерес сам по себе еще не создает исполнимого статуса. Для этого нужны формы, которые делают требование распознаваемым и принудительным: срок, платеж, запись, суд, исполнитель.

Поэтому в настоящей статье закрепощение понимается не как единственный акт и не как простая сумма запретов. Это накопление юридических техник. Сначала мобильность ограничивается временем и платежом; затем усиливаются владельческие притязания; позднее появляются более жесткие формы розыска и возврата; наконец, в раннемодерной системе зависимость получает публично-правовую устойчивость, которую уже невозможно объяснить только обычаем или частным договором [3, 6, 12, 13].

Такой подход не противоречит факту постепенности, но уточняет его. Постепенность – это не только хронология актов. Это еще и изменение качества правового действия. Одно дело сказать: «уход запрещен», другое – создать порядок, при котором любой уход может быть проверен, оценен, признан неправомерным, и повлечь взыскание. Судебник 1497 г. находится именно на этом втором уровне: он не замыкает всю систему, но показывает, как она формируется.

В этом контексте полезна и сравнительная перспектива, предложенная Ф.Ф. Зигелем. Славянские правовые порядки развивались не по единой модели. В одних случаях доминировали городские институты, в других – княжеская власть, церковная юрисдикция или внешние правовые влияния [4, 5, 16]. Поэтому при сравнении следует искать не одинаковые слова, а сходные функции: где обычай допускается к суду, где документ вытесняет память, где платеж превращает личную зависимость в исчисляемую обязанность.

Именно в этом смысле траектория «от веча к крепостному праву» является исследовательской метафорой, а не описанием прямой линии. Она показывает изменение источника обязательности: от признания в локальном публичном пространстве к признанию через письменную процедуру и судебное исполнение. Метафора полезна, пока она удерживает сложность; она становится опасной, если превращается в рассказ о неизбежной деградации свободы.

Выводы. Проведенный анализ позволяет ответить на поставленный вопрос: закрепление юрисдикции и процедуры в письменном законе связано с переходом от коллективных форм публичности к режимам статусной зависимости через изменение способов признания правоты. В ранней системе решение получает обязательность через обычай, участие и общинную ответственность. В централизующейся системе обязательность все чаще связывается с судом, документом, платежом, сроком и должностным исполнением.

Судебник 1497 г. важен именно как памятник переходной стадии. Он не описывает позднее крепостное право в готовом виде, но показывает юридическую инфраструктуру, без которой позднейшее прикрепление не стало бы устойчивым: унификацию судебного порядка, расчет пошлин, документальное оформление решений, ограничение календаря выхода, монетизацию обязанности и возможность принудительного взыскания [7, 10].

Крестьянский «отказ» в этой перспективе следует понимать не как простую отмену свободы и не как нейтральную хозяйственную процедуру. Он является точкой, где мобильность приобретает характер юридической операции. У крестьянина остается возможность перехода, но эта возможность ограничена сроком, обременена платежом и нуждается в доказательственном подтверждении. Именно такие «малые» юридические техники подготавливают большие институциональные последствия.

Обычай при этом не исчезает, а меняет положение в системе источников. Из самостоятельной формы локального признания он постепенно становится материалом, который должен быть понятен суду и совместим с письменной процедурой. Этот сдвиг особенно важен для истории права, потому что показывает: централизация не только усиливает власть, но и меняет сам способ существования правовой нормы.

Практическая значимость исследования состоит в уточнении методики чтения ранних правовых памятников. Анализ должен начинаться не с готовых категорий позднего крепостного права, а с вопроса о том, как норма работает: кого она называет, какое действие допускает или ограничивает, чем это действие подтверждается, кто его исполняет и как оно соотносится с другими частями текста. Такой подход снижает риск анахронизма и делает сравнение славянских материалов более строгим.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с более детальным сопоставлением Судебника 1497 г. с другими славянскими памятниками, с изучением судебного учета и с реконструкцией ситуаций, в которых локальная публичность не исчезала, а приспособлялась к новой судебной форме. Именно в этих переходных зонах – между памятью общины и письменным документом – наиболее отчетливо видно, как социальная зависимость получает юридическую устойчивость.

Литература

1. Аракчеев В.А. Закрепощение крестьян в России в конце XVI – начале XVII вв. // Вопросы истории. 2020. № 1. С. 106–117.
2. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 958 с.

3. Дьяконов М.А. Заповедные и выходные лета. Пг.: [б. и.], 1915. 20 с.
4. Зигель Ф.Ф. Законник Стефана Душана. Вып. 1: [с приложением]. СПб.: изданием Имп. Санкт-Петербургского ун-та, 1872. 369 с.
5. Зигель Ф.Ф. История славянских законодательств: курс лекций, читанных в Императорском Варшавском университете в 1913–1914 акад. г. Ч. 1: История чешского права; Ч. 2: История польского права. Варшава: тип. «Русского общества», 1914. 201 с.
6. Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М.: Наука, 1970. 368 с.
7. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский; под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1985. 520 с.
8. Серегин А.В. Юридическое исследование государства и права Древней Руси. Ростов-на-Дону: ФГАОУ ВПО «ЮФУ», 2014. 245 с.
9. Скрынников Р.Г. Россия после опричнины: очерки политической и социальной истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 223 с.
10. Штамм С.И. Судебник 1497 года: учебное пособие по истории государства и права СССР. М.: Госюриздат, 1955. 112 с.
11. Bartlett R. Serfdom and State Power in Imperial Russia. *European History Quarterly*, 2003, vol. 33, no. 1, pp. 29–64.
12. Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago, The University of Chicago Press, 1971, 319 p.
13. Hellie R. The Muscovite Law Code (Ulozhenie) of 1649. Part I: Text and Translation. Irvine, CA, Charles Schlacks, Jr. Publisher, 1988, 293 p.
14. Kollmann N.S. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, 500 p.
15. Lukin P.B. Assemblies and Councils in Medieval Novgorod and Western Pomerania. *Slavica Wratislaviensia*, 2017, vol. 165, pp. 33–54.
16. Zigel F. Lectures on Slavonic Law: Being the Ilchester Lectures for the Year 1900. London, New York, Oxford University Press, 1902, 232 p.
17. Vovin A.A. Veche and the Terms “All Pskov” and “Pskov Men”: The Russian Medieval City Assembly as a Communal Structure. *Russian History*, 2013, vol. 40, no. 4, pp. 449–466.

СОЛОНЧЕНКО АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ – соискатель ученой степени кандидата юридических наук кафедры теории права и гражданско-правового образования, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург (pass12355pass@yandex.ru).

Andrey D. SOLONCHENKO

FORMATION OF THE EAST SLAVIC LAW: FROM THE VECHE TO SERFDOM IN THE INTERPRETATION OF F.F. SIEGEL

Key words: F. F. Siegel, the Slavic law, sources of law, custom, veche, Sudebnik of 1497, court, dependent population, enslavement, institutional evolution.

The transition from assembly-based and communal forms of public proceedings to written judicial procedures illustrates how the very method of establishing the truth in East Slavic law changed: decisions relied less and less on the memory and recognition of the community alone, and increasingly required a document, payment, a time limit and enforcement action. Against this background, the issue of how early legal forms prepared regimes of limited mobility of the dependent population without the direct and simultaneous introduction of serfdom is particularly significant.

The purpose of the study is to identify the relationship between changing sources of law and formation of legal mechanisms for limited mobility of the dependent population.

Materials and methods. The research is based on Sudebnik of 1497, the works of F.F. Siegel on Slavic legislation, comparative Slavic material and historiography of Veche institutions,

courts and enslavement; historical-comparative, source studies, textual and lexical-semantic methods are applied.

Results. The article consistently analyzes the *veche* publicity, the effect of custom, the judicial procedure of the Judicial Code of 1497 and the norm on peasant "refusal". It is established that a custom does not disappear overnight, but changes the legal status: it retains its meaning insofar as it can be recognized by a court, expressed in a procedure and confirmed by documentation or public action. It is shown that the right to exit turns into an operation depending on the calendar period, calculation of the "elderly" and proving the legality of the transition.

Conclusions. The results obtained make it possible to consider enslavement as a cumulative effect of legal techniques, rather than as an instantaneous replacement of freedom with prohibition. Restriction of mobility turned out to be due not only to direct prohibitions, but also to the fact that the freedom of transition was transferred to a rare, paid and provable procedure. The practical significance of the research consists in clarifying the methodology of reading early legal monuments without transferring later categories of serfdom to them.

References

1. Arakcheev V.A. *Zakreposhchenie krest'yan v Rossii v kontse XVI – nachale XVII vv.* [Enserfment of peasants in Russia at the end of the 16th – beginning of the 17th centuries]. *Voprosy istorii*, 2020, no. 1, pp. 106–117.
2. Grekov B.D. *Krest'yane na Rusi s drevneishikh vremen do XVII veka* [Peasants in Rus' from the earliest times to the 17th century]. Moscow, Leningrad, 1946, 958 p.
3. D'yakonov M.A. *Zapovednye i vykhodnye leta* [Prohibited years and departure years]. Petrograd, 1915, 20 p.
4. Zigel' F.F. *Zakonnik Stefana Dushana. Vyp. 1* [The Code of Stefan Dušan. Issue 1]. St. Petersburg, 1872, 369 p.
5. Zigel' F.F. *Istoriya slavyanskikh zakonodatel'stv: kurs lektsii, chitannykh v Imperatorskom Varshavskom universitete v 1913–1914 akad. g. Ch. 1: Istoriya cheshskogo prava; Ch. 2: Istoriya pol'skogo prava* [History of Slavonic legislations: a course of lectures delivered at the Imperial University of Warsaw in the 1913–1914 academic year. Part 1: History of Czech law; Part 2: History of Polish law]. Warsaw, 1914, 201 p.
6. Koretskii V.I. *Zakreposhchenie krest'yan i klassovaya bor'ba v Rossii vo vtoroi polovine XVI v.* [Enserfment of peasants and class struggle in Russia in the second half of the 16th century]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 368 p.
7. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 2: Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva* [Russian legislation of the 10th – 20th centuries. 9 vols. Vol. 2: Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1985, 520 p.
8. Seregin A.V. *Yuridicheskoe issledovanie gosudarstva i prava Drevnei Rusi* [Legal study of the state and law of Ancient Rus']. Rostov-on-Don, 2014, 245 p.
9. Skrynnikov R.G. *Rossiya posle oprichniny: ocherki politicheskoi i sotsial'noi istorii* [Russia after the Oprichnina: essays on political and social history]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1975, 223 p.
10. Shtamm S.I. *Sudebnik 1497 goda: uchebnoe posobie po istorii gosudarstva i prava SSSR* [The Sudebnik of 1497: a textbook on the history of state and law of the USSR]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1955, 112 p.
11. Bartlett R. Serfdom and State Power in Imperial Russia. *European History Quarterly*, 2003, vol. 33, no. 1, pp. 29–64.
12. Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago, The University of Chicago Press, 1971, 319 p.
13. Hellie R. The Muscovite Law Code (Ulozhenie) of 1649. Part I: Text and Translation. Irvine, CA, Charles Schlacks, Jr. Publisher, 1988, 293 p.
14. Kollmann N.S. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, 500 p.

15. Lukin P.B. Assemblies and Councils in Medieval Novgorod and Western Pomerania. *Slavica Wratislaviensia*, 2017, vol. 165, pp. 33–54.
16. Zigel F. Lectures on Slavonic Law: Being the Ilchester Lectures for the Year 1900. London, New York, Oxford University Press, 1902, 232 p.
17. Vovin A.A. Veche and the Terms “All Pskov” and “Pskov Men”: The Russian Medieval City Assembly as a Communal Structure. *Russian History*, 2013, vol. 40, no. 4, pp. 449–466.

ANDREY D. SOLONCHENKO – a Competitor of Scientific Degree of Legal Sciences Candidate, Department of Theory of Law and Civil-Law Education, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia, St. Petersburg (pass12355pass@yandex.ru).

Формат цитирования: Солонченко А.Д. Становление восточнославянского права: от вече к крепостному праву в интерпретации Ф.Ф. Зигеля [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus*. 2026. № 3. С. 122–132. URL: <https://oecomia-et-jus.ru/single/2026/3/9>. DOI: 10.47026/2499-9636-2026-3-122-132.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**Аркадьева О.Г., Петрова М.А.**

Оптимизация размещения филиальной сети коммерческого банка 1

Зинчук Г.М., Оканов А.В.Государственно-частное партнерство в сфере высшего образования:
особенности реализации в условиях цифровой адаптации 29**Касаткина Е.А., Ветлужских В.Д.**Исследование структурной трансформации региона
в условиях роста государственного заказа..... 41**ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ****Александров А.Ю., Диомидова В.Н., Иванова Н.Н.,****Копышева Т.Н., Петров К.А., Петров А.Р.**Публично-правовое регулирование разработки, регистрации и внедрения
систем поддержки принятия врачебных решений
на основе искусственного интеллекта..... 51**Бекетова Ю.А.**Установление криминального характера отравления жертвы
при раскрытии и расследовании убийств..... 62**Васильева Ж.С., Верещак С.Б.**Организация дистанционного труда:
практика правоприменения и тенденции развития 71**Еловикова Ю.С.**История развития уголовной ответственности за убийство
незаконнорожденных детей 81**Прынова В.И.**

Цифровая среда как новая реальность для юридического содействия 109

Солонченко А.Д.Становление восточнославянского права: от веча к крепостному праву
в интерпретации Ф.Ф. Зигеля..... 122